

Тетради по консерватизму

[№ 2 [11] 2014*]

Форум «Бердяевские чтения»
16 мая 2014 года

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Август 2014 г.]

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Форум «Бердяевские чтения»

К 140-летию
Николая Александровича Бердяева

{ 16 мая 2014 г. }

Стенограмма

Тетради по консерватизму

[№ 2 [1] 2014 г.]

Москва
Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2014

УДК 342.022
ББК 66.2(2Рос)
Т 37

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Главный редактор
А.Л. Чечевичников

Т 37 **Тетради по консерватизму:** Альманах Фонда ИСЭПИ: № 2 (1): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Стенограмма. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. – 142 с.

ISBN 978-5-7646-0128-1

В очередном номере альманаха «Тетради по консерватизму» публикуются материалы Форума «Бердяевские чтения», проведенного Фондом ИСЭПИ по случаю 140-летия Николая Александровича Бердяева.

УДК 342.022
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-7646-0128-1

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014

Дмитрий Бадовский. К читателю
7

Секция первая

Истоки и смысл русского консерватизма

М.А. Маслин
*Философема русской идеи: от Владимира Соловьева
до Николая Бердяева*
12

А.А. Попов
История русского консерватизма и славянофилы
22

А.В. Репников
Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы
25

А.С. Ципко
*Либеральный консерватизм Николая Бердяева и Петра Струве
и задачи декоммунизации современной России*
31

О.В. Гаман-Голутвина
*Творческое наследие Н.А. Бердяева и диалектика русской
политической истории*
42

Э.Г. Соловьев
*К истокам отечественного консерватизма: политологический
взгляд*
47

Секция вторая

**Консерватизм как социальная, экономическая, этическая,
политическая и религиозная категория**

А.П. Козырев
*«Судьба человека в современном мире», и упраздняет ли
консерватизм ценность человеческой свободы*
56

О.К. Авдеев
Консерватизм как фактор мягкой силы России
66

К.С. Бенедиктов, Н.А. Куркин, Б.В. Межуев
Современный консерватизм: параметры трансформации
80

Секция третья

**Мобилизационный потенциал консервативной идеи
в современной России**

М.В. Ремизов
Три направления разрушения современной цивилизации
и консерватизм
100

В.В. Федоров
Эволюция восприятия идеи консерватизма среди граждан России
104

И.М. Бунин
О социальной базе консерватизма
107

С.А. Марков
Моральное большинство против активного меньшинства
110

А.В. Щипков
Типология направлений консервативной мысли в современной
России
114

О.Ю. Малинова
Институциональные условия производства идеологий
в современной России: возможности и ограничения
124

Л.В. Поляков
Российский консерватизм на страже будущего
128

С.Ф. Черняховский
Мобилизационный потенциал политических идеологий
в современной России: проблема сохраняющего развития
131

Участники Чтений
139

К читателю

Фонд ИСЭПИ представляет вашему вниманию второй альманах «Тетради по консерватизму».

Первый – был составлен на основе выступлений, прозвучавших на семинаре «Базовые ценности консерватизма. История и современность» в штаб-квартире Общероссийского народного фронта в феврале 2014 года.

Очередная «Тетрадь» посвящена итогам Форума «Бердяевские чтения», который был впервые проведен Фондом ИСЭПИ в мае 2014 года в честь 140-летия русского философа Н.А. Бердяева. Доклады и дискуссии на форуме составили первую часть предлагаемого читателю альманаха. Во вторую часть включены ряд статей участников «Бердяевских чтений», а также доклады, подготовленные по заказу Фонда ИСЭПИ.

Форум проходил в принципиально иной политической ситуации, чем февральский семинар в ОНФ. Воссоединение Крыма с Россией, стремительное и трагическое развитие событий на Украине, а также рост международной напряженности в этой связи – способствовали формированию новой международно-политической реальности. Деформация государственности и гражданская война в соседней и по-родственному близкой нам стране существенно актуализировали консервативную тематику. На повестке дня вновь встал вопрос о стратегии устойчивого развития России, об обеспечении преемственности ее исторического наследия, культурной идентичности, государственного суверенитета.

Неудивительно, что идеи консерватизма востребованы сегодня политической практикой и находятся в фокусе экспертных дискуссий на различных уровнях. Можно уверенно прогнозировать дальнейшее усиление исследовательского интереса к консервативной проблематике.

Что есть консервативная позиция сегодня? Что наши сограждане вкладывают в понятия «консервативное мировоззрение» и «консервативные ценности»?

В какой степени консервативная идея отвечает на запрос современного общества? Каковы актуальные течения консервативной мысли в России? Как соотносятся консервативное мировоззрение и другие идейно-политические направления?

Обладает ли консервативная идея мобилизационным потенциалом в современной России, и каков он? Возможно ли широкое вовлечение граждан в политику через консервативные ценности, через консервативную идеологию?

В чем общность и в чем различие наследия консервативной мысли в России и на Западе? Чем отличается нарождающийся современный российский консерватизм от его западных аналогов?

Почему во всем мире так велик спрос на консервативную идеологию? И почему позиция России обретает союзников даже на Западе? Является ли наша страна в целом носителем консервативной идеи?

Все эти и многие другие вопросы, связанные с ценностно-идеологическими аспектами политики, обсуждались на майских «Бердяевских чтениях», основные итоги которых читатель найдет в очередном номере альманаха «Тетради по консерватизму».

Надеюсь, что Форум «Бердяевские чтения» станет регулярной площадкой академической коммуникации – обсуждения политических идей и стратегий представителями науки и общественными деятелями.

Истоки и смысл русского консерватизма

{ Секция первая }

М.А. Маслин
Философема русской идеи: от Владимира Соловьева
до Николая Бердяева

А.А. Попов
История русского консерватизма и славянофилы

А.В. Репников
Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы

А.С. Ципко
Либеральный консерватизм Николая Бердяева и Петра Струве
и задачи декоммунизации современной России

О.В. Гаман-Голутвина
Творческое наследие Н.А. Бердяева и диалектика русской
политической истории

Э.Г. Соловьев
К истокам отечественного консерватизма: политологический
взгляд

Модераторы: И.Л. Волгин, М.А. Маслин

И.Л. Волгин. В этой аудитории уместно задать вопрос: распространяется ли понятие «консерватизм» только на политическую сферу, только на идеологию или на эстетику тоже, на культурную политику? Имеет ли оно отношение к нравственной области? Скажем, являются ли семейные ценности консервативными по определению или нет? Духовные ценности могут быть консервативными, или есть иные варианты? Может ли быть консервативной наука? Могут ли быть воспитание и образование консервативными применительно к нашей современности? Можем ли мы говорить о возвращении к консервативным ценностям в парадигме советского периода? Являются ли, например, такие внешние признаки, как введение погон в Красной армии, введение министерств, компромисс с Церковью на исходе войны, признаками некой фундаментальной политики или только политической тактики? Уместно ли говорить о современных возможностях консерватизма, насколько он плодотворен сегодня? Как он сочетается с идеологией прогресса? Является ли он частью этой идеологии или ей противопоставлен? Если говорить о русском консерватизме, обнаруживаются некоторые странности. Откуда вести отчет? Если брать рубеж XVIII

и XIX веков, это Шишков с его «мокроступами» и его «Беседа любителей русского слова», это архаисты? С одной стороны, Шишков – противник Карамзина и автор Манифеста 1812 года. Именно накануне войны происходит смещение Сперанского и назначение Шихова на ключевую должность государственного секретаря. В Москве появляется Ростопчин, представитель консервативного лагеря, автор книжки «Плуг и соха», тоже один из первых русских консерваторов. С другой стороны, и Карамзин – первый наш европейский писатель, западник – может считаться одним из основателей русского консерватизма, если брать его «Записку о древней и новой России», «Письма русского путешественника». Но при этом он противник освобождения крестьян – их нужно сначала образовать. Вы знаете эпиграмму Пушкина по этому поводу:

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

У Карамзина была установка на преждевременность любых реформ. И при этом он – реформатор русского языка и противник Шихова в эстетике. Налицо сочетание

консерватизма в идеологии и реформистской практики в культуре.

Можно ли назвать революционера Герцена консерватором? Тем не менее в письмах «К старому товарищу» он пишет, что нельзя людей снаружи освободить больше, чем они освобождены внутренне. Это 1869 год. Он говорит, что взорванный порохом буржуазный мир после того, как осядет дым, вновь превратится в буржуазный мир. У него очень мощные аргументы приведены против бакунинского анархизма. Кто он? Революционер? Несомненно. Но в нем присутствуют и черты консерватизма... О Пушкине я говорить не буду – тут возможны любые интерпретации. От «на обломках самовластья напишут наши имена!» до «не дорого ценю я громкие права». Что это – эволюция Пушкина? Или это одна парадигма внутри империи свободы? Такие мощные фигуры, как Катков, мало исследованы до сих пор. Редактор «Московских новостей», он фактически описал внешнюю политику России своими статьями. Как говорит Розанов, министры только переписывали его статьи в свои ноты. Катков – уникальная фигура, основатель классического образования в России, вспомните знаменитые «катковские гимназии».

А кем был Толстой – консерватором или революционером? С одной стороны, патриархальное крестьянство, семья, консерватизм в эстетике, с другой стороны, потрясатель государства, церкви, семьи. Как всё это совмещалось в рамках одного характера, одной идеологии?

В 1970 году на Всемирном конгрессе историков [XIII Международный конгресс исторических наук. – Ред.] выступал Ричард Пайпс с докладом о русском консерватизме. Я был аспирантом тогда. Пайпс причислял Достоевского к русскому консерватизму, что очень проблематично, потому что в его идеологии есть этически максимальные вещи (полная свобода печати, например), а его идеи никак не укладываются в рамки классического консерватизма.

Думаю, что сегодня имеет смысл сосредоточиться на истоках русского консерватизма и на том, что он представляет сейчас как явление культуры, а не только чистой идеологии, насколько он применим к современной российской практике, – если вообще применим. Первый доклад – «Философема русской идеи от Владимира Соловьёва до Николая Бердяева», Михаил Александрович Маслин.

Философема русской идеи от Владимира Соловьева до Николая Бердяева

Дмитрий Бадковский, открывая наш форум, говорил, что надо иметь в виду не актуальную политику, для того чтобы обеспечить квалифицированный выход на актуальную политику. То есть необходимо знать те понятия, которыми зачастую оперируют, когда говорят о русском консерватизме. Одним из таких понятий, или концептов, растиражированных в актуальной политике в основном не симпатизантами, а, наоборот, ненавистниками России, является понятие русской идеи. Сошлюсь на последний вариант книги А.Л. Янова, который доводит данное понятие до В.В. Путина. Сошлюсь и на работы Марлен Ларюэль, французской исследовательницы, которая находит в евразийской традиции и ее преломлении проявления исконного русского империализма. Наконец, жонглирование, манипулирование термином «русская идея» является излюбленным приемом русофобов всех мастей и оттенков. Поэтому необходимо прояснить аутентичный смысл этого понятия, аутентичное содержание философемы русской идеи. Этому и посвящен мой доклад.

Творчество Николая Александровича Бердяева является ярким выражением не охранительной, а хранительной линии русской духовной культуры, направленной на сохранение ее духовной самобытности. Особенно ярок вклад Бердяева в разработку философемы русской идеи, нацеленной на целостную интерпретацию русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов и преображения человечества. Русская идея Бердяева – последовательного критика русофобии – очень актуальна сегодня, когда жизнь вновь подтверждает строки первого аналитика феномена русофобии, Федора Ивановича Тютчева, написанные еще в 1854 году:

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

Религиозная философема русской идеи несет на себе печать своеобразия метафизического духа ее классических разработчиков – Владимира Соловьева и Николая Бердяева, убежденных сторонников христианского универса-

лизма и резких критиков национализма. Отсюда понятна важность рассмотрения как действительного содержания философии русской идеи, так и социально-исторического контекста ее формирования. Свою первую формулировку эта философия получила, как известно, в одноименной брошюре Владимира Соловьева, написанной 23 мая 1888 года и опубликованной в том же году в Париже. Как свидетельствовал сам Соловьев в письме от 6 июля 1888 года, его «Русская идея» представляла собой предисловие к работе «La Russie et l'Eglise Universelle»¹.

25 мая 1888 года Соловьев прочитал только что написанную работу в салоне княгини Сайн-Витгенштейн, урожденной княжны Барятинской, где он был представлен собравшейся публике известным католическим церковным деятелем, русским иезуитом о. Пирлингом. По прошествии нескольких дней Соловьев повторил по просьбе княгини Витгенштейн свою лекцию в том же избранном кругу. Лекция произвела сильное впечатление на католическую аудиторию и в виде изданной брошюры была послана хорватскому епископу Штроссмайеру. Далее, через кардинала Рамполле, текст Соловьева был передан папе римскому Льву XIII. В комментарии к XII тому брюссельского фототипического собрания сочинений Соловьева, подготовленного католическим издательством «Жизнь с Богом», отмечается, что мнение римского первосвященника об этой работе было представлено в статье бенедиктинца Герарда Ван Калуна под заглавием «Рим и Россия» (опубликована 14 декабря 1894 года в журнале «Revue des deux Mondes»)².

Общий замысел русской идеи Соловьева относился к так называемому «теократическому» периоду его творчества, когда он разрабатывал учение о «вселенской теократии», испытав разочарование в своих первоначальных надеждах (близких к славянофилам) на русский народ как на носителя будущего религиозно-общественного возрождения для всего христианского мира. В конце марта 1887 года Соловьев прочел в Москве в пользу нуждающихся студентов две лекции на тему «Славянофильство и русская идея». Славянофильски настроенная московская публика приготовилась прослушать лекцию «аксаковского» направления, ведь в то время в печати находился очередной том собрания сочинений И.С. Аксакова, вышедший в свет под наблюдением вдовы писателя, А.Ф. Аксаковой, старшей дочери поэта Ф.И. Тютчева. Соловьев, встреченный, по словам присутствовавшего на лекции Л.И. Поливанова, «шумными рукоплесканиями», был провожден «гробовым и мрачным молчанием». С.М. Соловьев сообщает, что после лекции Аксакова немедленно отправилась в типографию, где печаталось собрание сочинений ее покойного мужа, и собственноручно вырезала ножницами предисловие Соловьева [6, с. 240–241]. Соловьев, рассердившийся на московское общество, написал следующие строки:

Город глупый, город грязный!
Смесь Каткова и кутьи,
Царство сплетни неотвязной,
Скуки, сна, галиматый³.

Не поддержанный в Москве, Соловьев направился во Францию, где и прочитал свою парижскую лекцию, представлявшую собой редакцию московской, с сохранением ее основного содержания. До Соловьева дошли слухи о том, что в русской прессе началась кампания против него. В письме к А.А. Фету он даже

¹ См.: Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1969. С. 89.

² Там же. С. 90.

³ Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. С. 147.

выразил опасение: «как бы не вышло какого-нибудь затруднения с возвращением моим из-за границы»¹. Чем же провинился Соловьев перед московскими «славянолюбями»? В чем смысл обвинения его в «непатриотизме» в московских газетах? Наверное, не в том, что значительная часть его «Русской идеи» построена на критике разных грехов России. Ведь и славянофилы, начиная с А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, остро критиковали различные российские неустройства. Дело, видимо, в том, что Соловьев затронул «болевым нервом» официальной имперской идеологии, основывавшейся тогда на панславизме. И попал он, надо сказать, в ее слабое место. Соловьев прекрасно сознавал, что в «панславистском варианте» русская идея является очень неустойчивой и в метафизическом, и в политическом отношениях [3, с. 164–165]. Православие – не племенная религия, доктрина России – не партикуляризм, а универсализм, и для русской идеи несостоятельно подчеркивание любой односторонней этнической ориентации, в том числе вытекавшей из панславизма. Надежда на то, что славянство могло быть сцементировано православием, высказанная когда-то Юрием Крижаничем, теперь, по Соловьеву, несостоятельна. Особенно если учитывать, что в наиболее чувствительных для России геополитических точках – в центре Европы (Польша) и на юге Европы (Хорватия) – славяне исповедуют католическую религию. Призыв Соловьева к самоотречению России во имя христианского единства, во всяком случае, выглядел как более реалистический взгляд на духовные и геополитические перспективы, чем «племенной национализм» панславистской доктрины.

XX век внес в российский исторический процесс особенно тяжелую череду беспрецедентных переломов, взлетов и падений, отрицаний и потерь. Оказавшись в эпицентре двух мировых войн, революций, демографических и экологических катастроф, испытал тяжкое тоталитарное бремя, сменив все возможные политические режимы, Россия как бы втянулась в поставленный историей грандиозный и мучительно затянувшийся эксперимент на выживание. Всё это подталкивало такого национально мыслящего философа, как Николай Бердяев, к выработке новой метафизической страгемы русской идеи. Книга Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» была написана и опубликована по-русски в 1946 году и имела, подобно соловьевской «Русской идее», такую же трудную судьбу в среде русского образованного общества (в то время, разумеется, ограниченного лишь кругом русского зарубежья).

Удивительно то, что одна из последних книг русского философа, всю жизнь писавшего о Родине, возлагавшего на Россию большие надежды и критиковавшего Запад, была, в общем, мало любима русским зарубежьем. Как ни странно, ее больше ценили западные мыслители. «Русская идея» на Западе была буквально «схвачена на лету» и уже в 1947 году появилась в английском переводе. Свободная эссеистская манера изложения, образный и незасушенный язык в сочетании с ярко выраженной авторской манерой письма были восприняты на Западе как сенсационное откровение и принесли Бердяеву настоящую славу. По книге «Русская идея» учились понимать Россию все послевоенные поколения западных, как европейских, так и американских, *Russian studies*. Если для русского зарубежья самым известным русским философом был Владимир Соловьев, то для западных русистов таковым стал Николай Бердяев. Он и сам признавал в «Самопознании», что «на Западе меня ценили более, чем в русской среде. На Западе на всех языках обо мне много писали, много меня хвалили, были внимательны к моей мысли»². Но больше всего Бердяев сожалел о том, что его не

¹ Соловьев В.С. Письма к А.А. Фету // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Письма. Т. 3. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. С. 116.

² Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1991. С. 332.

знают в Советской России: «Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, – это моя родина»¹.

В среде русского зарубежья буквально сразу же после высылки Бердяев оказался под перекрестным огнем критики самых различных фракций русской интеллигенции. В разное время и по разным поводам о нем писали В.И. Иванов, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Н.А. Полторацкий, Ф.А. Степун и многие другие². Даже Петр Струве, давний соратник Бердяева еще по легальному марксизму, присоединился к этому антибердяевскому хору, обвинив старого друга в «гордыне, велемудрии и пустоте»³. Но настоящая буря разразилась в эмигрантской среде в связи с опубликованием «Русской идеи». Писатель Борис Зайцев, старый знакомый Бердяева, при одной из последних встреч с ним в Кламаре едва ли не отказался поздороваться с автором «Русской идеи». Причина в том, отмечает писатель, что: «Он слишком был с “победителями”»⁴. Более объективно настроенный Георгий Федотов возразил против примитивного отождествления Бердяева с «победившим коммунизмом». Он указывал, что Бердяев как философ и христианин на самом деле «боролся на два фронта: против капитализма и коммунизма одновременно»⁵. Однако и Федотов выразил несогласие с «русскими патриотическими настроениями» Бердяева. Он посчитал, что указание автора «Русской идеи» на существование особых метафизических свойств русского духа является отходом от подчеркивания всеобщей христианской миссии России и ее народа. Здесь надо принять во внимание особенно болезненную для мыслителей зарубежья тему патриотизма, поскольку многие эмигранты отказывались видеть в «Советии» (термин И.А. Ильина) свою родину и представляли Россию в виде какой-то вымышленной страны своих грез и фантазий, но никак не в виде реально существующего СССР. Бердяев имел смелость признать родину, пусть больную и измученную, – родиной, несмотря на господство в ней коммунистической лже-религии.

Сравнение соловьевской и бердяевской версий русской идеи демонстрирует их несхожесть. И Георгий Федотов был совершенно прав, когда констатировал принципиальный уход Бердяева от абстрактных универсалистских упований на грядущее соединение всех христианских церквей. Неправ Федотов был в другом – а именно в том, что продолжал считать, как и многие мыслители русского зарубежья, вселенское призвание России – служить не самой себе, а всему миру – вечной ее судьбой.

Думается, ближе всех в понимании философской личности Бердяева был Сергей Левицкий, называвший Бердяева самой яркой личностью в русской философии XX века. В этом, по Левицкому, Бердяев как раз «схож с Владимиром Соловьевым, который также как личность выше своих творений»⁶. Однако сходство масштабов этих философских личностей не отменяет того принципиального различия между ними, которое определялось тем, что Соловьев был мыслитель, чье творчество укладывается в хронологические рамки XIX века, тогда как Бердяев ощущал себя прежде всего человеком XX века. Он жил в «эпоху катастрофическую для всего мира», и на его глазах «рушились целые миры и воз-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 322.

² См.: Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Ермичева. СПб., 1994.

³ П.Б. Струве в 1929 году написал о Бердяеве статью под названием «О гордыне, велемудрии и пустоте», опубликованную в газете «Россия и славянство» (Прага. 1929. 16 февраля. № 12). См. там же. С. 363–364.

⁴ См.: Зайцев Б.К. Бердяев // Там же. С. 388.

⁵ Федотов Г.П. Бердяев-мыслитель // Там же. С. 444.

⁶ Левицкий С.А. Бердяев: пророк или еретик // Там же. С. 516.

никали новые». Отсюда то, что Бердяев назвал «разрывом XX века с XIX веком»: «События его времени кажутся маленькими по сравнению с современными»¹.

Не как дискурсивно мыслящий философ, но именно как пророк и провидец, переживший трагедии русского и мирового бытия, Бердяев осознал, что потенциал соловьевского универсализма требует коррекции. Первоначальная соловьевская версия русской идеи, связанная с оптимистическим видением перспектив христианской общественности, вполне способная быть идейной подпоркой для большой России, империи и действительно ставшая обоснованием культурного возрождения начала XX века, свою былую актуальность утратила.

Бердяев выступает против «мистики расы и крови», вовсе не характерных для духовного склада русских, но говорит о их близости к «мистике земли». По сути дела, речь идет о специфике русского пути культурного и цивилизационного развития. Бердяев убедился в том, что западная культура завершила, идейно и логически, гуманистическую стадию своего существования. Западная цивилизация, основанная на примате техники, господства человека над природой, индивидуализме, исчерпала себя. Гуманизм устремляется или вверх, к Царству Божьему, или вниз, к царству антихриста. Россия же так и не смогла принять новоевропейскую гуманистическую культуру, с ее формальной логикой, «секулярной серединностью». Русские, по Бердяеву, – или нигилисты, или апокалиптики.

Нигилизм в лице большевизма восторжествовал в России, но именно в силу радикализма русского духа большевики оказались ближе к народу, чем либеральные интеллигенты. Отсюда большевизм есть русская судьба, ее часть. Бердяев с самого начала выступил против идеологии белого дела и в этом качестве получил для себя непримиримого противника в лице Ивана Ильина, который называл его не иначе как «Белибердяевым»². Никакое насильственное ниспровержение большевизма, считал Бердяев, не может быть осуществлено. Упование на это – тот же материализм, то же безбожие, ибо коммунизм должен быть побежден не материально, а изжит духовно, медленным процессом религиозного покаяния и духовного возрождения. Признание «правды и лжи» коммунизма необходимо еще и потому, что духовно-религиозное возрождение начнется в России не в попятном направлении, в смысле возвращения к секулярно-христианскому гуманизму, утверждавшемуся в России в начале XX века. Либерализм в России не состоялся (уже в сборнике «Вехи» (1909), в статье «Философская истина и интеллигентская правда» Бердяев объяснил – почему). Нужно движение вперед, к эпохе Святого Духа, к новой коммюнитарности.

Выдающимся качеством бердяевского анализа метафизики русского национального духа было постоянное и целенаправленное, сознательное восприятие русской интеллектуальной истории как целостности, без изъятий и искусственных перерывов ее органического пути развития. В десять глав своего сочинения «Русская идея» Бердяев вместил и Петра, и декабристов с Радищевым, Белинского и Пушкина, Достоевского и Гоголя, славянофилов и Тютчева, Соловьева, Толстого, Герцена, Розанова, Чернышевского, Писарева и Ленина, Кропоткина и Бакунина, Михайловского, Леонтьева, Федорова и культурное возрождение начала XX века. Конечно, Бердяев субъективен, и его оценки всецело отражают его собственные метафизические пристрастия, наконец, личные вкусы. Но все указанные фигуры – суть элементы русской идеи, которые не могут быть выброшены из ее органического состава, как бы этого ни хотелось тому или иному ее интерпретатору. О себе он пишет следующее: «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чер-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 272.

² Н.П. Полторацкий пишет в статье «Русская религиозная философия»: «И.А. Ильин в корне отвергал Бердяева с теми его мотивами, которые он именовал бердяевщиной и даже белибердяевщиной» [5, с. 133].

нышевского (несмотря на различие мирозозерцаний), более всего Достоевского и Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель»¹.

Как видим, Бердяев при всей своей субъективности проявил не только философскую честность, но и смелость, основанную на историзме. Правда – это историзм особого рода, который во многих отношениях открыт для критики. Например, у Бердяева почти «на нуле» познания в области истории русской науки, он совершенно исключает Д.И. Менделеева, одного из пионеров отечественного россиеведения, практически ничего не говорит об истории русской социологии, психологии, не упоминает ни В.И. Вернадского, ни К.Э. Циолковского, ни К.А. Тимирязева.

Разделял Бердяев и явные предубеждения, не выдерживавшие критики с точки зрения уровня научных знаний XX века. Например, его настаивание на «отрицательности византийского влияния» на русскую мысль выглядело явным анахронизмом, входило в противоречие с наличным уровнем тогдашней византологии и медиевистики (если иметь в виду работы Г.П. Федотова и Г.В. Флоровского по истории древнерусской мысли). К тому же этот тезис никак не вязался с его собственной высокой оценкой творчества Леонтьева, ориентированного на утверждение прямо противоположного мнения. Отсутствие у Бердяева солидных знаний в области древнерусской философско-богословской мысли отмечает также М.Н. Громов – ведущий специалист по отечественному антиковедению [1].

Много в «Русской идее» и различного рода частных ошибок, спорных положений, натяжек, стремлений выдать желаемое за действительное. Несколько комично выглядело положение о том, что анархизм был, якобы, изобретением русской мысли. На самом деле, как известно, все главные разновидности русского анархизма – индивидуалистическая, коммунистическая, религиозная – имели соответствующие западные аналоги. С другой стороны, Бердяев явно недооценивал уровень профессиональной философской мысли в России, утверждая, что «Гегель совсем не был у нас предметом философского исследования»². Это странное утверждение, несомненно, объяснялось тем, что как философ Бердяев вращался всегда вне академических кругов. Бердяевская недооценка русской профессиональной, университетской философии впоследствии надолго стала общим местом западной историографии русской философской мысли. Конечно, сам Бердяев не мог не знать, что один из его постоянных философских оппонентов – Иван Ильин – в 1918 году с блеском защитил в Московском университете диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», которая представляла собой новейшее слово европейского гегелеведения. Не мог не знать Бердяев и о том всеобщем увлечении русских философией Гегеля, о котором у Козьмы Пруткова сказано [4, с. 245]:

В тарантасе, в телеге ли,
Еду ночью из Брянска я,
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская.

Очень спорными оказались и бердяевские заявления о том, что русское народничество не было законченной доктриной; что в России не было концептуально обоснованного либерализма и т.д. и т.п.

Несмотря на указанные недостатки, список которых может быть продолжен, бердяевская работа была, несомненно, новаторским сочинением. Это было первое после Второй мировой войны обобщающее произведение, посвя-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 25.

² Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М.А. Маслин. М.: Наука, 1990. С. 106.

щенное анализу истории русской мысли. Солидная двухтомная «История русской философии» Василия Зеньковского появилась лишь в 1948–1950 годах и далеко не сразу могла быть адаптирована к уровню западной читающей публики, практически не знакомой тогда с азами русской философской культуры.

К сожалению, значительной частью американских и западноевропейских русистов «Русская идея» была воспринята как своего рода «приглашение к субъективизму» в оценке русской мысли. И Бердяев не всегда виноват в этом. Дело в том, что его параллели, образы и сравнения, другие приемы его философского письма, имевшие в контексте «Русской идеи» специфическую метафизическую нагрузку, неискушенными славистами и историками русской мысли стали пониматься слишком буквально. Это послужило питательной почвой для формирования целой серии предубеждений, штампов и стереотипов о русском духе.

Многие символы русского духа для Бердяева не обязательно имеют какое-то конкретное историографическое подтверждение. Они свободно перемещаются в книге и «по вертикали», и «по горизонтали». В первом случае Бердяев распространяет на идеи и течения русской мысли позднейшие или, наоборот, предыдущие явления или умонастроения. Так, Петр I для него – первый большевик, а Ткачев – предтеча ленинизма. Во втором случае Бердяев не видит принципиальной разницы между сосуществовавшими во времени направлениями, считая их однопорядковыми проявлениями религиозной энергии; например, для него в определенном смысле нет существенной разницы между народничеством и славянофильством, а социалисты в чем-то сходятся в «Русской идее» с Толстым и т.п. Западные специалисты по Russian studies, не слишком озабоченные, особенно в первом поколении, соображениями историографической достоверности, стали пользоваться реинтерпретированной бердяевской методологией для доказательства разного рода вымышленных параллелей и конструкций, связывавших, например, инока Филофея со Сталиным, Ивана Грозного с Троцким и т.п.

Однако совершенно невостребованным оказалось на Западе другое качество бердяевского философствования. Поздний Бердяев был убежден, что весь XX век должен быть занят изживанием новоевропейского гуманизма, так же как и коммунизма. Россия – не Запад и не Восток, а Востоко-Запад, осуществляющий прорыв в новую сферу духа, в новое состояние общества, которое должно прийти на смену буржуазному индивидуализму и социализму. Особый интерес в этом отношении вызывали у Бердяева все «пореволюционные течения», все формы «пореволюционного сознания», основанные на целостном понимании России, например, евразийство. Не соглашаясь ни с одним из возникших в русском зарубежье «пореволюционных течений» (в евразийстве, например, его не устраивал «этатический утопизм», не соответствовавший духу его философии персоналистского типа), Бердяев тем не менее видел здесь попытки осуществления нового «социально-религиозного синтеза».

Владимир Варшавский, автор замечательных мемуаров, в которых дано описание идей и жизни русского зарубежья, показал существование в эмиграции двух вариантов русской идеи, которую представляли, с одной стороны, «общественники-позитивисты», сторонники «евангельского по своему происхождению реформаторского замысла просветительства», а с другой стороны, «русские мессианисты», которые считали, что Россия «укажет выход из духовного тупика, в который завела Запад гуманистическая и рационалистическая традиция». Варшавский считал, что, несмотря на принадлежность к «мессианистской» линии, русская идея Бердяева была «попыткой примирения правд двух враждующих лагерей русской интеллигенции»¹.

¹ *Варшавский В.* Незамеченное поколение. М.: Изд-во «Русский путь»; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 310.

Эта сторона бердяевского творчества остается не менее актуальной и сегодня, спустя сто сорок лет со дня рождения великого русского мыслителя. Как русский метафизик, Бердяев наверняка осудил бы попытки расчленения целостной метафизической картины русского национального духа на отдельные, произвольно выбранные фрагменты. Как известно, 1990-е годы прошли под знаком радикальной деидеологизации (на самом деле – продвижения различных вариантов антикоммунистической идеологии). Идеи и учения, так или иначе связанные с обоснованием социализма, прошли путь от «поклонения к забвению», стали неупоминаемыми. Но в школьных и вузовских программах, внешне свободных от идеологизирования, на самом деле присутствуют идеологические зерна. Их можно назвать прагматическими и либеральными. Реформаторы образования хотели оторваться от советского прошлого (где с образованием было отнюдь не плохо), а на деле лишь усугубили разрыв с великой русской традицией. В этой связи уместно вспомнить известное изречение А.А. Зиновьева: «Целили в коммунизм, а попали в Россию»¹.

Для русского освободительного движения были традиционно свойственны идеи «долга перед народом», сочувствия «униженным и оскорбленным», жалостливости и сострадания, кенотизма, защиты угнетенного большинства, названные Н.А. Бердяевым «почти святыми». Они, по Бердяеву, являются неотъемлемыми составными частями русской идеи. Знаменитый роман Чернышевского «Что делать?», оказавший огромное влияние на русскую интеллигенцию, Бердяев считал «художественно-бездарным», основанным на «очень жалкой и беспомощной философии». Вместе с тем Бердяев писал о нем следующее: «Социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским и очень почитаю его. Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств и в своей борьбе против ревности в человеческих отношениях. При этом в книге его, столь оклеветанной правыми кругами, есть сильный аскетический элемент и большая чистота. Интересно, что сам Чернышевский, один из лучших русских людей, относился с трогательной, необычайной любовью к своей жене»². Надо сказать, что подобное незлобивое и положительное отношение к идеям Чернышевского разделял и другой классик русской идеи – Владимир Соловьев, ценивший эстетику автора сочинения «Эстетические отношения искусства к действительности».

* * *

Ныне идеи любви и кенотизма, входящие, по Бердяеву, в состав русской идеи, оказались во многом забытыми и вытесненными идеями индивидуализма, личного успеха, конкурентоспособности, защиты прав и свобод отдельного человека – идеями, несовместимыми с самим коммунистическим и антииндивидуалистическим духом русской идеи, о котором писал Бердяев. Пора, наконец, понять, что комплексное, интегральное изучение наследия русской мысли без «редакционных правок» и заранее ожидаемых конъюнктурных результатов самоценно и представляет огромное значение для ее дальнейшего существования. Одним из основоположников современного руссиеведения и был Николай Бердяев, прокладывавший пути к освоению всей цельности русского духа.

Юбилей Бердяева заставляет нас вспомнить о том, что на 2011–2014 годы пришлось череда юбилейных дат, связанных с памятью о видных представителях отечественной мысли, вошедших в пантеон русского освободительного движения. В 2011 году отмечался 200-летний юбилей В.Г. Белинского, в 2012-м исполнилось 200 лет со дня рождения А.И. Герцена, в 2013-м – 200-летие Н.П. Огарева,

¹ См.: ...А попали в Россию // Литературная газета. 2012. № 43. 31 октября.

² Бердяев Н.А. Самопознание. С. 86.

в 2014 году – 200-летие М.А. Бакунина. Эти имена, часто упоминаемые в «Русской идее» Бердяева, стали символами освободительного движения в том его исторически-первоначальном смысле, который связан с главным событием русской истории XIX века, провозглашенным «Положениями 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Однако эти юбилеи остались едва замеченными (если не сказать проигнорированными) современным российским общественным сознанием.

Многие ныне забываемые черты русского духа, описанные Н.А. Бердяевым, вполне могут быть реконструированы на основе обращения к его «Русской идее». Необходимо помнить только, что русская идея для Бердяева – это не сциентистское или политизированное, а религиозно-философское понятие. Это скорее духовный образ, религиозная философия, несущая в себе печать религиозно-философского духа самого Бердяева. Он был сторонником такого понимания русской идеи, которое можно назвать духовной квинтэссенцией русской жизни, соединенной с его собственными духовными устремлениями. Их можно принимать или не принимать, но игнорировать их невозможно, ибо они стали фактом культуры, породили множество дискуссий, не прекращающихся и поныне.

Христианский универсализм В.С. Соловьева, соответствовавший всему строю его философии всеединства и органично связанный с идеей Ф.М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души, послужил основой для формирования классического жанра русской идеи, следовавшего в целом в «соловьевском» метафизическом русле – в произведениях Е.Н. Трубецкого, В.В. Розанова, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, И.А. Ильина и др. [4, с. 474–476]. Общий дух соловьевского универсализма разделяли все теоретики русской идеи, в том числе и Бердяев, который писал: «Я приехал на Запад со своими русскими идеями. Но эти русские идеи были вместе с тем идеями универсальными. Я всегда был универсалистом по своему непониманию и вместе с тем всегда ощущал этот универсализм, как русский»¹. Следовательно, соловьевская и бердяевская версии русской идеи не являются ее двумя противоположными полюсами. Бердяев как метафизик развил далее содержание русской идеи Соловьева. Это нужно понимать таким образом, что он вовсе не отказался от христианской перспективы и христианского измерения русской идеи. Вместе с тем он мощно заявил о существовании собственных национальных интересов России, что в его понимании как раз является главным итогом, уроком, выводом последнего этапа развития русской мысли в XIX и начале XX столетия. В заключительной части своей книги он подчеркнул: «Русская мысль, русские искания начала XIX в. и начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа»².

Очевидно, что первоначальная оценка сочинения Соловьева о русской идее, данная в католических кругах, несколько не касалась его религиозно-философского содержания. Все то, что выражало содержание русской идеи Соловьева, сформулированной под влиянием Достоевского, – понимание сущности национального самосознания, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, – несколько не интересовало католических богословов, которые текст Соловьева восприняли исключительно как «промемотию» о «практической форме воссоединения русской Церкви с Римом»³. Русскому читателю текст Соловьева стал доступен лишь в 1909 году

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 246–247.

² Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. С. 266.

³ Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 11. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1969. С. 90.

в переводе Г.А. Рачинского, опубликованном в 100-й книге журнала «Вопросы философии и психологии». Поэтому бердяевский вклад в философию русской идеи следует оценивать как воссоздание на новом витке истории ее классического варианта, основанного Владимиром Соловьевым, и как итог развития жанра русской идеи в XX столетии.

Литература

1. *Громов М.Н.* Зарубежный период творчества Н.А. Бердяева // Русская философия в изгнании. Исследования и публикации / ИНИОН РАН; Комиссия по комплексным исследованиям российской эмиграции Научного Совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, А.Я. Дегтярева; гл. ред. Ю.В. Мухачев. М.: Парад, 2012. С. 96–115.
2. *Левицкий С.А.* Бердяев: пророк или еретик // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Ермичева. СПб., 1994. С. 501–517.
3. *Малая В.Г.* Русская идея и национальный вопрос в творчестве Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2003. Вып. 6. С. 144–174.
4. *Маслин М.А.* Русская идея // Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 474–476.
5. *Полторацкий Н.П.* Русская религиозная философия // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 123–140.
6. *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / Послесл. П.П. Гайденоко; подгот. текста И.Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. 431 с.

История русского консерватизма и славянофилы

Сначала несколько слов в контексте выступления Михаила Александровича [Маслова. – Ред.]. Я уже слышал его высказывания по поводу «Русской идеи», он давно занимается этой темой, и у меня никаких возражений на сей счет нет. Но хотелось бы отметить, что проблема национальной идеи возникла намного раньше – с того момента, когда Гегель сформулировал эту концепцию, эту проблему. Есть работы, посвященные истории философии Гегеля в России, в которых указывается на размышления самого Гегеля, который начиная с 1820-х годов воспринимает Россию как страну, наиболее интересную с точки зрения развития будущей истории, возможности реализации «русской идеи». Он пишет Борису Иксюлю, что Россия сейчас является одной из самых великих держав, но она располагает возможностями для дальнейшего развития своей природы. Гегель здесь опережает Герцена, говоря о том, что многие страны уже выполнили ту задачу, которая им предназначена, а России это еще предстоит. Мы видим, что в двадцатые, тридцатые и сороковые годы соответствующая проблема уже обсуждается, хотя термина «русская идея» еще нет.

Мне представляется, что идея «национальной идеи» возникает еще у Чаадаева в «Апологии сумасшедшего». Он пишет, что славяне (славянофилы) не понимают, что за каждым историческим фактом лежит идея. Он несколько раз повторяет это начиная с 1837 года, а в 1842 году, не будучи уверенным, что письмо дойдет, дважды пишет Шеллингу о славянофилах – дескать, распространились поборники философии гегельянства, которые хотят изменить идею страны. Видно, что это – результат тех споров, которые были в конце 1830-х годов между Чаадаевым и Хомяковым, уже активно работавшим над своей «Семирамидой», которую он так и не сумел закончить. В 1858 году он сформулировал свою идею о том, что смысл роли России стать самым христианским народом, стать самым моральным, нравственным народом, сохранить ту чистоту христианства, которая осталась в русской истории.

Далее идея развивается – Владимир Соловьев уже использует термин «русская идея»...

Но появилась эта проблема в 1820–1830-х годах. Тогда же, на этой гегельянской проблематике, возник и феномен русской интеллигенции. Почему у нас за сто лет возникло столько всемирных проектов? Одно из объяснений этому – концепция национальной идеи.

Бердяев опубликовал свою первую работу в 1908 году – статью «А.С. Хомяков как философ». Это был период написания знаменитой монографии 1912 года [«Алексей Степанович Хомяков». – Ред.]. И до конца его жизни можно перечислить около трех десятков работ, где тема славянофильства постоянно обсуждается. И потому проблема «Бердяев и славянофилы», прежде всего «Бердяев и Хомяков», очень актуальна. Я специально перечитал статью Федотова «Бердяев как мыслитель», в которой он пишет об истоках бердяевских идей, ссылаясь на славянофилов и на Хомякова.

Очень яркий эпизод связан с тем, что Н.А. Бердяев активно выступил в защиту славянофилов после публикации в 1916 году книги П.А. Флоренского «Около Хомякова». На Флоренского тогда ополчилось всё его окружение. Флоренский потом сказал, что на эту тему он больше писать не будет. Бердяев часто критиковал Хомякова за его либерализм, демократизм, консерватизм, за то, что у него ценности не хватает. Но здесь он открыто говорит, что Хомяков – это наше наследие, от него отказываться нельзя, потому что если мы сейчас откажемся от славянофилов, то следующим будет Владимир Соловьев. После 1920-х годов у Бердяева произошли большие изменения в отношении к славянофилам. «Истоки и смысл русского коммунизма», «Судьба России» – в них он несколько по-иному интерпретирует славянофильское наследие. Но в любом случае, лучшей работы, чем Бердяев, посвященной Хомякову, конечно, никто не написал. Она останется классической надолго.

В «Философии неравенства» из русских Бердяев причисляет к консерваторам Пушкина, Леонтьева, Достоевского. Славянофилов он в этом отношении обходит. В «Русской идее» он вновь к этой тематике возвращается.

Проблема истории русского консерватизма очень актуальна, и мы сегодня только пытаемся осмыслить ее. Надо признаться, что самым интересным и авторитетным историком консерватизма в России является Ричард Пайпс. Его выступление на упоминавшемся выше конгрессе я прочел сразу же по выходе брошюры. Его выводы в отношении истории консерватизма в России совершенно не устарели, на них можно до сих пор ссылаться. Пайпс сказал следующее. В 1830–1840-х годах начинается новый этап, период интеллигентского консерватизма, когда идеал единства не самодержавия и дворянства, а самодержавия и народа. Кроме того, консерватизм перестал быть космополитической идеологией, он превратился в идеологию с выраженным национальным оттенком. Теоретическое обоснование консерватизма, характерное для середины XIX века, – это отрицание рационализма, упор на живую жизнь, которая намного богаче всех теоретических размышлений. В философском отношении это переориентация с Гегеля на Шеллинга.

Наша история очень трагична, особенно эпоха Николая II. Он со своей семьей расплатился за то, что не решился сделать Николай I. Многие проблемы нашей современной истории коренятся в 1830–1840-х годах. Г.В. Плеханов говорил, что в них – фокус, где сходятся и расходятся все лучи русской мысли. В этот период и в 1850-х годах в России могла сформироваться идеология консерватизма, в первую очередь благодаря славянофилам. Ключевой фигурой должен был быть Ю.Ф. Самарин, он был государственным. Почему Бердяев все время критикует славянофилов и говорит, что они заигрывают с либерализмом и демократизмом? Потому что у них имело место отрицательное отношение к государству. Он прав, если иметь в виду К.С. Аксакова, который говорил, что государство по своей природе есть зло. Соответствующие взгляды повлияли и на М.А. Бакунину.

Но в славянофильстве был очень мощный и государственный элемент. Ю.Ф. Самарин в 1846 году, в своей работе «О мнениях “Современника”, исторических и литературных», предполагал, что русская история будет развиваться во многом исходя из крепкого политического устройства России. И здесь никаких размышлений о том, что политика – это внешняя правда, у него практически не встречается. Он сопоставляет политическую ситуацию в России с Англией. Он задается вопросом, кто такие английские консерваторы – это европейские славянофилы, а мы фактически повторяем в политическом отношении те идеи, которые защищают тори. Какая между нами разница? Основа английского консерватизма – аристократия, основа русского консерватизма – черная изба крестьянина. И эту идею, по его мнению, надо развивать.

В результате была сформирована определенная идеология, в чем-то противоречивая. Она сочетала в себе основные консервативные принципы (традиции, основы древнерусского просвещения; их надо сохранять и развивать). В политике, которую проводили славянофилы в 1850-х годах, многие эти идеи в явной форме реализовались. Несмотря на имевшиеся разногласия, мировоззрение славянофилов было единым, что достигалось авторитетом Хомякова. (После его смерти этого уже не было.) Свидетельством наличия цельного мировоззрения было то обстоятельство, что славянофилы никуда не разбежались, в отличие от западников. Они до конца жизни оставались верными своей идеологии. Особенно активно эту политику они проводили через журнал «Русская беседа». Т.Н. Грановский писал К.Д. Кавелину 2 октября 1855 года: «Я до смерти рад, что они затеяли журнал... Я рад потому, что этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения, которыми морочили они детей, таких, как ты. Надобно будет сказать последнее слово системы, а это последнее слово – православная патриархальность, не совместная ни с каким движением вперед»¹. Дежурное обвинение было, что они обскуранты и отрицают всякий прогресс.

Но славянофилы показали свое умение отвечать на потребности времени. Здесь блестяще проявили себя И.С. Аксаков, который занимался редактированием номеров, и А.И. Кошелев, формировавший политику журнала. Аксаков пишет: «Мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность». Практически, либеральная политика.

Главное в славянофильстве то, что они сумели использовать идейную основу консерватизма; безусловно, защищать всё, что есть, быть поборниками реакционного консерватизма они не могли. Они понимают, что нужны изменения, которые должны опираться на традиции и которым изменять нельзя. Самарин задается вопросом: не получается ли, что мы отказываемся от той идеологии, которую провозгласили и которую защищаем? Хомяков пишет Самарину, что истинный прогресс заключается в консерватизме, а славянофильство – «это дело прогресса истинного, который потому самому есть истинный консерватизм», «меня утешает, что во многих из ошибающихся консерваторов я вижу задатки истинного прогресса, который часто исключаю во многих прогрессистах».

Если бы славянофилы имели возможность до конца высказаться, влиять на политику... Самарин не раз высказывал сожаление, что политике Александра II не хватает осмысленности. Он часто бравировал, говоря, что может сделать что угодно, потому что наши верхи сами не понимают, какую политику они защищают.

Последующие реформы были половинчатые. Но то, что могли сделать славянофилы, они делали максимально результативно, например, земские реформы, реформа системы городского устройства. Та же самая Москва – в топонимике мы не знаем больше следов фамилий славянофилов, но две улицы в Москве носят имена Дмитрия Федоровича Самарина и Юрия Федоровича Самарина. После их смерти они были названы и до сих пор сохранены.

Что же касается Николая Александровича Бердяева, его можно рассматривать как человека глубокого и хорошо понимающего звучание струн русской истории, русской философии и истории русской мысли. Но видеть в нем классика консерватизма сложно. Бердяев показал пластичность русской души, и в своей религиозной философии, и в разработке идеологических проблем – во всем этом он показал себя как мыслитель самого высокого уровня.

¹ Грановский Т.Н. Переписка. М., 1897. Т. II. С. 456–457.

Константин Леонтьев и Николай Бердяев: созвучия и диссонансы

Интерес мыслителей и поэтов Серебряного века к жизни и наследию Константина Леонтьева известен¹. С одной стороны, в Леонтьеве привлекали его парадоксальность и налет «нищезанства». С другой стороны, философов, как в свое время и славянофилов, отталкивал леонтьевский культ государственности в сочетании с органической теорией. «Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды...» – писал В.В. Розанов².

В бердяевской статье 1905 года Леонтьев – это «философ реакционной романтики», чья реакционность граничит с «таинственным каким-то революционерством»³. Бердяев писал: «Леонтьева я решаюсь назвать сатанистом, надевшим на себя христианское обличие»⁴. Для Бердяева это «страшный писатель», ищущий в христианстве черты «мрачного сатанизма», родственные его «больному» духу. Особый акцент делался на интеллектуальном одиночестве мыслителя, поскольку современники «видели только поверхность его идей, схожую с катковщиной, и не понимали его мистической глубины, его безумной романтичности»⁵.

В своих аналогиях Бердяев и Розанов были не одиноки. Философ-декадент Ф.Ф. Куклярский в 1912 году написал работу с характерным названием «К. Леонтьев и Фр. Ницше как предатели человека», охарактеризованную Розановым как лучшую в русской литературе оценку Леонтьева. Бердяев неоднократно писал о том, что Леонтьев предвосхитил Ницше, сформировав особое мирозерцание – «эстетический аморализм». Литератор А.А. Закржевский

¹ См.: Ковешникова Н.А. Идеи К. Леонтьева в культуре Серебряного века. Диссертация ... канд. культурологии. М., 2000.

² Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 192. Ср. с мнением Н.А. Бердяева о том, что Леонтьев не имел почти ничего общего со славянофилами.

³ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб., 1995. Кн. 1. С. 209.

⁴ Там же. С. 220. Ср. с мнением Д.С. Мережковского о Леонтьеве: «Какой удивительный и чужой, и родной человек! <...> темный гений. Есть такие. В нем – первозданный металл радий. Принцип разрушения. Потому-то он так и тщился быть охранительным и консервативным... Сам себя боялся. Л<еонтьев> – вот настоящий сатанист... В сущности вся его эстетика – сатанизм, садизм (Ставрогин). <...> Л<еонтьев> – самое русское явление. <...> В нас Л<еонтьев> отомщен». Цит. по: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 462.

⁵ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 209. Характерно, что при подготовке друзьями и почитателями Леонтьева сборника статьей, посвященных его памяти (вышел в 1911 году), предполагалось участие в нем Бердяева. См.: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты» Константин Леонтьев, его собеседники и ученики... С. 737.

видел в Леонтьеве человека Запада, считая, что «ницшеанство» присутствовало в его взглядах даже в большей степени, чем в работах самого Ницше. Философ С.Л. Франк издал в Германии в 1928 году статью «К. Леонтьев – русский Ницше». Сходство идей Леонтьева и Ницше отмечали богословы С.Н. Булгаков и Г.В. Флоровский. Эта точка зрения характерна и для западных исследователей, не случайно В. Шубарт уверенно называл Леонтьева «русский Ницше», не сомневаясь в правильности такой оценки. Современные исследователи также уделяют внимание этому вопросу. О.Л. Фетисенко недавно нашла точные сведения о знакомстве Леонтьева с сочинениями Фридриха Ницше¹.

Но мнения современников также не были чем-то застывшим. Происходящие события заставляли их по-другому посмотреть на воззрения своих политических оппонентов. Это, в частности, касается оценки Леонтьева представителями отечественной религиозно-философской мысли начала XX века, которые подвергли резкой критике леонтьевское понимание христианства. В 1926 году Бердяев выпустил в Париже фундаментальную работу «К.Н. Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли)»².

Оценка политических взглядов Леонтьева в этой работе уже иная, чем та, которой Бердяев придерживался до крушения императорской России. Стремление к сильной государственности, призывы к иерархии и дисциплине если и не получили полного одобрения, то во всяком случае стали рассматриваться с пониманием и сочувствием. Аналогичным образом отнеслись к Леонтьеву и многие другие русские эмигранты-интеллектуалы. После революционных потрясений они были склонны менее нетерпимо относиться к концепциям традиционалистов.

В другой работе, «Философия неравенства», вышедшей в Берлине в 1923 году и имевшей подзаголовок «Письма к недругам по социальной философии», Бердяев повторял многие основополагающие мысли Леонтьева. Он осуждал не только большевизм и социализм, но и либерализм с демократией. Бытие для него теперь было связано с неравенством, а качество личности и дух ставились выше количества, общества и материи. Особый акцент делается на футурологических прогнозах Леонтьева, который «провидит не только всемирную революцию, но и всеобщую войну. Он предсказывает появление фашизма. Он жил уже предчувствием катастрофического темпа истории»³. В недостаток Леонтьеву ставилось отсутствие глубинной разработанности идей и то, что он «не понимал тайны свободы»⁴. Ю.П. Иваск и другие исследователи творчества Леонтьева отмечали, что в «Философии неравенства» присутствовали те леонтьевские принципы, которые отвергались Бердяевым в его дореволюционных работах. Интересен и бердяевский упрек другому леонтьевскому биографу: «Закржевский пытается даже по-модному изобразить его [Леонтьева – А.Р.] сатанистом, что совсем уже неосновательно»⁵.

Для либеральных интеллектуалов было характерно восприятие государства как неизбежного зла. Отсюда вытекал поиск принципов для ограничения этого зла, стремление «отвоевать» у государства еще немного свободы. Они считали, что власть имеет больше возможностей для негативного проявления

¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики... С. 686.

² Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли). Париж, 1926. Переиздание: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 29–179.

³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 95.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 110.

насилия, чем для его использования в позитивных целях. Уже в самом понятии «правовое государство» изначально закладывалось настороженное отношение к государству и власти. Не случайно Бердяев противопоставил леонтьевскому культу государственности свой культ свободы «бесконечных прав личного духа», видя цель культурного прогресса в достижении окончательной свободы и даже господстве «мистического безвластия»¹. Впрочем, современный исследователь К.М. Долгов в своей монографии «Восхождение на Афон: жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева» резонно отметил, что можно сколько угодно восхищаться «личным духом», обладающим «бесконечными правами», но на практике государственность всегда будет влиять на эти «права», а в противном же случае наступает анархия².

Помимо культа государственности, Леонтьев отталкивал либералов своим «милитаризмом». Его взглядам на войну и военных была присуща сильная героико-романтическая окраска, наличие которой в немалой степени было связано со стремлением противопоставить героизм армейской жизни скуке литературных салонов. Бердяев верно заметил, что «любовь к войне и идеализация войны остались у К[онстантина] Н[иколаевича] навсегда. В войне он видел противоположность современной буржуазной цивилизации»³. Характерно, что и либеральные по своим воззрениям русские религиозные философы (Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве, И.А. Ильин) после начала в 1914 году Первой мировой войны проявили немало «воинственности». Позже, уже в эмиграции, Бердяев писал: «Жизнь в этом мире есть борьба... Война – одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война – антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества. Народы братались в кровавых распрях и в столкновениях... Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нем окончательного устройства, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия»⁴. Видимо, своеобразный «крен вправо» был неизбежен. Интересно и такое бердяевское мнение из «Философии неравенства»: «К возвышению личности ведет лишь точка зрения сверхличной ценности... Всякая ценность есть лишь культурное выражение божественного в исторической действительности. Божественное требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна. Жажда божественного в

¹ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 233–234.

² Долгов К.М. Восхождение на Афон: жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1997. Впрочем, отмечу, что и сама книга Долгова подверглась серьезному критическому анализу, в котором отмечалось, что «не слишком хорошо стилизованная церковностью вообще свойственна некоторым пассажирам книги» (Козырев А.П. Непокоренный Леонтьев // Философская газета. 2001. № 2. С. 15).

³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. С. 45. Схожее отношение к войне и армии присуще и европейским правым: Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000; Он же. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). СПб., 2002; Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов, 2008.

⁴ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Духовные основы русской революции. Философия неравенства. Париж, 1990. С. 517–518.

человеческой душе действует, как пожирающий огонь, и сила этого огня может произвести впечатление демонической. Многие из вас – моралистов – видят демоническую силу во всякой исторической судьбе, в создании государств и культур, в их славе и величии. Проблему эту с гениальной остротой чувствовал К. Леонтьев...»¹. Характерно и противопоставление Михайловского и Леонтьева, который обозначен как «мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все ваши учителя и идеологи»².

Неизбежным было и признание за консервативными оппонентами доли истины в их прогнозах. Бердяев, перечислив в своей работе «Русская идея» сбывшиеся политические прогнозы Леонтьева, дал ему следующую характеристику: «Он был реакционером, но он признавал безнадежность реакционных принципов и неотвратимость революции. Он предвидел не только русскую, но и мировую революцию»³. И, предвидя это, Леонтьев мечтал о появлении в будущей России вождей, которые смогли бы «к делу приложить» ту ненависть, которую он, по собственному признанию, испытывал к Америке. Не случайно в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяев отмечал, что в своей ненависти к капитализму Леонтьев «хватается за последние средства, он предлагает русскому царю ввести коммунизм сверху. Леонтьев, согласно русской традиции, ненавидит капитализм и буржуазию»⁴.

Таким образом, события начала XX века – мировая война, крушение самодержавия, гражданская война и другие – привели к изменению бердяевских оценок мировоззрения Леонтьева.

¹ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Духовные основы русской революции. Философия неравенства. Париж, 1990. С. 312–313.

² Там же. С. 315.

³ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 178.

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 74.

И.Л. Волгин. Андрей Алексеевич Попов сказал, что 1830–1840-е годы были важны для истории русского самосознания. А возьмите 1880 год, этот рубеж, когда проходит пушкинский праздник. Никто сегодня не упомянул почвенничество. Григорьев, Страхов, братья Достоевские: что это – течение славянофильства, попытка примирить две идеологии или нечто новое, третий путь? Пушкинский праздник – это, по сути, первый русский парламент. Впервые после Земских соборов собирается русская интеллигенция. Достоевский говорит, люди впадают в истерику. Что это? Это ожидание исторического поворота. В «пушкинской» речи Достоевский формулирует почвеннические идеи («смирись, гордый человек», «служи общей ниве»), сорок пять минут овации. Все ждут бескровного выхода из революционной ситуации.

Общество показывало, что оно готово к диалогу («мы готовы отдать кандалы и вступить в диалог»). 1 февраля 1881 года, в день похорон Достоевского, была первая попытка организации гражданского общества. Похороны Толстого проходили уже под противоположным знаком – религиозным. 1910 год – это уже полный разрыв общества и власти. Две эти процессии символичны в русской истории – похороны Достоевского и Толстого. В 1881 году еще были варианты, но затем бомба Рысакова, бомба Гриневецкого, конец царствования – и всё. Соловьев, выступая в день приговора со своей лекцией, призывает к их помилованию. Присутствовавшая вдова Достоевского возмущена и кричит: «Как не стыдно? Казнить его!». Ее приятельница говорит, что он ведь изобразил Алешу Карамазова в своем лице. «Какой Алеша Карамазов, это Иван Карамазов!». Конечно, Владимир Соловьев это тип Ивана Карамазова.

Вот точка невозврата. С этой бомбы начинается откат. Русская идея претерпевает большие муки. Что сказать тут?.. Леонтьев тоже выступает против «пушкинской речи» Достоевского 1880

года – в «Варшавском дневнике» он помещает статью «Наши новые христиане». Все аспекты «русской идеи» озвучены не только в романистике...

Вот три русских гения – Гоголь, Толстой и Достоевский. Им в какой-то момент становится мало литературы. Они пытаются создать новое построение жизни, новое мироустройство. Это начало русского этического максимализма, и это тоже основа русской консервативной идеи. Этим трех писателей можно назвать консерваторами. Но русский консерватизм никак не укладывается в классическую схему. Кто такой Пушкин, кто такой Толстой? Они не укладываются ни в определение Даля, ни в определение Британской энциклопедии, где консерватизм трактуется как верность традиции. Зачем смешивать консерватизм и охранительство? Это разные понятия. Суворин – кто, консерватор или охранитель? Вот Победоносцев – охранитель, несомненно.

М.А. Маслин. Хотел бы обратить внимание на любопытную импликацию русского консерватизма, совершенно неожиданную. У меня было два аспиранта из Китайской Народной Республики. Одна диссертация была Ли Хайянь по Данилевскому – «Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае». Китайская литература нам недоступна. Второй аспирант, Лю Цзоюань, – «Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева. Взгляд из России и Китая». Эти темы заказные. В Китае сейчас актуальна проблема поиска национальной идеи. Конфуцианство перестает их удовлетворять, да это и не национальная идея, это ритуал и традиции. Они в состоянии поиска. Я в двух всекитайских конференциях историков русской философии принимал участие. Чжан Байчунь – ведущий автор там, пишущий на эти темы. Для чего им русская философия? Они отвечают, что через Россию

они хотят понять Запад. Это само по себе интересно. Кроме того, они хотят что-то в своей архитектонике национальной идеи взять у русских консерваторов. Бердяев переведен на китайский язык больше, чем на английский. Чжан Байчунь перевел даже «Опыт эсхатологической метафизики». Можете себе представить? Такого перевода нет на английском языке, а на китайском есть.

И.Л. Волгин. Поскольку доминантой этой секции является «русская идея», для терминологической точности и чтобы генетически подойти к Бердяеву, хотел бы уточнить: у Достоевского в предисловии к журналу «Время» 1861 года встречается сочетание «русская идея», которую он понимает как способность синтетизировать. Соответственно, здесь мы должны включать «русскую идею» в контекст почвенничества, когда Достоевский хочет сформировать повестку дня, задать новую идеологию, так как, с его точки зрения, славянофильство и западничество изжили себя. Какая основная смысловая доминанта здесь присутствует? Русская идея есть способность к всеотзывчивости. Русский человек (если брать цивилизационный контекст) должен стать всеевропейцем, не доминировать над Европой, но стать новым лидером, который поведет Европу.

Что же касается Бердяева, его «Русская идея» практически мгновенно была переведена на английский язык, причем отдельное издание было в Англии и отдельное в США, с комментариями, предисловиями, с откликами по англоязычным журналам. На какое-то время

бердяевская «Русская идея» стала своеобразной картинкой России, временами это была «камера-обскура». Что такое Россия? Это сквозь призму бердяевской «Русской идеи».

И Бердяев, и тема «русской идеи» оказались настолько популярны, что в 2012 году один новозеландец в Великобритании издает роман под названием «Русская идея»¹, суть которого заключается в том, что формируется некоторая сетевая структура по глобальному продвижению в мире «русской идеи» сквозь призму Бердяева. По жанру это триллер. То есть настолько продаваемым образом стала «русская идея», что она вошла в масскультуру.

Еще одно замечание, по поводу доклада о Бердяеве и Леонтьеве. Бердяев весьма уверток, он в чем-то невротический персонаж и боится каких-то маркировок «я социалист», «я коммунист». Даже если он скажет, что он персоналист, то через пять страниц от этого откажется, потому что страшно боится маркировки, стигмации. Но когда мы читаем его работу о Леонтьеве, когда он разбирает переход Леонтьева в сторону консерватизма, он делает это любовно, потому что на другом это рассматривает. На примере себя он это боится делать – даже если поймает себя на симпатии к консерватизму, он испугается. Поэтому, вскрывая консервативные моменты Бердяева, надо работать не с ним самим, не с его манифестациями, а там, где он в сторону смотрит, проводит аналитику социализма, коммунизма, так сказать, «работает на стороне» Там есть интересные идеи – и критические по отношению к консерватизму, и позитивные.

¹ *Evans, Steve. The Russian Idea. Smashwords, 2012 [электронное издание].*

Либеральный консерватизм Николая Бердяева и Петра Струве и задачи декоммунизации современной России

Логика посткоммунистической стабилизации везде, во всех бывших социалистических странах Восточной Европы, выдвигала запрос на консерватизм, на те традиционные, досоциалистические ценности, которые на новой, некоммунистической основе могут объединить нацию. Речь обо всех бывших социалистических странах Восточной Европы, кроме ГДР. Там ситуация была нетипична в силу того, что ГДР просто присоединилась к ФРГ, которая в отличие от «первого социалистического государства на немецкой земле» несла в себе свою драматическую национальную память.

По этой логике первыми после коммунистов приходили к власти консерваторы, исповедующие христианские ценности, олицетворяющие преемственность национального развития, защищающие национальные святыни. Классическим выражением этой закономерности, этой логики послереволюционной, посткоммунистической стабилизации было избрание Леха Валенсы президентом новой Польши в декабре 1990 года. Валенсу избрали тогда президентом не только потому, что он в 1980 году был лидером, вождем «Солидарности», но и потому, что он принадлежал к католическому крылу «Солидарности» и был этническим поляком. Хотя надо отдать должное полякам: навязанная Сталиным советская система не мешала им оберегать национальные святыни, сохранять национальные святыни и, самое главное, сохранить значительную часть досоциалистической национальной элиты. Как я помню, уже в конце 1970-х на польских экранах появилось много фильмов, где явно слышалась ностальгия о межвоенной, несоциалистической Польше.

Если бы логика посткоммунистической стабилизации реализовывалась в новой России в чистом виде, то у нас распад марксистско-ленинской идеологии должен был привести к реставрации и превращению в государственную идеологию именно либерального консерватизма, идеологии правых кадетов, октябристов и прежде всего Николая Бердяева и Петра Струве. Ибо в русском либеральном консерватизме начала XX века было то, в чем больше всего нуждалась посткоммунистическая Россия, – патриотизм, свобода и гуманизм. Из старых, дореволюционных идеологий этим трем вызовам современной России как раз и соответствовал либеральный консерватизм начала XX века. В нем, в этой идеологии спасения России, есть всё или почти всё, что как воздух необходимо нам сегодня: и консервативный акцент на преемственности русского развития, и признание национального, суверенного государства как высшей моральной и духовной ценности; и признание того, что Россия является частью европейской правовой цивилизации; и забота о благе народов России, русского народа; и призыв к возвращению русской духовности, русской православной культуры. Речь шла о государственничестве, окрашенном национальным сознанием, связью времен, о государственничестве, скрепленном религиозным чувством, противостоящем деспотизму и насилию революции.

Мы и тогда, и до сих пор очень нуждаемся в гуманистическом прочтении своей национальной истории, которое нам позволяло бы связать воедино заботу о процветании государства с заботой о свободе и достойной жизни каждого человека.

В русском либеральном консерватизме начала XX века, в веховской идеологии одновременно и содержалась критика с позиции европейского гуманизма деспотизма, античеловечности большевистской идеологии, и была выстроена система ценностей, лежащая в основе русского национального сознания, на основе которой можно было возрождать русский посткоммунистический патриотизм. В философии русского либерального консерватизма содержится реабилитация ценностей свободы, демократии, самоценности человеческой личности, человеческой жизни, реабилитация европейского гуманизма, реабилитация всего, что находилось под запретом в советское время. После 1991 года противостоять опасности реставрации советской системы можно было, опираясь прежде всего на гуманизм, демократические ценности Запада.

Петр Струве открыто говорил, что он по мировоззрению западник, что он верен традициям российского западничества, что единственной реальной альтернативой «славянофильско-народническим мифам» является западный, капиталистический путь развития. Он обращал внимание, что уже революция 1905–1907 годов не оставила камня на камне от «народническо-славянофильского мифа о богоизбранности русского народа», который якобы чужд идее насилия, частнособственническим инстинктам и предпочитает коллективный успех личному. Уже тогда Струве выступил против «славянофильско-народнической теории», согласно которой «русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении», и что якобы «мы можем и должны перескочить через отвергаемые нашим интеллигентским сознанием “буржуазные” фазы», что «мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»¹.

Особенность русского либерального консерватизма, его отличие от, к примеру, реакционного консерватизма Константина Леонтьева в том, что он стремился соединить в теории то, что у последнего было разделено, соединить свободы личности, ее права на счастье, достойную жизнь с возможностью сильного государства, свободу личности – с развитым национальным чувством, с религиозным чувством, соединяющим в себе мистицизм с реализмом, личное – с всеобщим. Очень характерны в этом отношении рассуждения Струве о подлинной, то есть о религиозной, личности. Полемизируя с либерализмом, который настаивает на полной рационализации чувств и привязанностей человека, он говорил, что никогда рационализация не «поглотит собой мистику государства и национальности». «Индивидуализм, как религия, – развивал свою философию Петр Струве, – учил признавать бесконечное достоинство или ценность человеческой личности. Но для того, чтобы эту личность провозгласить мерилем всего, или высшей ценностью, для этого необходимо ей поставить высочайшую задачу. Она должна вобрать в себя возможно больше ценного содержания, возможно больше мудрости и красоты. И не только вобрать. Личность не есть складочное место. Личность как религиозная идея означает воплощение ценного содержания, отмеченное своеобразием, ставящей себе такую высочайшую задачу, может быть религиозной»².

Казалось бы, идеологи либерального консерватизма специально создали идеологию, которая была созвучна вызовам, стоящим перед Россией, расставшейся с марксизмом-ленинизмом советской системы. К примеру, ли-

¹ Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 35.

² Струве П.Б. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 68–69.

беральный консерватизм Струве отличало последовательное негативное отношение (уже с 1899 года) к коммунизму «как к учению экономически ложному и губительному, приводящему к насильственному калечению и параличу нормальной жизни». Реабилитация христианской морали и абсолютной ценности человеческой жизни, реабилитация всего, что противостояло марксистскому учению о классовой борьбе, ленинскому «нравственно все, что служит победе коммунизма», марксистскому, ленинскому «цель оправдывает средства». В статье «К вопросу о морали» Струве утверждал, что в основе его мирозерцания лежит «понятие личности и ее моральных прав», что решение главной этической проблемы «давно найдено и заключается в признании безусловно-го достоинства или ценности за человеческой личностью, как таковой. Идея абсолютной ценности человеческой личности, как этическое начало, с полной ясностью раскрыта впервые Кантом...». И из этой философии абсолютной ценности человеческой личности следовал, с точки зрения Петра Струве, очень важный для России практический вывод: «В сознании лучших русских людей и в жизни наших народных масс давно уже назрела сильнейшая потребность во всестороннем признании объективным правом прав человека, как такового. Это и есть та великая идеальная и в то же время реальная историческая задача, которая, наконец, после долгих мытарств и колебаний русской общественной мысли выкристаллизовалась как неоспоримое общее достояние с такой же ясностью, с такими же резкими, всеми мыслящими людьми до боли осязаемыми гранями, как некогда идея освобождения крестьян»¹.

В эпоху нового краха коммунизма, в эпохи нового освобождения крестьян, русского человека от остатков советского, сталинского крепостничества (главную работу уже совершил Хрущев) эти слова Петра Струве, казалось бы, могли приобрести актуальность. Струве, как и Бердяев, и Франк, всем своим учением отвергал «революционизм» как самую пагубную страсть человеческую.

Тем более что у Струве как первого идеолога русского патриотизма не было ни грана либерального фундаментализма. Для него личность становится подлинной личностью, русской личностью, когда она проникается сознанием самоценности своей нации и своего национального государства, и в этом, в позитивном отношении к российскому государству как основанию национальной ценности, как носителю национальной традиции, олицетворению преемственности веков Струве выступал уже как консерватор, правда, либеральный. И здесь вновь налицо попытки органически соединить свободу, права личности с традициями, законом, государственностью. Как пишет тот же Семен Франк, «консерватизм П.Б. состоял в убеждении, что традиция, историческое преемство, органическое произрастание нового из старого есть необходимое условие подлинной свободы, и что, напротив, всякий самоценный “революционизм”, всякая насильственная и радикальная ломка общественного порядка, всякое разнуздание демагогических страстей ведет только к деспотизму и рабству»². Консерватизм как отрицание революционизма, как призыв строить новое на основе позитивной преемственности с прошлым пронизывает все творчество Петра Струве, как и работы Николая Бердяева, посвященные критике большевистской идеологии и практики.

Но исторический парадокс состоит в том, что советская Россия, начавшая своей перестройкой процесс демонтажа советской системы, в отличие от других стран Восточной Европы, не смогла перейти от марксистско-ленинской идеологии к идеологии, обеспечивающей послереволюционную стабилизацию. Наверное, это было связано с тем, что в отличие, к примеру, от Польши у нас в России

¹ Цит. по статье С.Л. Франка о книге П.Б. Струве «На разные темы» // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 484.

² Там же. С. 514.

не было уже представителей досоциалистической, консервативной интеллигенции. А роль РПЦ в духовной жизни страны была несравненно слабее, чем роль католического костела в жизни ПНР. Код марксистско-ленинской идеологии, ее основные «скрепы» в несколько причудливой форме выжили и пустили глубинные корни в наших посткоммунистических идеологиях. На самом деле и наш нынешний посткоммунистический либерализм, и наше нынешнее славянофильство воспроизводят основные ценности коммунизма. И наши так называемые правые, наследники СПС Егора Гайдара, и наши последователи учения об особой русской, антибуржуазной цивилизации исходят из признания *революции* самой по себе как высшей моральной ценности, исходят из убеждения, что без Октября, без большевистской революции Россия не смогла бы ответить на вызовы истории, решить задачи индустриализации, модернизации. В нашем либерализме так же мало гуманизма, как и в большевизме. Сама по себе человеческая жизнь для либералов, поклонников социалистической индустриализации, так же мало стоит, как и для неосталинистов, красных славянофилов.

Наши новые славянофилы оправдывают большевизм, коммунистический эксперимент еще проще. Они трактуют его как реализацию особого русского коммунистического культурного кода. Парадокс постсоветской России состоит в том, что даже РПЦ не включилась активно в процесс декоммунизации России, не осуждает зримо, публично преступления большевизма. В сознании нашей интеллигенции остался марксистский исторический фатализм, убеждение, что история не терпит сослагательного наклонения. Почти всеобщим для современной России является убеждение, что история как наука несовместима с моральной оценкой исторических деятелей, что этика и общественные науки несовместимы. У нас до сих пор глубока вера, что, несмотря на ужасы коммунистического эксперимента, сам по себе стоящий за ним коммунистический идеал обладал моральной и духовной ценностью. До сих пор преобладает марксистское убеждение, что коммунистическая коллективистская организация труда, промышленная организация производства в моральном, духовном отношении выше, чем индивидуальный труд ремесленника, крестьянина. Многие до сих пор убеждены, что существуют «толчки истории», которые освободят человечество от рыночной экономики и заботы о прибыли, освободят от капитализма. Не говорю о том, что героика красного дела, героика побед над Колчаком и Деникиным активно присутствует в постсоветском кино, в постсоветской культуре. До сих пор доминирует классовая, марксистская трактовка понятия «народ», связывающая его прежде всего с «трудящимися», рабочими и крестьянами.

И отсюда главный идеологический вопрос современной России. С чего начинать, как и каким образом уходить от марксистского наследия в сознании? Ведь очевидно, что невозможно нравственное, духовное возрождение России до тех пор, пока мы будем исповедовать марксистско-ленинское «нравственно всё, что служит победе коммунизма», будем ставить мифологические цели истории выше ценности человеческой жизни.

Теперь очень важно понять, почему позднее славянофильство в лице Николая Данилевского и Константина Леонтьева мало что дает для декоммунизации новой России, преодоления идейного наследия большевизма. Как настаивал в своем творчестве Николай Бердяев, «правды гуманизма» не было не только у большевиков, но и у идеологов реакционного консерватизма. Позднее славянофильство, тем более откровенный охранительский консерватизм, не дают идейной основы для преодоления большевизма, ибо, к примеру, Константин Леонтьев, как и большевики, категорически возражал против самоценности свободы и человеческой личности, против возможности отличить радость и боль, страдания в человеческой истории, против моральной оценки деятельности исторических личностей. Призывы Константина Леонтьева к русским со-

хранить «самобытность духовную, умственную и бытовую»¹ соединяются у него с призывами забыть о ценности свободы, ценности полноты человеческой жизни, ценности личного счастья, ценности прав личности.

Русский «реакционный» консерватизм отрицал не только ценность свободы, но и ценность человеческой жизни. Русский реакционный консерватизм отрицал вообще возможность нравственной, гуманистической оценки различного рода политических систем, известных истории человечества. «Статистики нет никакой для субъективного блаженства отдельных лиц, – писал Константин Леонтьев, – никто не знает, при каком правлении люди живут приятнее». Вообще, считал Константин Леонтьев, страдание – это не плохо и не хорошо. «Все болит у древа жизни людей... *Боль для социальной науки – это самый последний* из признаков, самый неуловимый; ибо он субъективен, и верная статистика страданий, точная статистика чувств невозможна будет до тех пор, пока для чувств радости, равнодушия и горя не изобретут какое-нибудь графическое изображение...»².

Большевизм не преодолеть с помощью охранительского консерватизма, ибо сталинская колхозная система была воплощением в жизнь идеалов русскости, по Константину Леонтьеву. Леонтьев настаивал на том, что неравенство, крепостное состояние, полуголодная жизнь, жизнь со страхом перед очередным урожаем и даже повальная неграмотность по душе русскому человеку. Конечно, отмена крепостного права, все эти либеральные реформы Александра II – беда, но, слава Богу, считает Константин Леонтьев, что осталась привязанность крестьянина к общине. «Если у нас теперь в России сравнительная с прежним личная свобода миллионов крестьян не привела еще ко всем *жестоким* результатам своим, то это благодаря тому, что они находятся в некоторого рода *новой крепостной зависимости* от неотчуждаемой земли и общины»³.

И самое главное. Большевизм и большевистскую идеологию не преодолеть с помощью позднего славянофильства, с помощью Николая Данилевского и Константина Леонтьева, ибо уже они оправдывали характерное для советской идеологии противостояние ценности государства (у большевиков «первого социалистического государства») ценностям человеческой жизни. Уже поздние славянофилы ставили внешнее, военное могущество государства выше внутреннего могущества, выше качества жизни «народных масс».

В своих статьях, посвященных критике охранительского, бюрократического консерватизма, Николай Бердяев обращал внимание, что его, реакционного консерватизма, особенность состоит в том, что он отрывает «внешнее величие России», проявляющееся в необъятных размерах и военной мощи империи, от ее «внутреннего величия», от реального уровня развития культуры народа, благ его жизни, его способности к саморегуляции⁴. В частности, обращал внимание Николай Бердяев, наш родной бюрократический консерватизм рассматривает и «земское и городское самоуправление, но и Гос. Думу» как нечто внешнее, чужое, не имеющее никакого отношения к существованию, характерному для самой России.

Выражаясь современным языком, можно сказать, что для охранительского консерватизма нет проблемы внутреннего, человеческого развития, челове-

¹ См.: *Леонтьев К.* Избранные статьи. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 48.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 245.

⁴ «Историческое значение русской бюрократии, – писал Николай Бердяев, – определялось сохранением внешней величины России, а не развитием ее внутреннего величия» (*Бердяев Н.А.* Общественный и бюрократический консерватизм // *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. М.: Астрель, 2007. С. 439).

ских радостей, внутреннего величия, ибо для него нет проблемы человеческой цены нашего внешнего величия. А ее, проблемы цены прогресса, человеческой цены государственного величия, нет, ибо философия охранительского консерватизма изначально, как я уже показал выше на примере Константина Леонтьева, отрицает гуманизм с характерным для него состраданием к болям, мукам человека. Для того чтобы определить внутреннее величие, надо выяснить, как живут в этом государстве люди, насколько они счастливы, преуспевают в личной жизни. Но это невозможно сделать, если вслед за Константином Леонтьевым отрицать сами понятия «счастье», «страдание», «боль».

Во всех своих статьях, посвященных анализу противоположности между русским христианским гуманизмом Федора Достоевского и «реакционным консерватизмом» Константина Леонтьева, Николай Бердяев обращал внимание, что последний любил лишь «мощь государства», проявляя при этом поразительное безразличие к тому, как живут люди в этом мощном государстве. Бердяев видел в Леонтьеве предшественника Ницше, ибо, с его точки зрения, Леонтьев первый попытался стать выше противоположности между Добром и Злом, попытался переступить через человеческие представления о различии между муками жизни и ее радостями. Он, писал Николай Бердяев, «мораль ценностей красоты... государственного могущества противопоставил морали, основанной на верховенстве человеческой личности, на сострадании к человеку. Не будучи жестоким человеком, он проповедовал жестокость во имя своих высших ценностей, совсем как Ницше... В отличие от большей части русских людей, он любил мощь государства. Для него нет гуманных государств...».

Логика у Леонтьева простая. Хотите великой России – забудьте о правах личности, о благах жизни человеческой. Раз вы хотите великой России, раз вы хотите, «чтобы русское государство было прочно, долговечно», говорил он «чистым славянофилам», то тогда вам «пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама царская власть возростали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого наследственного чиновничества»¹.

Особенность нынешней идеологической, духовной ситуации в России состоит в том, что если в дореволюционной России отказ от нравственного, гуманистического подхода был исключением, и сам Константин Леонтьев был знаменит тем, что он как *исключение* посягнул на общепринятое, очевидное и сказал, что нет боли, нет страданий людей, а есть только величие государства и «красота сложного», то сегодня философия реакционного консерватизма Константина Леонтьева становится доминирующей в общественном сознании.

Мы сегодня оправдываем и сталинскую насильственную коллективизацию, и голод 1932–1933 годов, унесший семь миллионов жизней, и Гулаг, и сталинские репрессии 1937–1938 годов тем, что якобы по-другому, без этих жертв мы не подготовились бы к войне с фашистской Германией и у нас не было бы праздника 9 Мая и Гагарина. Константин Леонтьев говорил, что без «крепостного рабства» у нас не было бы великой России. Мы говорим, что без сталинского деспотизма и сталинских репрессий у нас не было бы праздника 9 мая.

Все сказанное выше во многом объясняет, почему для нас сегодня веховец Николай Бердяев более ценен, чем веховец Петр Струве, прежде всего потому, что первый как философ лучше других чувствовал духовные, вернее, антидуховные корни большевизма, видел те особенности русского национального сознания, которые превратили Октябрь в победоносную революцию. Здесь по уровню, качеству анализа особенностей того, что Семен Франк назвал «русским мировоззрением», ему среди веховцев не было равных. По крайней мере только

¹ Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. С. 296–298.

Николай Бердяев увидел опасность, моральное уродство соединения того, что он называл большевистской реакционностью, со славянофильской реакционностью, увидел, что убийство людей может оправдываться не только идеалами коммунизма, но и верой в особое всемирное предназначение особой русской цивилизации. Николай Бердяев обращал внимание, что Ленина роднила с поздним славянофильством ненависть к буржуазной, западной цивилизации. Уже Достоевский в «Бесах» показал в образе Шатова, что сознание славянофильское перемешано с сознанием революционным. Такими шатовыми, как увидели уже в 1918 году, писал Николай Бердяев, «полна наша революция; у всех у них не разберешь, где кончается их крайняя левость и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше цивилизации, и что никакой закон для них не писан. Эти люди готовы истребить Россию во имя русского мессианизма»¹.

Кстати, это важное, забытое нами открытие Николая Бердяева – что легко перейти от большевистской левой крайности к крайности консервативной – дает очень много и для понимания природы красного патриотизма, и для понимания причин нынешнего повального увлечения реакционным консерватизмом Константина Леонтьева.

В самой критике Николаем Бердяевым и марксистской, и национальной русской основы большевизма заложена позитивная программа, создаваемая на основе ценностей свободной посткоммунистической России. По сути, эта программа была сформулирована уже в «Вехах» по следам революции 1905–1907 годов и накануне революции 1917 года. Суть этой программы состояла в преодолении и национального, исторического, религиозного, то есть морального отщепенства «кровавого фанатизма» (Н. Бердяев) революционного социализма.

Логика Бердяева проста, и трудно понять, почему так долго посткоммунистическая Россия шла к идеологии либерального консерватизма. Если, во-первых, как было показано выше, советский марксизм-ленинизм лишил русских исторической памяти, ощущения неразрывной связи русских времен, убедил их, как у нас писала во время перестройки Нина Андреева, что «Родиной СССР является Октябрь», то необходимо начинать очищение от коммунизма с реабилитации тысячелетней российской истории, всех русских поколений, всех русских сословий, которые строили, защищали Россию, создавали ее военное и культурное величие. «Народ, – настаивал Николай Бердяев, – есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Св. принял христианство, который собирал Россию при Великих Князьях Московских, который нашел выход из смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников и чтит их, создавал великое государство и культуру, великую русскую литературу»².

Для либерального консерватизма, который исповедовал Николай Бердяев, прежде всего было важно сознание того, что революция и связанное с ней революционное насилие, отрицание прошлого в принципе, по самой своей природе, революция, делающая ставку на «катастрофы», является злом. Основная миссия «либерально-консервативных элементов общества», настаивал Николай Бердяев, состоит в том, чтобы «поддерживать положительную связь между прошлым и будущим национальной жизни»³.

¹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 270.

² Бердяев Н. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон, 2002. С. 291.

³ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. М.: Астрель, 2007. С. 440.

Мы никогда не освободимся от коммунистического наследства, пока не осознаем, что, как настаивал Николай Бердяев, «всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало... Русская революция – отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может... Революция есть рок народов и великое несчастье»¹.

Мы никогда не освободимся от советской марксистской идеологии, пока не впустим в свою душу эту истину, не осознаем изначальную ложность революционных методов решения социальных конфликтов. Муки родов нового, связанного с революцией, всегда затмевают счастье новой жизни. Нельзя, на что также обращал внимание Николай Бердяев, соединить то, что мы пытаемся соединить сегодня, соединить сакрализацию революции с возрождением религиозного чувства, веры в Бога. Надо понимать, что русский либеральный консерватизм в том виде, как он представлен в трудах Николая Бердяева, Семена Франка, Петра Струве, создавался веховцами, творцами русской религиозной философии. Они восстали против революционного марксизма, против большевистской революции прежде всего в силу ее богоборческого характера. Большевистская революция была для них неприемлема прежде всего потому, что она вела к деморализации общества. «Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью»². Или вера в революции, или вера в Бога. Надо осознавать, настаивал Бердяев, что «коммунизм есть борьба против духа и духовности»³. Если вы хотите возродить Россию, писал он, вы должны возродить свободу веры и ценность духовной и прежде всего религиозной жизни. Наверное, наша либеральная, атеистическая интеллигенция восстала против путинских попыток вспомнить Бердяева, потому что русский либеральный консерватизм по происхождению религиозен.

Если революционный социализм, коммунистический большевизм находятся «по ту сторону гуманизма»⁴, по ту сторону традиций человеколюбия, строятся целиком на философии революционного насилия, «революционного терроризма», то новую посткоммунистическую идеологию надо строить прежде всего на признании самоценности каждой человеческой жизни, на осуждении классовой морали. Надо, в конце концов, осознать, обращаясь к левым Бердяев, что «Маркс – антигуманист, в нем человеческое самоутверждение переходит в отрицание человека»⁵, а потому только последовательный, выросший из христианства гуманизм может освободить нас от наследия марксизма-ленинизма. Для Бердяева было принципиально важно осознание того (по этой причине он и был категорический противник учения об особой русской цивилизации), что преодоление коммунизма является общеевропейской задачей, что оно возможно только тогда, когда новая Россия осознает себя как неразрывная часть общей христианской цивилизации. Надо понимать, писал Бердяев, что коммунизм «не есть утопия или мечта», он есть «реальная угроза и предостережение для христианских народов, суровое напоминание им о том, что они не исполняли заветы Христа, что они отступили от христианства»⁶.

Николай Бердяев и Семен Франк не отрицали, что за победой большевиков стояла наша русская эгалитарная страсть, ибо «русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших». Здесь же Бердяев говорит, что «социальный вопрос для русского на-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. С. 256–257.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 279.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 299–300.

родничества всегда был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда творчества и производства». Но на всех этих страстях, даже если они исконно русские, тем более на нашей «злой зависти к соседу», заявляет Бердяев, ничего устойчивого построить невозможно, «ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной!»¹.

В том-то и дело, что русский либеральный консерватизм с момента его появления противостоял атеизму и национальному пораженчеству либералов и социалистов. Критикуя либеральную социалистическую интеллигенцию за ее отщепенство от русского государства, от русской нации, критикуя ее за безрелигиозность, он тем самым возводит свой либеральный консерватизм на фундамент ценностей государства, нации, религии, церкви. Но либеральный консерватизм Струве, Бердяева, Франка отличается от реакционного, охранительского консерватизма Победоносцева и Леонтьева тем, что он во все эти традиционные для консерватизма понятия вносит европейское содержание. И это самое важное, что необходимо учитывать, обращаясь к авторитету Бердяева, Струве или Франка. Нам нужна Россия, говорит Семен Франк, где наша традиционная «любовь к бедным не будет обращаться в любовь к бедности». Нам, в конце концов, надо понять, что «материальная обеспеченность», в которой и ранние, и поздние славянофилы видели лишь проявление западного мещанства, на самом деле «есть лишь спутник и символический показатель духовной мощи и духовной производительности»².

Еще более жестко связывал сильную государственность с внутренним могуществом, с усиленным производственным трудом Петр Струве. Да, он настаивает на том, что в основе всего лежит «государство и национальность», к которым прикрепляется неискоренимая религиозность человека. Но и это уже отличает консерватора Струве как западника от консерватора Леонтьева – он в своих статьях о государстве, как западник, подчеркивает, что мощь Северной Америки «коренится в началах личной свободы и общественного самоопределения»³, и одновременно отмечает, что не может быть великого государства без «дисциплины труда», которая лежит в основе культуры.

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922 гг. С. 632–633.

² Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 190.

³ Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. С. 67.

Н.В. Стариков. Консерватизм на фоне тех безобразий, на фоне тех смертных грехов, которые сегодня выдаются за общечеловеческие ценности, имеет очень большую перспективу. И это видно по той реакции, которая происходит сегодня на события в России, на высказывания нашего лидера. Мы с вами должны брать всё то, что будет укреплять наше государство, и отбрасывать всё то, что будет его ослаблять. В этом смысле мне бы хотелось пооппонировать уважаемому Александру Сергеевичу [Ципко. – *Ред.*], который проговорил важнейшую фразу. Он сказал, что нужно взять всё то, что можно взять из консерватизма, добавить туда либеральной свободы Запада, и вот получится консерватизм. Александр Сергеевич, ничего не получится, потому что то, что сегодня называется свободами Запада, – это женщина с бородой. Вот женщину с бородой в наш консерватизм добавлять нельзя, потому что получится непонятно что.

А.С. Ципко. Мы говорим о ценностях, вы не очень аккуратны... Я десять раз сказал: самоценность человеческой жизни. Если вы отрицаете самоценность человеческой жизни... Всё имеет контекст. Или вы рассматриваете человека как жертву, при помощи которой можно строить это великое государство, или для вас человек не может быть жертвой. Это – коренная проблема. Если может – идите поклонитесь Сталину.

Н.В. Стариков. Мое отношение к Сталину – отдельно. Мы должны говорить как взрослые люди. Разговоры, которые сводятся к лозунгам о необходимости соблюдать человеческую жизнь, это всего лишь лозунги. Мы с вами понимаем, что в реальной мировой политике никого не заботит конкретная человеческая жизнь. Потому что как только руководитель государства думает о жизни одного человека, это значит он не будет присоединять Крым. Потому что присоединение Крыма – это две человеческие жизни. Что такое консервативные ценности в России? Это не право человека, это право народа. Это коренное различие между западной трактовкой

прав и того, что было в России всегда. У нас люди закрывали амбразуру почему? За права человека? За свои личные права? За право народа выжить. Воевали во всех войнах русские и следовали своим консервативным традициям. Поэтому втаскивать в наш консерватизм противоречащие нашим вековым устоям идеи – значит, изначально обречь дело на поражение. Вот что я хочу сказать.

С.А. Марков. Консерватизм возникает как ответ на вызовы. Что тогда воспринималось как вызовы? Во-первых, это ускоренная экстремизация общества, то, что называется «язва пролетариата» и возникавшая вследствие этого острейшая социальная напряженность. Социализм как символ этой напряженности, терроризм, противостояние государства и общества – всё это воспринималось как вызов. Консерватизм был ответом на него тех, кто решил пойти другим путем: «Мы не пойдем европейским путем, у нас другой путь». «Русская идея» – это предложить обществу и Европе другой путь. В этом корень первого этапа русского консерватизма. «Русская идея» базировалась на православии, нравственности. Второй этап русского консерватизма это 1920–1930-е годы. Это был вызов интеллектуалам, оказавшимся в эмиграции. Вызов в том, что коммунисты захватили их Родину. Им нужно было найти интеллектуальный выход из этой ситуации. Они его нашли: сами себя назвали евразийцами и большевиков назвали евразийцами, и тем самым произошло их интеллектуальное возвращение на Родину. Нынешнее возрождение консерватизма в России происходит по целому ряду причин. В обществе есть запрос на идеологию, мы пытаемся осмыслить свое место в истории. Но в чем вызов, который, как мне кажется, сейчас современными консервативными мыслителями считается главным? Это исчезновение России. Она исчезает у нас на глазах! Русских становится меньше, науки меньше, культуры меньше, наши фильмы не завоевывают места на фестивалях, наши зрители не смотрят наши фильмы, книги читают меньше, кино смотрят меньше, а пьют больше. Это главный вызов,

на который должен дать ответ современный русский консерватизм.

Пока он сконцентрировался в основном на том, что Россия фактически была колонизирована Западом, а Запад еще имеет некие мысли об уничтожении России. Поэтому русский консерватизм был сосредоточен на обосновании антиколониальной политики в России. Сейчас кроме идеи о том, что Запад колонизировал Россию и уничтожает ее, возникла вторая идея, второй вызов: сам Запад идет не туда. Налицо попытка создать альтернативную модель. Попытки здесь довольно слабенькие. Мне кажется, что сегодня перед нами два вызова: как нам не допустить таяния России и есть ли у нас смелость предлагать миру какое-то решение.

И.Л. Волгин. Мы потеряли фундамент – консервативное крестьянство. Крестьянство и есть народ, крестьянство ушло, его сейчас нет. На чем сейчас строятся наши рассуждения? Что есть народ? Нет нации в том представлении, как ее воспринимали славянофилы, западники, кто угодно. Нет крестьянства. Что является основой и стержнем этого государства?

А.С. Ципко. Сергей [С.А. Марков. – *Ред.*], как мне представляется, очень точно описал нынешнюю идеологическую ситуацию и причины поиска. Но мне кажется, что эта ситуация привела к возрождению не идеи консерватизма, а идеи особой русской цивилизации. Они берут Данилевского, отчужденность от Запада: мы особые, мы лучше других. Антибуржуазность была характерна и для Бердяева. Но это не русский либеральный консерватизм. Мы ведь сейчас рассуждаем не о консерватизме вообще,

мы рассуждаем о консерватизме после того, как совершили худо-бедно антикоммунистическую революцию. Нам ближе консерватизм Чичерина, Струве, Бердяева – либеральный консерватизм, который, как говорил Бердяев, формируется в противовес революционному социализму, революционному терроризму.

Нынешняя ситуация очень сложная. Вместо того чтобы приоткрывать наследство Бердяева, говорить о стереотипах революционного социализма, мы, напротив, оправдываем коммунизм, идеи русской цивилизации, общинности, то есть всё то, против чего выступал Бердяев. Смысл наших споров в том, куда мы пойдём. Или мы возьмем этот либеральный консерватизм – такой термин, кстати, есть у Бердяева. Строго говоря, это термин Франка, который его употребляет, когда пишет о Струве. И у нас хватит сил осознать наши проблемы, найти в себе силы морального возрождения, как хотел этого Бердяев, и стать западными в лучшей духовности. Или же мы опять придумаем себе идею особой русской цивилизации, закроемся от Запада и будем медленно умирать, теперь уже окончательно.

С.А. Марков. Это защита. Идея русской цивилизации – это философская идея антиколониальной политической практики.

А.С. Ципко. Надо различать либеральный консерватизм и всю идеологию, которую строили Струве, Франк и Бердяев, о том, что должно быть после коммунизма, и то, что вы придумали, то есть идею об особой русской цивилизации, идею культурного изоляционизма, капитуляции.

Творческое наследие Н.А. Бердяева и диалектика русской политической истории

Хотела бы продолжить разговор о странных превращениях идеологических лейблов и сформулировать три тезиса. Позиция первая. Диалектика истории, или, в гегелевской терминологии, хитрость мирового разума, заключается в том, что самоопределение эпохи, если угодно – самонаклеивание ярлыков, далеко не всегда соответствует реальному содержанию реализуемого политического курса и историческому содержанию эпохи. Второе: актуальность тех или иных идеологических течений определяется контекстом актуальной политики и далеко не всегда соответствует реальному содержанию идеологических течений. Третье: значимость теоретического наследия определяется глубиной внимания авторов того месседжа, с которым народ входит в исторический поток, и пониманием того, что представляет собой политическая культура той или иной политики.

Эти тезисы в полной мере подтверждаются анализом творчества Бердяева. Затрону только отдельные моменты, связанные с эмигрантским периодом его жизни. Известно, что ключевой проблемой, смысловым стержнем дискуссии в среде российской интеллектуальной элиты было обсуждение сущности, итогов, характера и последствий Октябрьской революции. С наиболее традиционных позиций выступало в этой полемике монархическое течение. Фундаментальная слабость этой позиции заключалась в абсолютизации форм жизни императорской России и в отказе СССР в праве преемственности по отношению к ней, не столько даже в юридическом, сколько в культурно-историческом смысле, в сведении сложной исторической реальности к предельно схематичной черно-белой картине. На одном полюсе царство добра – императорская Россия, на другом – то, что осталось от нее в результате большевистских происков. Как писал Ильин, «осаждающая крепость, грозящая подмять под себя весь остальной мир». «Советский Союз, – еще один тезис Ильина, – не есть Россия, ни одно достижение советского государства не есть достижение русского народа».

Бердяев занимал принципиально иную позицию. Он увидел в советской реальности, эмпирически колоссально отличавшейся от императорской России, он увидел в III Интернационале Третий Рим. После Октября в России фактически удалось осуществить Третий Рим, и на III Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Бердяев был убежден, что советское государство представляет собой трансформацию идеи Ивана Грозного, что это новая форма старой гипертрофии государства. Русский коммунизм более традиционен, чем обычно думают. Он есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи.

В этой позиции Бердяев был не одинок. Нельзя не упомянуть Георгия Федотова: «Большевизм победил не своей силой, а бессилием России. Октябрь не был торжеством восстания, а пределом разложения русской государствен-

ности». Или Бобрищев-Пушкин: «С того момента, как определилось, что советская власть сохранила Россию, советская власть оправдана, как бы ни основательны были выдвинутые против нее обвинения». Или Карсавин: «Большевики лишь приклеивали коммунистические ярлычки к стихийному, увлекавшему их течению, а коммунистическая идеология стала полезной этикеткой для жестокой необходимости». Или евразийцы: «Еще менее русская революция является переворотом, организованным группой злоумышленников, прибывшей в запломбированном вагоне. Она – глубокий процесс. Революция – прежде всего саморазложение императорской России».

Другой очень болезненной, очень значимой темой дискуссии в среде русской эмиграции было осмысление сталинской революции сверху. И в этом вопросе оценки были полярными. Но парадоксально, что почти все наблюдатели сходились в признании революционного масштаба и глубины переворота. В этом, между прочим, были солидарны такие разные авторы, как, с одной стороны, Бердяев и Федотов, а с другой – Троцкий. И оценивали они эту глубинную трансформацию с принципиально противоположных позиций. Несмотря на внешнее сходство курса сталинской политики на форсированную модернизацию с программой левой оппозиции 1920-х годов, по содержанию сталинская революция сверху представляла не как реализация курса Троцкого, а как подлинная контрреволюция в противовес революции Ленина и Троцкого. Если Троцкий делал упор на разрушительные задачи революции, то в содержании сталинской революции, в восприятии Бердяева и Федотова, не только не было разрывов с прошлым, но, по существу, и это очень интересная версия, она означала возвращение к традиционной модели российских модернизаций. В начале 1930-х годов в России-СССР произошло возвратное историческое движение. Причем имел место возврат не в эпоху императорской России, а в период Московского царства. И переезд советского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 года был неким символом этого возвратного движения. Федотов был прав: перенесение столицы назад в Москву есть акт символический.

В контексте подобных изменений становится понятной и оценка Бердяева этой революции сверху. В 1937 году он писал: «Революционер порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, и моралью этого мира. Он знает только одну науку – разрушение. Но сейчас коммунисты представляют государство, они заняты строительством, а не разрушением, и поэтому они очень меняются, они перестали быть революционерами по своему типу». Абсолютно идентична, во всяком случае, близка позиция Федотова относительно сталинских преобразований: «Революция в России умерла, это настоящая контрреволюция, проводимая сверху».

В этом смысле любопытно сопоставить позиции Бердяева и Федотова с позицией Ильина. Почему Ильина? При всем огромном богатстве в концептуальном, философском отношении и при всем политическом разбросе наследия русской эмиграции, возможно, самые крупные ее фигуры – Бердяев, Ильин, мне очень близок Федотов. Рискую быть услышанной очень схематично, поскольку в таком выступлении непросто изложить столь объемные проблемы.

Ильин, безусловно, колоссальная фигура по своей философской одаренности. Не случайно он писал о Гегеле. Я не буду ставить рядом эти фигуры, но то, что он был мыслителем очень масштабным, очевидно. Хотя бы потому, что он абсолютно точно смог сформулировать ключевые качества российской политики. Он понимал государственную власть как священный долг служения, он понимал значение политической культуры, которую называл правосознанием, как политической этики. Он прекрасно понимал суть традиции русской цивилизации как полифонии сохранивших равноправие народов. Он прекрасно понимал сущность российской, если угодно имперской, традиции, которая была

основана не на эксплуатации окраин, а совсем наоборот – Россия являла собой уникальный пример империи, в которой присоединяемые территории не только не становились колониями, но, напротив, были реципиентами имперского центра. Он был прав, когда отмечал органический характер российской цивилизации, гибельность расчленения ее земного тела, ее территории. Он предвидел, что результатом расчленения территории станет распространение ядовитых продуктов распада, например, национализма. В отношениях России и Европы он вывел чеканную формулу: «Европа нас не знает, не понимает и не любит. А неизвестное – пугает». Он писал, что никакие заслуги России перед Европой не могут способствовать преодолению этого странного, чудовищного страха перед Россией.

И вместе с тем Ильин поразительным образом не уловил, не понял диалектику превращения социокультурных феноменов и их идеологических лейблов. Он не понял и не принял советскую Россию, потому что не увидел этой нити преемственности, содержательной связи двух типов государственности. Ильин считал, что для того, чтобы вернуть и воскресить из небытия Российскую империю, необходимо выполнение как минимум трех условий: восстановление монархии, воссоздание православия и унитарное строение государства. Но ровно это и произошло в ходе революции сверху. Произошло чудовищно жестоким образом. Унитарное строение государства – куда уж унитарнее. Монархия – куда уж монархичнее. Молотов был прав. В беседах с Чуевым он говорит, что «культ личности поначалу Сталиным отвергался, а потом ему понравилось». Сталин был красный монарх. И самое главное – Ильин совершенно чудодейственным образом не понял, что красная идея стала новым православием, со своим символом веры, со своими канонами и со своими мучениками. Кто такая Зоя Космодемьянская? Мученица за веру. Ильин, с одной стороны, понимал, что недостаток волевого элемента сыграл роковую роль в судьбах российского православия. С другой стороны, он не ощутил исторической ответственности русского православия как религиозно-политического института Российской империи за ее внутренний распад. Он остался, к большому сожалению, очарованным странником исторической России. Что можно собрать из черепков? Только то, что разбилось, но уступающее по прочности оригиналу.

Применительно к мыслителям невозможно и неправоммерно говорить о заслугах. Но для осмысления сегодняшних, порою химерических, порою органических, превращений и социально-культурных феноменов и их рефлексий очень важно понимать эту диалектику – и исторического процесса, и философской рефлексии исторического процесса. Это то, что блестяще удавалось Бердяеву.

М.А. Маслин. Действительно, диалектику русской политической истории мало кому дано понимать в зарубежье. Бердяев лучше понимал, чем Ильин, – я согласен с этим. Ильин сам себя относил к дореволюционным идейным течениям. Издана его трехтомная переписка с Иваном Шмелевым. Шмелев пишет: «Иван Александрович, в России-то какие-то новые явления: комсомол, энтузиазм. Может описать как-то?». Ильин: «Если вы и дальше будете мне писать в таком советофильском духе, я всякие отношения с вами прекращу. Запомните раз и навсегда: вся история России – неревolutionная и дореволюционная». Поэтому то, что происходило в советский период, он презрительно назвал «в Совете». Это для него не Россия, это «в Совете».

А.С. Ципко. Существует опасность рассматривать оценку Бердяевым советской системы, государственности, революции сверху как оправдание всего большевизма, марксизма и вообще самой этой идеологии. Это очень характерно для современного мышления. Мы подменяем вопрос об объективных причинах победы большевиков, который Бердяевым прописан блестяще, вопросом о моральной оценке Бердяевым большевизма и советской системы. Не очень корректно здесь сравнение Бердяева с Иваном Ильиным. Если уж мы рассматриваем концепт просвещенного патриотизма и либерального консерватизма, позиции Ивана Ильина ничем не отличаются в оценке большевистской системы от позиций двух веховцев – Петра Струве и Семена Франка. Конечно, я не посвятил жизнь Бердяеву, я изучал его только под углом зрения преодоления марксизма и коммунизма. Но повторяю: сущностное отличие этого либерального патриотизма, к которому можно отнести и Бердяева, но в большей степени Струве и Франка, да и Ильин здесь к ним ближе, – их сущностное отличие от противостоящего западной цивилизации позднего славянофильства заключается в том, что они противостоят марксизму, защищая западные ценности. Весь Бердяев, от начала до конца, особенно классическая его статья о демократии, социализме и тирании, – против

революции, против революционного социализма. Он подчеркивает, что революционный социализм держится на обожествлении революции, на революционном мессианизме. Здесь он повторяет Сергея Булгакова.

Мы сегодня рассматриваем проблему либерального консерватизма в контексте уже свершившейся антикоммунистической революции. Признавая Сталина и государство, их роль, никто из них никогда не рассматривал советскую систему как новое измерение традиционной русской системы. Пониманием советской системы как античеловеческой, противоречащей всем основам христианской культуры – этим пронизан весь Бердяев. И если он нам для чего-то нужен, мы должны отказаться от сохраняющихся стереотипов о революции как величайшем благе истории. И возвратиться к либеральному консерватизму, главный урок которого – преодоление большевистской, революционной интеллигенции. Преодоление ее национального, государственного и религиозного отщепенства. Ведь, в конце концов, есть классические тексты. Ну, как можно говорить о консерватизме, не вспомнив статью Петра Струве в сборнике «Из глубины»? Он там прямо говорит: уйдет советское время, и вы останетесь один на один с русской историей.

О.В. Гаман-Голутвина. Вы говорили о Франке. У него есть понимание странной, причудливой диалектики. В 1924 году он пишет, что за ужасы чрезвычайки несет ответственность русская интеллигенция с ее любовью к дальнему и пренебрежением к ближнему.

А.С. Ципко. Абсолютно верно. Но это не отказ от того, что это антиморально, античеловечно. Он просто говорит о том, что за этим что-то стоит.

О.В. Гаман-Голутвина. Наоборот, он говорит о том, что это чудовищно. Он пишет об ужасах чрезвычайки и честно признается в ответственности дореволюционной интеллигенции.

А.С. Ципко. У Бердяева размышления о русской революции с этого начинаются: я несу ответственность, я в этом виновен...

М.А. Маслин. Конечно, феномен эмиграции сложен, диалектичен, противоречив, антиномичен. Это и отвоевание места под солнцем в стремлении занять свою нишу. Вы что думаете, евразийцы искренне говорили «Без “татарщины” не было бы Руси»? Ничего подобного. Им надо было занять нишу, надо было проэпатировать. Сейчас опубликована переписка Сурчинского

и Трубецкого. Не принято было ни в одном евразийском издании ругать друг друга, но письма дают такие примеры. «Пища эмиграции, – пишет Трубецкой Сурчинскому, – ужасна. Эмигранты питаются разогретыми экскрементами». И надо было иногда изображать из себя то, чем не являешься, чтобы привлечь к себе внимание. Такие метаморфозы имели место сплошь и рядом.

К истокам отечественного консерватизма: политологический взгляд

Учитывая мощный исторический тренд, уже обозначенный в предыдущих выступлениях, постараюсь кратко коснуться темы истоков российского консерватизма и зарождения в рамках отечественной консервативной мысли нескольких магистральных дискуссионных тем, пронизывающих отечественное консервативное сознание и сохраняющих свою значимость поныне.

Российская консервативная мысль далеко не во всех аспектах обнаруживает соответствие как англосаксонской, так и континентальной европейской консервативной традиции. Объяснение этому явлению лежит не в специфической «широте русских натур», а в конкретных обстоятельствах российской истории, оказавших влияние на эволюцию ее общественно-политической мысли. К числу подобного рода обстоятельств относится прежде всего действующий на протяжении по меньшей мере трех последних столетий фактор так называемого догоняющего развития. При всей относительной популярности идеи «догоняющего развития» в отечественной литературе существует не слишком много работ, рассматривающих в контексте этой проблемы эволюцию различных течений общественно-политической мысли в России. И как раз применительно к анализу консерватизма эта идея оказалась совершенно невостребованной. Между тем ряд особенностей русской консервативной мысли (в частности, знаменитая антитеза Запад – Россия) труднообъяснимы без учета данного фактора.

В континентальной Европе, и особенно в Англии, основой консервативного мировоззрения был традиционализм. В частности, воззрения одного из отцов-основателей западного консерватизма Э. Бёрка (при всех либеральных составляющих его политического кредо) буквально пронизаны поклонением святости традиции. Следовать традиции – значит действовать в соответствии с естественным ходом вещей, соотносить свои индивидуальные действия с вековой мудростью, аккумулированной в традиционных нормах и установлениях. У представителей же отечественной политической и интеллектуальной элиты отношения с культурно-исторической традицией складывались куда менее гармонично.

Процесс размывания традиционных ценностей в среде русской политической элиты начался задолго до петровских преобразований. Чего стоит церковная реформа Никона, когда новое было объявлено хорошо забытым старым, а традиция – в политических целях – принесена в жертву каноническим новациям. Объектом ценностного заимствования в XVIII веке в основном выступала дворянская культура, которая уже утрачивала свои позиции на Западе. Подобного рода культурные рецепции в принципе обесмысливали понятие «традиционности» в российском контексте, для вестернизированной элиты «традиция» (дворянский кодекс чести, стиль мышления, правила поведения и т.д.) заимствовалась вместе с табаком, картошкой и армейскими артикулами [2, с. 138]. Такой «традиционализм» имел довольно опосредованное отношение к действительной

русской национально-культурной традиции. Именно поэтому просвещенный XVIII век предопределил как постановку вопроса о «беспочвенности» русской культурной и политической элиты, так и последующие довольно умозрительные и произвольные попытки воссоздать в ретроспективе отечественную традицию.

В результате на протяжении всего XVIII века консервативно окрашенный традиционализм оставался уделом представителей дворянско-чиновной аристократии, образовавшейся в значительной мере благодаря вестернизации российского общества. Особенностью такого «традиционализма» был эклектизм, то есть соединение несоединимого. Поддержка в целом курса военно-административных преобразований, определенный, более или менее значительный, уровень образованности сочетались у «новых русских» аристократов с явной архаикой в политической сфере. В воззрениях отечественных «традиционалистов» второй половины XVIII века характерные для крепостников средневековые представления были причудливо перемешаны с идеями европейского Просвещения. Типичный представитель послепетровской плеяды мыслителей и государственных деятелей князь М.М. Щербатов активно использовал в своих политических сочинениях просветительские идеи, однако под пером русского «традиционалиста» они приобретали весьма экзотическую форму. Так, во взглядах Щербатова на происхождение государства явно просматривается влияние теорий естественного права и общественного договора, но эти естественные права распространялись только на дворянство, а общественный договор трактовался как соглашение верхушки аристократии по поводу выбора правителя и прерогатив государя. Тезис физиократов о решающем значении земледелия в экономической жизни народов использовался русским консервативным для доказательства исключительной роли дворянства как основного «земледельческого» класса в России, обоснования требований земельной аристократии к правительству и т.д.

Поворотным событием для эволюции отечественной общественно-политической мысли оказалась Великая Французская революция, под влиянием которой в России формируется относительно самостоятельная консервативная идеология, постепенно подменившая европеизированный традиционализм XVIII века. Революция в корне изменила облик той цивилизации (или, во всяком случае, ее центра, каковым тогда была Франция), частью которой притязала быть Россия. Русское дворянство пережило настоящую духовную драму, цена вестернизации – революция – не могла не показаться ей чрезмерной. На рубеже столетий появляются первые признаки отказа значительной части правящей элиты от духовного родства с Европой, что влекло за собой поворот общественного сознания. Если ранее своеобразным культурным эталоном было стремление к полному отождествлению российских институтов и самой русской истории с европейской («Антидот» Екатерины II на книгу аббата Шаппа) вкупе с поиском природно-климатических, географических и естественно-исторических причин отсталости России (Болтин), то отныне «в моду» входило утверждение субстанциальных, коренных отличий России от Европы. Проведенные по западным лекалам реформы повысили эффективность государственного управления, увеличили боеспособность армии, дали России выход к морю, ввели ее в число великих держав Запада. Однако общественно-политическая мысль рубежа XIX века уже не могла отвлечься от того факта, что, «прорубив окно в Европу», русские впустили в свой дом вместе с духом Просвещения также и джинна революции. Поэтому на знаменах охранительно-консервативного направления с тех пор было начертано – мы не Европа, у нас есть собственные история и традиции. Этот перелом был закреплен в период наполеоновских войн, когда противостояние объединенной «корсиканским чудовищем» континентальной Европе из метафизической и интеллектуальной сферы перешло

в военно-политическую плоскость. Из основных тем европейского консерватизма первой половины XIX века – противостояние революции, рационализму и индивидуализму, социальной атомизации нарождающейся буржуазной цивилизации – русские консерваторы (Шишков, Карамзин и др.) концентрировались прежде всего на одной – противостояние российской самодержавной государственности революционной буре и интеллектуальному натиску, идущим из Европы.

Карамзин времен «Записки о древней и новой России» талантливо выразил мнение тех кругов российского дворянства, которые под влиянием Французской революции от мало критического заимствования европейского опыта перешли к напряженным размышлениям об исторических судьбах родной страны. Эта рефлексия фактически вынудила отечественное консервативное сознание сменить знаки – плюсы на минусы: то, что ранее выглядело привлекательным и разумным, стало казаться уродливым и неорганичным. Каждый новый шаг по пути реформ и европеизации страны, любое движение в сторону секуляризма и конституционализма воспринимались отныне чуть ли не как уступки новой «пугачёвщине» и революции, посягательство на устои государственности. В связи с этим у Карамзина впервые амбивалентную оценку получило и царствование Петра I. С одной стороны, по мнению историка, Петр «сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и всё переменялось!». Но, с другой стороны, к чему привели эти перемены? Петр преобразовал лишь дворянство, уничтожил самостоятельность церкви, а «страсть к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия» – всё это историк занес в пассив царя-реформатора, полагая, что в результате Россия встала на тот пагубный путь интеллектуальных эволюций, которым прошла Франция накануне революционного коллапса. Отсюда и вывод Карамзина: настало время остановиться, оценить пройденное и на этом основании «требовать более мудрости охранительной, нежели творческой».

Однако дворянский консерватизм Н.М. Карамзина или, скажем, мистика князя А.Н. Голицына очень быстро стали анахронизмом. Идеейные контуры «охранительного» направления консервативной мысли были окончательно закреплены в 1831–1849 годах министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, сформулировавшим знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность». А видными представителями государственно-охранительного консерватизма выступили историк М.П. Погодин, литератор С.П. Шевырёв и др. Основой русского «охранительства» стали, как известно, три основные идеи – самодержавной монархии как надклассовой силы, защищающей интересы каждого из сословий и общества в целом, православия и народности. Каждая из них особым образом выражала неприятие политической элитой тенденций, возобладавших на раздираемом классовыми противоречиями и «поражённом изнутри» рационализмом Западе. Но стержнем подобного мировоззрения явилось утверждение об особом пути России и уникальности ее культурно-исторического опыта.

Особое внимание при этом уделялось реконструкции неповторимых истоков или «начал» истории русского государства, отличающих ее от истории Запада. Западная Европа завоевана немецкими племенами. Россия занята исконно населявшими ее славянами. Корни европейского христианства – в Риме, российского – в Византии и т.д. Раз Россия не знала завоевания, то в ней не существовало ни своевольной феодальной аристократии, ни третьего сословия, а следовательно, отсутствовал фактор сословной, или классовой, борьбы. Православная церковь, в отличие от соблазненного мирской властью католичества, не вступала в конфликт с государством, а добровольно подчинила свои интересы светской власти. История России, таким образом, была определена

как поистине «бесконфликтная»: в ней не было «ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы»¹, потому она представляет собой совершенно иной тип цивилизации. А раз установлен ценностный смысл исторических начал в государстве, то тем самым доказывается необходимость его сохранения, более того – становится очевидной потребность в мудром охранении и бережной консервации сложившихся социальных отношений и политических институтов, венцом которых является, разумеется, самодержавие.

Несколько особняком в истории отечественной общественно-политической мысли стоит фигура П.Я. Чаадаева. Здесь звучал уже сегодня вопрос о том, можно ли назвать его консерватором. Думается, можно. И, судя по переписке, консерватором на грани обскурантизма. Для многих исследователей загадкой остается парадокс его мировоззрения, совмещавшего, казалось бы, несовместимое: консерватизм без консервации (в России нечего консервировать, сакрализируя не только в институциональном, но и духовном плане), органицизм без органичности (постулирование неорганического характера русской истории и одновременно ориентация на вроде бы более органичный западный тип исторического развития) и даже романтизм без романтики (романтическое восприятие преданий европейской старины при пренебрежении отечественной историей) [подр. см. 3]. Западническая ориентация Чаадаева очевидна. Но не менее очевидно и то, что автору «Философических писем» просто не пришло бы в голову звать читателей в возникающую на его глазах Европу чугуна и стали, в мир рантье и расчетливых дельцов. Его мысленный взор был прикован к другой Европе – Европе строгой церковной иерархии, просвещенной аристократии, разума и добродетели. Именно это обстоятельство позволило А. Валицкому назвать его систему воззрений «консервативной утопией», сопоставимой с утопией славянофильской. Несходство этих утопий польский исследователь усматривал в том, что для Чаадаева воплощением идеала была старая, добуржуазная и явно идеализированная Европа, а для славянофилов – старая допетровская Русь [1, с. 156].

Хотя между славянофильством и охранительным консерватизмом и существовали определенные точки соприкосновения (и те, и другие верили в самобытный, незападный исторический путь России и выступали против рецепции западных институтов), представители этих направлений по-разному трактовали ключевые ценности российской цивилизации и расходились по вопросу о том, что из них прежде всего нуждается в консервации. В то время как для консерваторов-государственников важнейшей ценностью выступало самодержавное государство, славянофилы стремились прежде всего сохранить неповторимое духовное и социокультурное своеобразие русского народа. В отличие от охранителей они делали акцент прежде всего на первом и третьем элементах «уваровской триады», то есть на православии и народности (под которой мыслители этого направления понимали «личность народа», «народный облик»², говоря более современным языком – русскую идентичность).

Ключевыми постулатами славянофильской доктрины были самобытность России и ее фундаментальное отличие от стран Запада. (Интересно, что при этом на мировоззрение славянофилов оказали сильное влияние немецкая классическая философия и немецкий романтизм – Г. Гегель, Ф. Шеллинг, И. Гердер; до такой степени, что тот же Чаадаев язвительно именовал их «заскорузлыми тирольцами в зипунах»). Славянофильский мировоззренческий комплекс отличало довольно сложное, подчас парадоксальное переплетение элементов консервативного романтизма и умеренного либерализма, ориентаций на под-

¹ *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 62.

² *Аксаков К.С.* Простой народ – разумная стихия России: передовые статьи из газеты «Молва» (1857) // Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. М., 2012. С. 523–524.

держание ряда архаичных социальных институтов и своеобразной идеологии «консервативного прогрессизма».

Консервативный характер славянофильского мировоззрения определил свойственный ему антизападнический комплекс. Для А. Хомякова и И. Киреевского Запад отождествлялся с современной (в узком смысле этого слова) цивилизацией со всеми присущими ей пороками – от рационализма и индивидуализма до индустриализма. Россия в данном философском контексте становилась воплощением космоса, «органического», «единого» и т.п. мира, которому, как верили славянофилы, принадлежит будущее. И хотя никому из славянофилов не пришло бы в голову сравнивать Европу с еще живым, но уже тронутым тлением организмом, как это сделал консерватор-охранитель С. Шевырев, введший в оборот метафору о «гниении Европы», тема гибельности европейского пути была обозначена ими достаточно определенно. У славянофилов речь шла скорее не о превосходстве, а о преимуществах, присущих России из-за ее отсталости (неразвитости капиталистических отношений), которые дают ей возможность двигаться по особому пути исторического развития. Антизападничество славянофилов не сводилось к стремлению дистанцироваться от Запада, но предполагало готовность к сопротивлению «внутреннему Западу», то есть разрушительным, с точки зрения консервативного сознания, проявлениям современной цивилизации. Так, заимствование принципов европейского Просвещения, полагали славянофилы, принесёт России только вред, так как настоящее просвещение может прийти лишь из глубин самого народа. Полезным и допустимым, с их точки зрения, можно было считать «только техническое – техническое в самом широком смысле этого слова – заимствование образцов и идей из-за границы; такое заимствование, которое может быть усвоено национальным организмом, не причинив особого вреда» [2, с. 112]. Понятно, что базовые религиозные, социально-политические, философские принципы, как и политические институты западной цивилизации, рецепции не подлежали.

Важнейшей характерной чертой российского социального и нравственно-духовного уклада, отличающей его от раздробленного и индивидуалистического европейского общества, славянофилы считали соборность, то есть гармоническое согласование личных и общественных интересов. С их точки зрения, католицизм означает принудительное, авторитарное единство верующих, основанное на внешнем авторитете, протестантизм – свободу изолированных индивидов, не связанных высшим единством, в то время как в православии осуществляется «соборный» синтез свободы и единения. Воплощение принципа соборности славянофилы видели и в русской сельской общине, ставшей «как бы светскою, исторической стороною церкви»¹.

Исключительное, если не сказать ключевое, место в теоретических построениях славянофильства занимала категория органичности. Славянофилы полагали, что жизненный уклад московской Руси стоял на органических, соборных основах, в то время как реформы Петра I означали разрыв с ними. По словам К.С. Аксакова, суть взглядов его единомышленников сводилась к тому, «что Россия допетровская имела... свои начала, свой путь, своё стремление, что эти древние начала суть залог её преуспевания в будущем, что живая связь с стариною, с преданием необходима... что для своего просвещения, для оживления и преуспевания (прогресса) Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам...»². Неудивительно, что при этом славянофилы идеализировали и даже мифологизировали российское прошлое (что, впрочем, остается характерной чертой отечественного консерватизма до наших дней).

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1877. С. 64.

² Аксаков К.С. Простой народ – разумная стихия России. С. 523.

Смысл консервативной утопии, однако, вовсе не сводился для славянофилов к возвращению в допетровскую Русь, как это пытались представить многочисленные их критики. Теоретики славянофильства не были склонны игнорировать проблемы модернизации общества, и в этом смысле весь комплекс их идей выходит далеко за рамки дефиниции «ретроспективная утопия», предложенной П. Чаадаевым. Консервативный утопизм славянофилов отличало осознание потребности трансформации социально-политических отношений в стране, но в равной степени и стремление осуществить эту трансформацию в наименее болезненных и травмирующих сложившуюся социальную структуру общества и элементы национальной культурной традиции формах. По словам А. Хомякова, консерваторство «есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв гибелен»¹.

Эти представления об органичности и эволюционном характере исторического процесса в сочетании с очевидным неприятием западного опыта капиталистической модернизации и отрицанием полезности революционных трансформаций привели к активному поиску специфически российского пути общественной эволюции. Собственно, консервативную окраску и оттенок утопизма придало этому мировоззренческому комплексу утверждение в качестве непреходящих ценностей определенных форм религии (православие) и социальных связей (община). Требование сохранения национальной специфики в ходе модернизации позволяет характеризовать славянофильскую консервативную утопию не просто как разновидность автохтонной «почвеннической» идеологии, но как одну из первых в истории мировой социально-политической мысли попыток теоретического обоснования «третьего пути» общественного развития, то есть модернизации общества без индустриализации западного типа, предполагающей массовую пролетаризацию населения и разрушение традиционных общественных связей.

Таким образом, отечественный консерватизм уже на первых этапах своего развития обладал рядом особенностей. Во-первых, в нем отсутствовало единое понимание «традиции», когда закладывались основы консервативного идейного комплекса. Из-за ценностных противоречий в среде политической элиты со второй половины XVII века вплоть до конца XVIII века представления о «традиционных», «исконных» элементах культуры носили весьма умозрительный характер. Строго говоря, старомосковская политическая и культурная традиция к началу XIX века во многом была безвозвратно утрачена. Все попытки ее реконструкции неизбежно приобретали характер искусственных построений. Причем неопределенность понятия «русская традиция» и, соответственно, эфемерность традиционализма как мировоззрения позволяли трактовать «традицию» очень произвольно, отнеся ее генезис в допетровские времена (славянофилы), указав на ее истоки в своеобразно трактуемом «византизме» (Погодин и ряд теоретиков «охранительного» направления), или же находить ее в некоем самобытно российском характере политического и государственного устройства – самодержавии (на котором концентрировались Карамзин и охранительное направление в целом).

Другим специфическим признаком российского консерватизма, во многом обусловленным «догоняющим» типом развития страны, стали попытки совмещения взаимоисключающих нередко положений в рамках единого мировоззренческого комплекса при колоссальном воздействии на процесс его формирования общественно-политической и философской мысли Запада (прежде всего Германии). Стремление завершить трансформацию наиболее

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. 3-е изд. М., 1900. Т. VIII. С. 211.

архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры, наряду с теми или иными особенностями социальной структуры, входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований.

Третьей особенностью отечественного консерватизма, также являющейся прямым следствием «догоняющего» типа развития страны, стала постановка проблемы взаимоотношений России и Запада (геополитических, культурных и т.д.). При этом Европа выступала объектом неприятия в рамках бинарных оппозиций, прочно закрепившихся в структуре консервативного мышления (рационализм – органицизм, революция – эволюция, хаос – космос, атомизация – соборность и т.д.), и антитезой, спроецированной на будущее «консервативной утопии». Реакцией на этот своеобразный «западный комплекс» стали и традиционалистское, во многом антимодернизационное «самобытничество» теоретиков официальной народности, и поиски славянофилами особого пути исторического развития.

Таким образом, вопреки устоявшимся представлениям, отечественный консерватор, пожалуй, не в меньшей степени, чем либерал, являлся по преимуществу кабинетным мыслителем, взращенным на идеях западной философии, но предлагавшим весьма избирательное восприятие западного исторического опыта. Этого оказалось достаточно для укоренения мифа о его глубокой «традиционности» и косности. Русский консерватизм XIX века, как и консерватизм европейский, стремился к смягчению болезненных сторон модернизационного процесса. Однако, опираясь не столько на реально сохранившуюся традицию, воплощенную в соответствующих институтах и обычаях, сколько на довольно абстрактное и спекулятивное представление о ней, отечественные консерваторы объективно оказались в ситуации выбора между косным охранительством или оторванным от жизни утопизмом. Драма русского консерватора в конечном счете была драмой «догоняющего» общества, где органичность и эволюционизм зачастую выступали синонимами стагнации и регресса [подр. см.: 4, с. 146–147].

* * *

И возвращаясь к современности. В последние годы на наших глазах формируется новый политический тренд. Россия позиционирует себя ныне как консервативная мировая держава. Причем во всех смыслах – от поддержания существующих норм и принципов международного права до консервативного традиционализма семейных ценностей. Это вроде бы открывает новые возможности для консервативной рефлексии. Общественная среда в России по результатам многочисленных социологических исследований выглядит в целом националистичной и довольно консервативной (в плане поддержания традиционных семейных, религиозных и иных ценностей российским гражданам точно нет равных в Европе). Однако политический консерватизм в целом непопулярен. Виной тому сразу несколько причин. В том числе глубокий непреодоленный раскол современного отечественного консерватизма на «красное» и «белое» течения (неспособность к пресловутому «красно-белому» синтезу в консервативных рядах). Слабость и оторванность от реальности социально-экономической платформы, при которой «красные» смотрят назад, в советское прошлое и черпают там вдохновляющие примеры если и не экономической, то технологической и политической эффективности, а «белые» довольно абстрактно размышляют о неких экзистенциальных преимуществах и духовных основах России. Отсюда проистекает неспособность дать внятное видение перспектив

страны при выраженном обличительном пафосе. Современный российский консерватор – это относительно безответственный социальный и политический критик, либо оторванный от жизни исследователь.

Размытость традиции и акцентированность на отношениях России с Западом оставляют простор а) для конструирования объединяющих консервативные силы оснований консервативного идейного комплекса и б) одновременно дают импульс к общенациональной мобилизации перед лицом внешних сил. Вопрос состоит в том, как методически грамотно и политически эффективно распорядиться этим имеющимся в отечественной консервативной мысли наследием.

Ну и, возвращаясь к теме нашего мероприятия: творческое наследие Н. Бердяева, который не возводил непреодолимых барьеров между русской идеей и истоками и смыслом русского коммунизма, – замечательный пример креативного и нешаблонного подхода к осмыслению наиболее трудных вопросов отечественной истории и политической философии.

Литература

1. [Валицкий А.] Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджеев Валицкого: Реф. сб.: в 2-х вып. / Сост. К.В. Душенко. Вып. 2. М., 1992.
2. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века) / Пер. с англ. М.: Русский путь, 2012. 350 с.
3. Соловьев Э.Г. Либеральный консерватизм в России: апология сумасшествия или голос разума (на примере творчества П.Я. Чаадаева) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 4. С. 79–94.
4. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Полис. 1997. № 3. С. 137–147.

Консерватизм как категория

{ Секция вторая }

А.П. Козырев
«Судьба человека в современном мире», и упраздняет ли консерватизм
ценность человеческой свободы

О.К. Авдеев
Консерватизм как фактор мягкой силы России

К.С. Бенедиктов, Н.А. Куркин, Б.В. Межуев
Современный консерватизм: параметры трансформации

Модераторы: В.А. Никонов, М.М. Федорова

«Судьба человека в современном мире», и упраздняет ли консерватизм ценность человеческой свободы

В.А. Никонов. Тема первого доклада звучит достаточно необычно, потому что консерватизм человеческую свободу ставит всегда на первое место.

Текст Н.А. Бердяева 1934 года «Судьба человека в современном мире» – очень необычный. Сначала немного предыстории. Все, конечно, помнят цитату из послания Федеральному Собранию: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме». Это цитата из работы Бердяева 1922 года «Философия неравенства». Как известно, от этой своей работы он впоследствии если не отрекся, то весьма далеко отошел. Работа эта писалась в 1918 году, в большевистской Москве, когда Бердяев работал в лавке имажинистов, торговал книгами вместе с Сергеем Есениным на Большой Никитской. Обращена она на «вы», ее адресатом являются большевики, те, кто сделал революцию: «вы не понимаете...», «вы не оценили...», «вы не знаете...». Работа эта написана в совершенно особом пафосе, пафосе бердяевского аристократизма.

В 1905 году в «Вопросах жизни» в статье «К. Леонтьев – философ реакционной романтики» Бердяев трижды анафематствует Константина Леонтьева и говорит, что Леонтьев – сатанист, он искажил историческое христианство, построил христианство на страхе, а не на любви и свободе. Наступает революция, и Бердяев, перед тем как уехать из Москвы, перед тем как он был выслан в 1922 году, пишет параллельно две книги – «Философия неравенства» и «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли». Оценка Леонтьева совершенно меняется. Из сатаниста, из человека, который искажил христианство, Леонтьев превращается чуть ли не в настоящего аристократа, подлинного барина, человека, который понял, что общество сословно, иерархично. Минус меняется на плюс. Вот это Бердяев образца 1919–1922, 1923 годов.

Отмечу интересную цитату из «Философии неравенства», которая, как некая топка, повторяет соловьевскую цитату из «Оправдания добра»: «...государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»¹. Эта идея вошла в Социальную концепцию Русской православной церкви, правда, замечу, без слова «окончательно». У Владимира Соловьева эта цитата выглядит, может быть, даже более христиански.

По сути, консерватизм, не имея большого творческого потенциала, творческой ценности, является неким охранительным началом, которое позволяет обезопасить нашу жизнь до временного разрушения, хаоса, деградации и дегу-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 55.

манизации. Последняя тема для Бердяева очень важная – он много пишет в это время о кризисе искусства, о потере образа человека, о Пикассо.

Но вот начинается некая эволюция Бердяева в эмиграции, может быть, связанная с тем, что тот образ нового средневековья Муссолини и национал-социализма, который маячит на горизонте, оказывается Бердяеву зловеще узнаваемым. Ведь сам Бердяев в 1923 году в Берлине издаст брошюру «Новое средневековье», где будет говорить о конце гуманистической эпохи, конце Просвещения, о том, что явится культура мифа, культура масс, культура коллективного действия, культура новой общественности, культура нового рыцарства. И вот он видит, как это новое средневековье наступает, может быть, еще не факельными шествиями на мюнхенских стадионах, но наступает. И здесь начинается какой-то период осмысления и, может быть, переоценки ценностей.

«Судьба человека в современном мире» 1934 года – это как раз та работа и то время, где Бердяев определенным образом соотносит свое представление об истории, о трагедии истории, о том, как делается сегодня история, с двумя фетишами национал-социализма и коммунизма. Происходит некий поворот Бердяева от антиэгалитаризма, аристократизма, философии неравенства, может быть, даже к некому признанию ценностей социализма, ценностей коллективности, показателем чего являются две реакции, две рецензии на эту работу. Во-первых, рецензия, вышедшая в «Известиях» 10 декабря 1935 года, которая принадлежит Николаю Ивановичу Бухарину, прочитавшему «Судьбу человека в современном мире» в немецком переводе. Статья Бухарина огромная – два больших известинских подвала. Называется она «Философия культурного филистера». Бухарин подробнейшим образом разбирает Бердяева, негодуя и всячески понося ренегата, филистера, эмигранта. Но в каких-то местах тональность заметно проскальзывает не то чтобы в пользу Бердяева – защищать Бердяева Бухарину, тогда еще идеологически ответственному человеку, нельзя. Но он отмечает то, что для Бердяева не безразличным оказывается ценность личности, которая для марксизма, для советской культуры проявляется в общественном действии, в социуме, коллективной собственности, где снимается отчуждение человека от продукта его труда. Может быть, здесь есть какой-то бухаринский намек на надвигающийся сталинский 1937 год, он пытается как-то отстоять автономию человеческой личности в тотальности политической истории.

Другая рецензия, совершенно противоположная, появляется в парижской газете «Возрождение», консервативной, монархической газете: под псевдонимом Павел Сазанович кроется русский философ, литургик, богослов Владимир Николаевич Ильин, который ходил к Бердяеву, учился у него, посещал его дом в Кламаре, был, можно сказать, его другом. И вдруг резко осуждает эту бердяевскую книгу, называя ее «идеологическим возвращением»: «Замысел Н.А. Бердяева дышит люциферической гордыней. Этот замысел может быть определен как стремление примирить Сына Человеческого с духом бесчеловечной жестокости и богоборчества, с духом революции. Что не удалось бы и самому Богу – должно удалиться Н.А. Бердяеву. Срыв на этих путях неминуем. Как сказал один мыслитель: “Такая философская тропинка ведет к добру лишь в том случае, если с нее решительно сворачивают”. Гордый Бердяев не желает сворачивать – и рушится, как в мыслях, так и в языке».

Псевдоним Сазановича быстро раскрывается, Бердяев понимает, что его бывший друг и ученик совершил откровенную подлость против него. Самобичующий Ильин пишет Бердяеву серию писем, оправдывающихся и извиняющихся за этот демарш, но все равно в письме от 10 февраля 1935 года говорит ему: «Нет, дорогой Николай Александрович, я никогда не прощу кучеру, соблазнившему Вас... Адская мука увеличивается тем, что и соблазненная красавица

остаётся красавицей и чувство к ней не проходит. Так и я буду постоянно любить Вас, хотя и стараюсь всячески отомстить Вам и “кучеру”».

Кто же этот «кучер», который соблазнил Бердяева? Это революция, это идея революции, это кумир революции, если говорить языком Франка. Потому что в этой книге Бердяев говорит, что история немыслима без революции и у народа есть право на революцию. По сути, он признает революцию как реальную действующую историческую силу, а это уже вовсе не консерватизм «Философии неравенства», это совершенно иная позиция. Бухарин ищет у Бердяева каких-то ноток, которые позволят ему в общемарксистском дискурсе хоть как-то спасти личность, как-то акцентировать внимание на том, что в начале марксизма стояла идея возвращения человеку его человеческой природы, а значит, и его свободы, что марксизм пришел с тем, чтобы раскрепостить человека и вернуть ему его человечность. В наименьшей степени это, наверное, можно отнести к тридцать четвертому году. Судьба Владимира Ильина будет очень интересна – изгнанный из Сергиевского богословского института, он окажется в сорок первом году в Берлине, на стипендии Геббельса, будет печататься в русскоязычных антисемитских нацистских изданиях, и в этом выборе, между большевизмом и нацизмом, Ильин, в отличие от Бердяева, выберет нацизм. Впрочем, об этом можно сказать весьма относительно, потому что в сорок третьем году Ильин вернется в Париж и будет писать о великом продолжателе русских императоров, великом Сталине. Точно так же, как и Бердяев в сорок пятом году будет сидеть у русского посла Дмитрия Абрикосова под портретом Иосифа Виссарионовича и пить за его здоровье. Этот выбор, в соответствии с которым Бердяев осознает какую-то ценность и неизбежность русского коммунизма, а Ильин мечется в сторону национал-социализма, в сторону Гитлера, который пришел с лозунгами борьбы с марксизмом, борьбы с коммунизмом, этот выбор весьма показателен.

Если внимательно посмотреть на «Судьбу человека в современном мире» и на то, что Бердяев хочет сказать, то нельзя не увидеть в этом вовсе не апологию революции или стремление к новой общественности, лучше выражающей себя в коммунизме, чем в нацизме, а продолжение идеи Достоевского о том, что «идеология», «идеократия» и «мировоззрение» являются некими тисками, которые душат человеческую свободу, не позволяя человеку быть подлинно человеком. «Русский коммунизм и немецкий национал-социализм, – пишет он, – диктатуры метасозерцания, диктатуры над духом. Поэтому культура коммунистическая и культура национал-социалистическая – есть культура социального заказа. Это принимает уродливые формы в России и Германии. Деятели культуры задыхаются. Так осуществляется идея коллективной, всенародной культуры, о которой мечтали некоторые творцы культуры в конце XIX и в начале XX века – Рихард Вагнер, у нас В. Иванов и символисты. Так преодолевается индивидуализм в культуре. Наступает конец Ренессанса, о котором я много раз писал. Есть ли в этом хоть какая-либо доля правды и можно ли этому противопоставлять старый индивидуализм и либерализм? Думаю, что есть большая доля правды и что нельзя этому противопоставлять индивидуализм и либерализм, которые совершенно выветрились и разложились. Верно понимание культурного творчества как служения сверхличной цели. Эгоизм интеллектуального слоя не может быть оправдан. Идея служения почти совершенно исчезла в ренессансную и либеральную эпоху. Но идея сверхличного служения не только не противоположна свободе духа, свободе творчества, но она реализуема лишь через эту свободу. Творческое служение есть служение вольное, оно не может быть уподоблено трудовой или воинской повинности. Диктатура над духом не только лишает творчество свободы, но она подкупает

творцов культуры и требует от них предательства, располагает к сервиллизму и заставляет исполнять из-под палки государственные заказы. Диктатура мирозерцания парализует совесть творцов, и лишь героическое сопротивление свободной совести может ей противостоять».

Поразительная цитата. Социальный заказ, диктатура мирозерцания, удушение духа, и в то же время идея сверхличного служения, идея свободы творчества, идея «свободы для», а не «свободы от». Это некая извечная антиномия в бердяевском творчестве, когда стремление победить, освободиться от всяческих объективаций – в лице церкви, государства. Приведу один пример. В 1997 году мне посчастливилось дважды побывать в домике Бердяева в Клармаре, который принадлежит по его завещанию Русской православной церкви. Сейчас там живут останавливающиеся в Париже священники. В кабинете все сохранено без изменений, и я имел возможность посмотреть и книги его с пометками и закладками, и самое главное – молитвослов, который лежал на рабочем столе Бердяева с многочисленными закладками и пометками. Бердяев, который в сознании церковной интеллигенции выступает чуть ли не как еретик и который постоянно поносит епископов, автор статьи «Дух Великого Инквизитора» об осуждении Булгакова в тридцать пятом году, где он прямо сказал: епископы только и делали, что гнали церковь, уничтожали церковь, давили церковь – и в то же время этот антиклерикал Бердяев каждый день открывает молитвослов, читает ежедневные правила, делает пометки... Удивительно антиномическая личность!

Собственно, что такое консерватизм? Я здесь перехожу к общим вопросам и излагаю исключительно свой взгляд, а вовсе не какие-то канонические политологические идеи. Что он консервирует? Что призван он консервировать? Политические формы, идеи, институты, ценности? Нет, прежде всего консерватизм призван консервировать человеческую свободу, каким-то образом ставить в определенные рамки человеческую свободу, потому что консерватор считает, что человек от природы зол – и если не зол, то по крайней мере природа человеческая поражена грехом. Природа может быть и добра, но она поражена грехом. Природное в человеке несет на себе Каинову печать, эту природу нужно поставить в определенные рамки, нужно поставить над этой природой что-то более высокое: благодать, культуру, веру – то, что относится к ценностной сфере. Речь не идет о том, что мы отказываемся от свободы, следуя логике консерватизма. Речь идет о том, что свобода человека, которая начинает пониматься как свобода эго, свобода самости, свобода ко Злу, должна быть перенаправлена, должна превратиться в творческую свободу, свободу созидующую, а не разрушающую. И это постоянная мысль Бердяева – философия творчества. Что может заставить человека перестать делать зло и начать творить добро? Исключительно уподобление Богу, обретение в себе образа и подобия Божьего. А что такое образ и подобие, по Бердяеву? Образ – это свобода, подобие – это творчество. Поразительным образом архимандрит Киприан (Керн), который был другом Бердяева и таким же аристократом (я как-то погрузился в его библиотеку в Сергиевском институте – там до сих пор все пахнет лавандой, он перекладывал книги какими-то ароматическими цветами, он любил Леона Блуа – их общая с Бердяевым любовь к этому католическому фанатику, апокалиптику и изысканному писателю с трагической судьбой, такому французскому Константину Леонтьеву), он в предисловии к «Антропологии святого Григория Паламы» абсолютно воспроизводит эту бердяевскую мысль о том, что такое образ и подобие, – это свобода и творчество. Так вот Бердяев верит, что, найдя в себе этот потенциал творческой свободы в духе, мы перестанем делать зло и начнем творить добро, продолжая миротворение Бога. Что это – консерватизм или либерализм? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, как и вообще на

вопрос, консервативна ли русская философия или либеральна. У меня ощущение такое, что русская религиозная философия в ее основном тренде больше левая, чем правая, но это не значит, что она консервативная или либеральная, она устремлена к неким ценностям коммюнитарности, социальности, социализма, народа. Русская идея – что это? Это романтическая идея народа, идея нации, это дух нации, который мы должны понять и постичь. Она больше левая, чем правая. Конечно, можно охарактеризовать эти взгляды как своего рода либеральный консерватизм, но с каким-то разным акцентом: либо на либеральном, либо на консервативном.

Еще пару слов скажу о «Судьбе человека в современном мире». Это брошюра в пятьдесят страниц. Она интересна самой постановкой вопроса. Многие ли нынешние публицисты сейчас ставят так вопрос: «Судьба человека в современном мире»? Мы говорим о судьбе России в современном мире, о геополитике, о месторазвитии, о тенденциях в глобализации или, наоборот, многополярности; а человек у нас куда-то делся, и он нас особенно не интересует. Сколько времени мы обсуждаем вопросы однополых браков в Европе? Материнство – это либо нечто чисто репродуктивное, либо это святыня. Если мы говорим: давайте будем относиться к этому как к чистому механизму, то исчезает фундаментальная, базисная, ценностная основа нашей отечественной культуры, где не только мать свята, но и мать сыра земля свята (по Достоевскому). Мы не задаем себе сегодня этих вопросов, кроме редких исключений (Сергей Сергеевич Хоружий выпустил недавно книгу «Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии», где он с фонарем ищет человека, спрашивая: «Что такое человек сегодня? Что такое человеческая природа?»). И вот Бердяев в 1934 году пишет поразительную книгу, где говорит, что современная история делается из чувства трагического одиночества и богооставленности современного человека. Поэтому и те болезни, и те проблемы, которые возникают в истории, вытекают из той философии человека, в которой человек одинок и покинут. Он цитирует Хайдеггера, Селина, обращается к опыту французского экзистенциализма, который только начинается. Он говорит о том, что, как мне кажется, и нас сегодня касается: кризис христианской культуры; суд над христианством, который вершится нехристианской культурой; репоганизация, то есть возвращение к ценностям античного мира, ценностям стоицизма.

Если мы посмотрим, какие ценности сегодня руководят нами. Что такое брак? Это не таинство, не союз, а юридический акт, связанный с распределением собственности. Христианство лишь некую поверхностную вуаль набросило на брак, который на самом деле есть античное понятие. И, дескать, давайте мы сегодня отбросим христианское понимание брака и вернемся к тому, как он понимался в римском праве. И в очень многих вещах мы сегодня возвращаемся к ценностям *rae romanus*, к ценностям античного мира, пытаюсь именно на этом утвердить ценностную философию человека, даже гуманизм как ценность человека в его природной этико-эстетической норме, где мы можем совершать прямые модуляции над его телом, даже над его бессмертием – заморозить, разморозить, клонировать. Если бы античность могла это делать, она, думаю, спокойнее это делала бы, потому что здесь человек воспринимается прежде всего как тело, *somo* – это есть предельная идентичность человека.

Впрочем, здесь мы уже далеко уходим от Бердяева – тема нашего форума не сводится исключительно к Бердяеву. Но хотел бы еще раз акцентировать, что нам стоило бы так же поставить вопрос о судьбе человека в современном мире. Что такое человек сегодня? Как он ощущает себя? Как он расположен в системе ценностей и координат – христианской, античной,

секулярной, постсекулярной? Насколько важно для него национальное измерение? Мы видим сегодня, что тема нации в ее экстраординарной форме возвращается в трагических событиях на Украине. Мы недавно проводили конференцию памяти Георгия Дмитриевича Гачева – 1 мая ему исполнилось бы 85 лет, – человеку, который все свое творчество посвятил национальным образам мира. Я процитировал его статью 1994 года в «Вопросах философии», где всё, что сейчас происходит на Украине, описано. Этот чудовищный ремейк нацизма и национализма. Гачев об этом предупреждал как русско-болгарский еврей, который чувствовал в себе эти пересечения – что будет, если вдруг эти сны, которые нации видят порознь, станут явью и каждая будет утверждать, что ее сон – единственная действительность, которая претендует на исключительную тотальность. В этом смысле Гачев – продолжатель Бердяева, его наследник.

В.А. Никонов. Заход оказался более широким, чем постановка нашей проблемы. Вы оттолкнулись от «Судьбы человека в современном мире»... И все-таки: упраздняет ли консерватизм ценность человеческой свободы?

А.П. Козырев. Вопрос риторический, ответ на него – не упраздняет. Но ограничивает. Еще Бродский писал: «Бог ограничен, а человек – ограничен».

В.А. Никонов. Ответ – нет. Хорошо. Кто хотел бы вступить в дискуссию?

М.М. Мчедлова. Мне было приятно услышать такой замечательный историко-философский доклад. У нас на подобном уровне очень редко проходят обсуждения. В этом большая заслуга организаторов конференции. Мне кажется, здесь можно вычленил ряд проблем, которые применимы к современным поискам интерпретации приемлемости консерватизма и как идеологии, и как целостной совокупности политических практик. Проблема личности – это то, что сегодня нужно акцентировать. Проблема гуманизма и у Бердяева, и сейчас в докладе прозвучала сквозь призму двух проблем. Первая – проблема ценностной иерархии: как выстраивается современная иерархия ценностей, что стоит на вершине пирамиды, а что вообще элиминируется. Второе – проблема наполнения ценностей. Может ли ценность быть чисто нормативно-правовой (например, при неоинституциональном подходе такое возможно); либо она несет в себе нечто большее – от трансцендентности и богосоотнесения, если мы находимся в этой системе координат; либо в ином наполнении, но представляет собой нечто, являющееся ориентиром для развития и не поддающееся формализации в том виде, о котором говорил Алексей Павлович [Козырев. – *Ред.*], в политико-правовой плоскости. И еще один момент, который, мне кажется, может и должен прозвучать: консерватизм (в том числе и у Бердяева, когда он подвергает резкой критике тотализацию видения истории сквозь призму нации, – это именно то, что относится к консерватизму как к стилю мышления) –

принципиальная нередуцированность культур к определенному образцу. Этот социокультурный плюрализм, который выступает на авансцену и теоретических интерпретаций, и политических практик, во многом заложен в консерватизме, который возник после Французской буржуазной революции и получил затем развитие в философской и политической мысли России. Из таких постановок проблем возможны кристаллизация и идейное наполнение политических практик... Я с таким удовольствием прослушала философский доклад. Спасибо большое.

А.П. Козырев. Мне кажется, что у Бердяева «либерализм» и «консерватизм» – это понятия операциональные, они не являются некоей самоценностью. Константин Леонтьев писал, что в эпоху подвижности, в эпоху разложения, таяния надо быть консерватором; в эпоху развития, зарождения, в эпоху становления надо быть либералом. И в историческом опыте Бердяева мы видим сходные вещи: он в наибольшей степени консерватор именно в годы революции, в те пять лет после 1917 года, которые он проживает в России, с 1917 по 1922-й. Здесь появляется самый аристократический тон в его философии, от которого потом зажжется Питирим Сорокин, потому что два русских учителя Питирима Александровича Сорокина – это Леонтьев и Бердяев. Хотя он больше ссылается все-таки на Леонтьева – с Бердяевым же они современники и в чем-то оппоненты. Как только Бердяев попадает в эмиграцию, как только он видит «подморозку» – коммунизм «подморозил» Россию, нацизм «подморозил» Германию, – нельзя уже быть последовательным консерватором, надо быть апологетом свободы.

М.М. Мчедлова. Мне кажется, это нормально, потому что консерватизм – это всегда реакция на разрушение: либо ценностных основ, либо установившегося порядка, либо вообще бытие. Консерватизм и возникает как реакция на Великую французскую буржуазную революцию и все остальные безумные потрясения. Чтобы цивилизация не умерла, возникают,

в том числе, и идеологические, и политико-практические ответы. Консерватизм – это, конечно, не, как у нас зачастую представляют в околопублицистическом дискурсе, консервация архаики, неспособность к развитию. Нет, наоборот, в консерватизме заложен большой потенциал для развития с сохранением самобытности, без потрясений социальной ткани.

В.А. Никонов. Либерализм возникает изначально как желание урвать что-то у государства. Локк формулировал задачи британской аристократии: урвать у короны как можно больше. Когда государство рассыпается, то мир видится под совершенно иным углом зрения.

М.М. Федорова. Я тоже с большим удовольствием прослушала доклад и благодарна Алексею Павловичу за саму постановку проблемы – проблему свободы в консерватизме, – которая обычно в таком плане не ставится. Считается, что проблема свободы – это либерализм. Любая политическая философия, любая политическая идеология говорит в первую очередь о свободе. Другое дело, о какой свободе и каким образом это понимается. Сама постановка вопроса о свободе в консерватизме, на мой взгляд, имеет принципиальное значение. Хотела бы автору немного возразить. Проблема свободы в том аспекте, о котором вы сказали, выходит за рамки каких бы то ни было идеологических установлений и ограничений. Я не понимаю, честно говоря, почему мы пытаемся Бердяева поместить в какие-то консервативные рамки. На мой взгляд, эта личность настолько масштабная, настолько яркая, настолько уникальная... Масштабная личность всегда выходит за рамки. Концепция свободы по Бердяеву – это философская концепция, и то, что вы говорите о Бердяеве, определяя его понятие «свободы» как такого широкомасштабного творчества, исторического творчества, духовного творчества, попытки личности выйти за собственные пределы, это выше всяких идеологий. Я поостереглась бы здесь ставить какие-то рамки и границы. Но сама проблема свободы в консерватизме

очень интересна, и эта тема – одна из принципиальных, которые нужно обсуждать.

А.П. Козырев. Полностью с вами согласен. Интересно, что после Бердяева слово «свобода» появлялось в русской философии в совершенно оригинальных контекстах. Например, Федотов – «Пушкин как певец империи и свободы». Или Левицкий – «Свобода и ответственность». Франк – «Культура и свобода». Свобода всегда предполагает некую антитезу, вторую сторону антиномии, без которой сама свобода летит в тартарары.

В отношении того, что вы сказали о философии и идеологии, я, конечно же, соглашусь. Но это не отменяет вопроса о том, должна в идеологии присутствовать какая-то философия, или идеология – это такой технический продукт, профанный, который существует для манипуляций.

В.А. Никонов. Двадцать лет назад была написана программа Партии российского единства и согласия. Будучи в Государственной Думе, она вырабатывала свою идеологию. Этот документ был написан вот этой рукой и назывался он «Консервативный манифест». Одна из первых его статей гласила: «Для консерваторов священно понятие “свобода”, но свобода упраздняет себя если...». Некоторые «если» там были из разряда прозвучавших сейчас.

Н.В. Злобин. Вопрос об ограничениях: что происходит с идеологией государства? У нас в Конституции запрещена идеология. Бердяев поднимает этот вопрос? Государственная идеология – это ограничение личной свободы?

А.П. Козырев. Бердяев нес на себе крест, наследие русских народников и русских анархистов. Он надеялся, что может быть некая общественность (слово, которое мы никогда не встретим у Ленина – у него нет слова «общественность»). Эта общественность может как-то организоваться, стать религиозной, открыться в духе. Это *Gemeinschaft*, а не *Gesellschaft*, не как безличное общество, не как государство, которое отчуждает от человека его свободу.

Может быть, в личном круге общения Бердяеву иногда такие формы общения удавались – Вольная академия духовной культуры в Москве, Религиозно-философская академия в Париже, журнал «Путь». Хотя он часто ссорился и выходил из этих сообществ – например, из Братства Святой Софии, которое он покинул, написав, что Братство не является братством. А на уровне государства, мне кажется, он для себя этот вопрос не решал, он всегда трансцендировал себя поверх государства, поверх каких-то политических форм, будь то коммунизм, империя, национал-социализм, то есть он искал этой свободы в каких-то более тесных и непосредственных формах общения. Но важно, что это общение было для него необходимо. Это не творческий индивидуализм Гершензона в «Вехах», творческое самосознание, где я ушел в себя, в свою «конуру», в свою пещеру, и там сижу, читаю декабриста Кривцова, например, а это какое-то действительно сообщество. Это сообщество может состояться в церкви, но это не та церковь, в которой были крестовые походы или костры Великого Инквизитора, а какая-то другая церковь – церковь Третьего Завета, которого он чаял. Скорее в церкви, чем в государстве. Я не думаю, что Бердяев отчетливо видел какие-то формы идеального государства, что они были для него возможны. Он мог приветствовать или не приветствовать. В поздних работах он мог аплодировать Михаилу Ивановичу Калинин, который на съездах ВКП(б) говорил о советском образовании, о необходимости поиска каких-то гуманных форм в образовании. Но не было у него, как у Платона, модели идеального государства.

Б.В. Межуев. Единственное произведение, единственный период, когда он рассматривал проблему государства, – это период, когда он начал тяготеть к корпоративному государству, «Новое средневековье» (1923), где он говорит, что наступает эпоха корпоративного государства, и видит в этом позитив. Но он разочаровался в этом очень быстро. В поздних его работах – явная тема безгосударственности, не в смысле, что он враг государства, а в смысле, что миссия русского народа, «русская

идея» носит только сверхгосударственный характер. При этом нельзя сказать, что он был анархистом.

Н.В. Злобин. То есть по нему государство способно предложить идеологию обществу?

Б.В. Межуев. Я не думаю, что он в принципе об этом много размышлял. Мне кажется, для него тема идеологии была совершенно нерелевантна, он воспринимал идеологию как совершенно отчужденное.

А.П. Козырев. Я не зря провел параллель с цитатой Соловьева, что государство и право необходимы, чтобы до времени не оказаться в аду, государство выполняет эту функцию, действительно консервативную, выполняет ее плохо, выполняет хорошо, может по-разному ее выполнять. Но, так или иначе, это не есть святыня, перед которой нужно молиться.

Б.В. Межуев. У него было парадоксальное тяготение к реакционным мыслителям – он написал книгу о Леонтьеве. В «Философии неравенства» он постоянно ссылается на Жозефа де Местра как...

А.П. Козырев. Блуа. В четырнадцатом году у него вышла большая статья о Блуа.

Б.В. Межуев. То есть он видел в этом какую-то правду – не правду государственной идеологии, а именно неравенства, иерархии. Это была у него какая-то внутренняя проблема, потому что одновременно он был человек очень эгалитарный. Но одновременно чувствовал, что неравенство, иерархия имеют важное значение для поддержания общественного порядка, даже не порядка, а чтобы именно все в хаос не впало. И он очень любил соловьевскую фразу из «Оправдания добра» и постоянно использовал ее. Страх того, что возможно нивелирование всех иерархий, у него был, и он ценил Леонтьева. И здесь он видел какую-то правду – не просто консерватизма, но даже реакции. Одновременно с этим левые настроения у него все равно были, и они в конце стали наиболее сильными, если брать конец его творчества.

О.К. Авдеев. Мне очень понравился доклад. Консерватизм свободу не ограничивает. Тут получается некий зазор. С одной стороны, по определению, он – нечто ограничивающее. С другой стороны, понятию «свобода» он не чужд, и человеческой личности, ее значимости. И тут возникает вопрос: что именно ограничивает консерватизм? Есть две цитаты, имеющие между собой нечто общее. Самого Бердяева: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать». И Катков, главный редактор «Московских ведомостей»: «Чуткий, понимающий себя консерватизм не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-либо существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным».

Мне представляется, что консерватизм не против свободы личности, не ограничивает ее как таковую, он пытается способствовать развитию личности, чтобы свобода личности реализовывалась в некоторых рамках, даже если не прямыми запретами и ограничениями, то по крайней мере наличием оценки. Разница в том, что либерализм не дает оценок: «я имею право голосовать за кого хочу; верить, во что хочу; участвовать в инициативах, как я пожелаю нужным». Это не оценивается. А консерватизм предполагает возможность регулирования этого, по крайней мере на уровне оценки: есть развитие в правильную сторону, есть в неправильную; есть путь к Богу, есть путь в ад.

Н.В. Злобин. Кто оценивает-то?

О.К. Авдеев. Ну, консерватизм предполагает всегда наличие некой абсолютной шкалы ценностей, поэтому консерватизм везде разный, потому что эти шкалы везде различные.

Именно в этом сложность. Ограничения бывают разные; слово «свобода» тоже имеет много разных значений. Есть свобода воли, которую у меня отнять, если верить экзистенциалистам, невозможно вообще: даже находясь в тюремной камере, связанный по рукам и ногам, я могу думать, что я прав. Есть свобода фактическая: вот я могу выйти сейчас на улицу и совершить правонарушение, меня, может быть, за него накажут, а, может быть, и нет. Есть свобода юридическая: я имею юридическое право нечто сделать и не быть за это наказанным государством. Есть еще четвертая, общественная: меня накажет за это не государство, а сосед осудит и не будет со мной общаться.

Консерватизм, в отличие от некоторых тоталитарных идеологий XX века, выступал не за принудительное ограничение человеческой свободы, а только за то, чтобы проявления этой свободы оценивались. Я не знаю, согласитесь ли вы со сказанным мною вдогонку – как согласить ограничительные тенденции консерватизма и мысль о том, что человеческая свобода им, тем не менее, признается.

В.А. Никонов. Поскольку первый час нашей дискуссии уже прошел, давайте подведем черту. Напомню, в этой подсекции центральный вопрос: «Упраздняет ли консерватизм человеческую свободу?», ответ: «Нет, не упраздняет». Но дальнейшая дискуссия будет идти относительно того, о чем мы с вами говорили: что, как и в какой степени ограничивает эту свободу. Потому что, действительно, неограниченная свобода просто себя упраздняет, превращаясь в хаос. Есть такие понятия, как мораль, право, и они будут ограничивать свободу. Есть права человека, которые тоже будут ограничивать свободу, так как права есть не только у тебя, но и у другого человека. Есть набор таких вещей, которые могут ограничивать свободу, не прибегая к государственной идеологии.

Подводя черту под темой «Судьба человека в современном мире», мы благодарим Алексея Павловича Козырева за интересный и содержательный доклад и передаем слово Олегу Константиновичу Авдееву.

Консерватизм как фактор мягкой силы России

Часы отечественной истории завершили очередной оборот. Начало формирования Евразийского союза, участие России в урегулировании сирийского конфликта, все более острое противостояние в Совете Безопасности ООН, участие в украинском конфликте и, наконец, возвращение Крыма – все эти недавние и продолжающиеся события прямо и явно свидетельствуют о начавшемся возвращении России на большую сцену исторического процесса.

История советской империи, в целом политически наследовавшей империи Российской, завершилась крахом и болезненным распадом. История новой России началась с провала и безвременья девяностых годов и продолжилась восстановлением в двухтысячных и начале десятых, когда Россия, говоря словами канцлера А.М. Горчакова, «сосредотачивалась» и собиралась с силами. Недавний итог этого сосредоточения совпал с обострением противостояния ведущих мировых держав, усложнением международной обстановки и радикальными переменами, знаменующими завершение «культурной революции» Западного мира. Во всем мире радикальной трансформации подвергается формировавшиеся веками представления о Добре и Зле, базовые понятия и институты общественной жизни. Пересматриваются традиционные представления о семье и воспитании детей¹, о месте морали и религии в функционировании общества, о значении национальной культуры и культурной идентичности, о роли государства.

На фоне культурных изменений, постепенной радикализации и экспансии «новых европейских ценностей», агрессивной тайной и явной (военной) внешней политики США и их европейских союзников по блоку НАТО Россия была объективно поставлена перед выбором: либо отказаться от поддержки своих партнеров, от сохранения влияния во внешнем мире (в том числе на территории бывшего Советского Союза – в ее непосредственной и традиционной сфере влияния), от поисков и утверждения своей национальной и культурной идентичности, либо вновь становиться великой державой (не в смысле патриотического слогана или веры в свое особое призвание – с этим у России проблем не было никогда, – но в том геополитическом смысле, который закрепился за этим понятием со времен Венского конгресса и выхода книги Леопольда Ранке).

¹ Об этом свидетельствует, например, беспрецедентный рост числа детей, рожденных вне брака: с 28,5% в 2001 до почти 40% в 2011 году в среднем по ЕС, причем этот показатель в некоторых странах достигает феноменальных цифр. Так, в Исландии 66,9% детей рождены вне брака. Можно констатировать не ожидаемую, а уже свершившуюся гибель института брака в этой стране (Live births outside marriage (% of live births) Births, where the mother's marital status at the time of birth is other than married. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tps00018>).

Факторы силы великих держав

Но быть великой державой значит не только занимать первые места по тем или иным показателям. Для этого недостаточно внутренней стабильности, экономического роста, выгодных отношений с соседями или больших золотовалютных резервов. Историческое бытие державы возможно только благодаря владению всеми современными инструментами внешней политики. Это означает и наличие хорошо оснащенной, обученной, морально подготовленной армии, и талантливой дипломатии, и неформального контроля над собственной территориальной сферой интересов. Пример других великих держав современности (конца XIX, XX и начала XXI века) показывает, что одним из важнейших является фактор мягкой силы (soft power). Фактор, существовавший всегда, но с момента окончания Второй мировой войны все чаще оказывающийся более эффективным тогда, когда бессильны военная мощь и бесконечные переговоры.

Это введенное в 1990 году Джозефом Наем [1; 5] понятие характеризует способность государства добиваться поставленных результатов без применения прямого или косвенного принуждения или материального поощрения (то есть власть, не обусловленная военной или экономической мощью страны), а посредством помощи добровольных союзников, основанной на привлекательности идей, культуры и образа жизни. В некотором роде, мягкая сила – некий аналог подхода из книги Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», реализованный в рамках международных отношений. Явление, описываемое этим термином, безусловно, существует с незапамятных времен, на протяжении всей истории человечества. Доминирование греческой культуры в Средиземноморье, Pax Romana, христианизация варварских племен и стран, восприятие Европы как «страны святых чудес» (И.В. Киреевский), даже распространение американской музыки по другую сторону железного занавеса и тому подобное – все это примеры использования мягкой силы.

Но само понятие мягкой силы не случайно возникло лишь в прошлом веке. Во второй половине XX века классические войны часто были не очень успешны, куда больше настоящих и «холодных» войн, противостояний было выиграно при помощи мягкой силы. В условиях невозможности прямого глобального столкновения СССР и США, ОВД и НАТО – вся «холодная» война была, в известном смысле, соревнованием в том, кто лучше владеет мягкой силой. Два мира и два образа жизни сошлись в состязании на привлекательность – и капиталистический мир, более удачно использовавший мягкую силу, в итоге вышел из него победителем.

Мягкая сила СССР

В 1920-х и 1930-х годах советское государство привлекло множество западных интеллектуалов (от Г. Дж. Уэллса и Дж. Б. Шоу до Р. Роллана и Л. Фейхтвангера), считавших своим долгом совершить паломничество в страну воплощающейся утопии – и принести весть о ней (чаще апологетическую) своим соотечественникам. Неслучайно в эмигрантском (и изначально достаточно антисоветском) течении евразийства в конце 1920-х годов возник раскол на левое и правое. Левым евразийцам сталинский СССР представлялся началом воплощения их чаяния в такой степени, что даже князь Д.П. Святополк-Мирский, как и некоторые другие левые евразийцы, вернулся на Родину, за что получил прозвище «товарищ князь».

В эти годы мягкая сила СССР опиралась прежде всего на соблазнительность коммунистических идеалов и на романтику впервые воплощаемой в действительности многовековой утопии человечества – на привлекательность ценностей советского общества. В 1930-х годах едва ли не более важным фактором стала привлекательность советской экономической системы на фоне Ве-

ликой депрессии. Роль Советского Союза во Второй мировой войне сделала его одной из двух сверхдержав послевоенного мира, упрочив авторитет и влияние советского строя. Следствиями этого были и маккартистская «охота на ведьм» (репрессии против коммунистов и социалистов в США), и «черный список Голливуда», и иные подобные акции – после окончания войны симпатии к коммунизму, социал-демократии и советскому строю среди деятелей культуры и искусства и даже, в меньшей степени, в политических кругах стран Запада возросли. Во второй половине XX века Советский Союз стал маяком для «социалистического содружества», что вряд ли можно объяснить только военной силой или финансовой поддержкой. Культурные и политические элиты этих стран советского блока получали образование в СССР, приобщаясь к принятому в нем образу жизни, перенося его потом в свои страны. В это же время советская культура (в самом широком смысле этого слова), оформившаяся в своем отличии от российской дореволюционной и современных ей западных, переживала расцвет. Запуск спутника и первый полет человека в космос, другие успехи в науке и технике, советские опера и балет, хоккей и фигурное катание использовались для создания привлекательного образа СССР. Пиком имиджмейкерской деятельности стали Олимпийские игры 1980 года в Москве, которые, даже несмотря на бойкот со стороны многих стран, способствовали повышению культурного влияния СССР. В какой-то мере Олимпиада даже компенсировала репутационный ущерб от ввода войск в Афганистан.

Мягкая сила, вероятно, самый тонкий и сложный в реализации, но в то же время самый надежный и долговечный инструмент внешней политики. Даже сейчас, спустя многие годы после распада СССР, «романтика космоса», «лучший балет» и даже «лучшая водка» остаются значимыми для множества людей во всем мире и куда чаще вызывают ностальгические сожаления, чем идеология или имперская мощь.

Идеологическое, культурное, нравственное противостояние было СССР проиграно. Советская культурная экспансия была заметно шире его территориальной и дипломатической экспансии. Именно по ней хорошо видно, как СССР постепенно уступал своему визави в мягкой силе и проиграл. Рост антисоветских настроений внутри страны, появление и развитие ориентированных на американский образ жизни молодежных субкультур (рок-музыка и т.п.) и культ всего «импортного», развившийся у населения в последние десятилетия существования Советского Союза, наглядно свидетельствовали об успехе американской мягкой силы.

Мягкая сила и самоидентификация

Главным преимуществом и недостатком культурного и экономического превосходства как факторов мягкой силы является их обособленное и объективное, а не «рекламное» существование. Конечно, в убежденности в том, что «все немецкое – самое качественное», а «Япония – самая технологическая страна в мире», есть немалая доля мифа, но миф – вовсе не синоним лжи, и этот миф не был бы убедительным без действительной надежности и качества большинства немецких товаров и реальной инновационности и высокой технологичности японской экономики. То есть для экономической, социальной или научной привлекательности не требуется какой-то специфической работы – «только» действительно развивать науку, экономику и социальную сферу и не забывать держать в курсе этих успехов своих граждан и население других стран. И с тем, и с другим в нашей недавней истории наблюдался частичный провал, но сейчас достигнуты определенные успехи. Наиболее свежим и ярким примером является Олимпиада в Сочи, которая не только вскрыла недостатки, но и продемонстрировала вопреки необъективной иронии западных и некоторых российских СМИ

и хорошие спортивные показатели, и экономические возможности преобразования южного курорта в столицу зимних Олимпийских игр с самой современной и развитой инфраструктурой и не без архитектурного вкуса.

Другое дело «идеологический» фактор мягкой силы, который не существует самостоятельно и должен создаваться и поддерживаться. Речь тут не идет именно об идеологии (установление которой на государственном уровне прямо запрещено статьей 13 Конституции Российской Федерации, и само понятие которой может вызывать негативные исторические ассоциации). «Идеологическим» фактором могут служить и общие культурные и идейные веяния, и даже оттенки их интерпретации (как это, отчасти, было, например, с идеологией «суверенной демократии», лишь уточнявшей российское понимание демократии, но ни в коей мере не создававшей новую социально-политическую теорию), тенденции, ценности и общие основы государственной политики. Так, «идейной» основой мягкой силы США является сегодня концепт прав и свобод человека в своеобразной североамериканской интерпретации, основанной на Декларации независимости и Конституции США и поправках к ней. США стремятся позиционировать себя как «страну свободы», единственный оплот подлинной демократии и своеобразно понятой справедливости – равных возможностей для всех. Эта необязательная (в том смысле, что ее позволительно не разделять без юридических санкций) идеология служит как средством консолидации общественного мнения и формирования американской нации как единого целого, так и причиной и оправданием внешней политики США, зачастую весьма агрессивной. «Идеология» единой Европы описывается примерно в тех же выражениях, но с иными акцентами: это еще и мир социальной ответственности человека перед обществом, сегодня дополненный проповедью мультикультурализма и максимальной толерантности.

Современная Россия, стремящаяся постепенно восстановить свое положение на международной арене, хотя и является правопреемником Российской империи и Советского Союза, тем не менее совсем иное государство и имеет весьма косвенное отношение к прежним идеологиям и идейным веяниям. Восточный Союз с центром в захваченном Царьграде, волновавший души панславистов и Константина Леонтьева, или всемирный красный интернационал и мечта о будущем коммунистическом рае не могут всерьез рассматриваться как возможная база для объединения дружественных сил вокруг России. Хотя и панславистская, и восточно-христианская, и левая самоидентификация вполне могут и должны использоваться Россией, они не в состоянии определять вектор ее внешней политики.

Но нельзя и продолжать ограничиваться отрицательной позицией – и строить свой образ для внешнего мира исключительно на сохранении и защите status quo, многополярности и международного права. Мантия справедливого арбитра и мудрого судьи – если в достаточной честности и последовательности удастся убедить мир – прибавляет авторитета и веса, но не делает привлекательным. Можно и нужно также разрушать мифы о себе. Но для нового статуса России требуется еще и какое-то позитивное содержание. Чтобы вновь стать одной из исторических держав, мы должны предложить миру что-то свое – особенное и привлекательное. Это содержание должно отвечать трем критериям – должно быть нечто:

а) объективно являющееся позитивной ценностью, способное вдохновлять и достойное уважения – иначе оно вызовет лишь усмешку;

б) имеющее известное число приверженцев за границами России и разделяемое людьми более чем одной страны, национальности и культурной принадлежности – поэтому идеи национального и религиозного служения, а также поклонение собственной истории (значимые для культурных и политических

связей на постсоветском пространстве) непригодны в качестве основы мягкой силы России в масштабах мира;

в) действительно присутствующее в нашей природе, соответствующее национальной традиции, прямо вытекающее из истории и духа страны, органически произрастающее на народной почве – иначе идейное влияние и лидерство не будут ни убедительными, ни полезными.

В каком-то смысле поиск основы для мягкой силы и образа России в мире связан с темой поиска «национальной идеи», «русской идеи», вновь взбудоражившей умы отечественных интеллектуалов в последние десятилетия. При всех различиях этих понятий (национальная идея – это нечто «внутреннее», «настоящее», «для себя» – то, как сам народ видит свое место в мировой истории, или даже, как это афористично сформулировал Владимир Соловьев, «что Бог думает о нем в вечности»; образ в мире – скорее имидж, пиар-концепция, самопрезентация, скорее «роль», чем «личность») – они тесно связаны и не могут рассматриваться полностью в отрыве друг от друга. Роль и имидж отнюдь не должны отождествляться с ложью и притворством – ни человек, ни страна не могут последовательно, день за днем и год за годом убедительно притворяться чем-то принципиально иным, так чтобы не стала заметна фальшь. Так что «национальная идея» и образ страны в мире – две стороны одной медали, как интерьер и экстерьер дома, которые не могут быть разностильными.

Консерватизм как основа мягкой силы России

Идеальной «идейной» основой России и ее мягкой силы может стать и уже становится консерватизм, новый и в то же время творчески реконструирующий существовавшую консервативную традицию. Консерватизм станет наиболее естественным, если не единственно возможным ответом на вызовы времени. Происходящие в западном и мировом сообществе радикальные и разрушительные изменения не могут не вызывать ответной реакции. Слово это, если используется не в ругательном контексте («реакционные настроения», «реакционная политика»), означает вполне естественное для общества как органического целого явление: живой организм, если он еще жив и не утратил инстинкта самосохранения, не может не реагировать на резкие, потенциально вредные или опасные изменения окружающей среды. Такой реакцией, ответом на вызовы времени и выступает консерватизм как настроение общества, стиль мышления интеллектуалов или государственная идеология.

Консерватизм – это всегда порождение естественного желания защитить то, что дорого и важно (в обществе, в семье, в политике, в обыденной жизни) от разрушения. В каком-то смысле, как это считает, например, американский политолог Харви Мэнсфилд [4], консерватизм (применительно к американской разновидности) приходится братом-близнецом либерализму, рожденным одновременно с ним не столько для того, чтобы предложить ему альтернативу, сколько для того, чтобы удержать от ошибок – его стратегия не «идти назад», а просто «идти медленно» и осмотрительно. В любом случае вопреки распространенному мнению консерватизм обычно выступает именно как «идейное течение, настаивающее на постепенности изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций» [3], а не как простое стремление сохранить status quo, оставить все как есть, или же вернуть прошлое.

Консерватизм как инвариант отечественной истории

Часто отмечаемой особенностью современной российской политической системы является «спутанность» ее политического спектра в сравнении с таковым в западных странах. Коммунисты, традиционно левая сила, куда чаще вы-

ступают у нас в качестве правых «охранителей», либерально-демократические силы – классические правые – как лагерь почти революционный, радикально-левый. Как неоднократно отмечалось, деление на левых и правых – вообще не очень адекватно для России. Причиной этому, естественно, является, наличие двух исторических периодов и двух «ядер» отечественной истории, каждое из которых в той или иной мере унаследовано современным российским государством. Это хорошо видно уже по современной государственной символике: сочетание имперского царского орла, народно-национального и в то же время белогвардейского триколора и узнаваемого во всем мире советского по происхождению гимна (в котором кому-то так и хочется подпеть «партия Ленина, мудрость народная» – или даже «партия Ленина, партия Сталина») – это сочетание суть сознательное решение по примирению эпох и основ, без которого вряд ли был бы возможен настоящий гражданский мир, слишком многое связано и с тем и с другим истоками, сливающимися свои воды в современном течении истории России. Истоки эти по определению разноприродны, а их приверженцы, стремящиеся вновь сделать то или иное начало единственным знаменем современной России, то и дело схватывались на протяжении последних десятилетий, обрекая силы национального духа на бесполезную растрату.

Однако, несмотря на очевидное несходство царского и советского периодов отечественной истории, не раз обращалось внимание на сознательное и бессознательное повторение многих аспектов государственного и национального строительства, дававшего основание подозревать обе страны в том, что они были вовсе не тем, чем казались. Не случайно славянофилы и почвенники находили противоестественными и неудачными попытки подражания Европе и усматривали в России особую цивилизационную сущность¹, а ранние евразийцы увидели в революции почти заслуженную историческую кару Российской империи за ее «европейничанье» и новый шанс на восстановление подлинной природы России не путем контрреволюционной интервенции, а через постепенное изживание коммунизма изнутри. Российские социалисты от Герцена до народников искали основания будущего строя в традиционной для России крестьянской общине. Историк и философ Ю.И. Семенов еще в советское время – вопреки официальной версии марксизма-ленинизма – считал советский строй «неополитаризмом», разновидностью той же общественно-экономической формации, что и, скажем, Древний Египет или Русь времен Иоанна Грозного [2].

Едва став частью общеевропейского исторического процесса (после безвременья Смуты), Россия почти сразу, по меткому выражению С.А. Маркова, позиционировала себя в качестве «консервативного фланга Европы». Советская власть, казалось бы, раз и навсегда покончила и с монархией, и с поддержкой господствующей религии, радикально избавившись от дворянского сословия и других «наследий» и «пережитков». Но, обращаясь к советской истории, сложно не заметить фактического «консервативного переворота», осуществленного Сталиным в 1940-х (вплоть до символического возвращения офицерских званий, начала элементов сотрудничества с Русской православной церковью, съемки «исторического» кино про царей и князей). Это был, конечно же, совсем другой консерватизм, не тождественный дореволюционному и даже не очень похожий на него, но он содержал в себе многие из прежних элементов: «госу-

¹ К.Н. Леонтьев и вовсе мечтал о том, «что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной» (Письмо К.А. Губастову от 17 августа 1889 г. // Константин Леонтьев. Избранные письма (1854–1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 473).

дарственничество», культ военной службы, охранение традиционных семейных и нравственных (бытовых) ценностей и общественной морали. Изнутри революционной утопии родилась и постепенно выросла новая «красная империя», с собственной консервативной традицией.

Оказавшись естественным врагом западного либерального мира, СССР противостоял ему не только политически. Советская культура *de facto* превратилась в главного антагониста нарождающегося общества массового потребления, авангарда и постмодернизма в искусстве, так называемой сексуальной революции и падения нравов, характерного для второй половины XX века. То есть, не считая первых лет послереволюционных экспериментов, встало на защиту, пусть иногда и комическую, традиционных ценностей, в том числе в области семьи и пола, нравственности и искусства.

Таким образом, в России фактически сложились даже не одна, а две консервативные традиции. Более того, при всех режимах и формах правления Россия так или иначе тяготела именно к консервативной позиции, которая была для нее органичной и естественной.

Привлекательность консерватизма в мире

В отличие от традиционных «двух сил», либерализма и социализма, самые различные формы которых имеют несомненные родовые признаки и сходства, претендующий на роль «третьей силы» консерватизм объединяет великое множество самых различных учений, зачастую согласных друг с другом только в самых общих формулировках. К консерватизму относят и умеренную литературную и общественную критику Н.Н. Страхова, и идеи «консервативной революции» Эрнста Юнгера, и американских «неоконов», и в какой-то мере идеологию иранской «исламской революции» – а также бесчисленные «либеральные консерватизмы», «социал-консерватизмы», «национал-консерватизмы» и т.п. По меткому слову Константина Леонтьева, «охранение у каждой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское». Объединяет же их прежде всего признание наличия фундаментальных ценностей и необходимости их защиты.

Консерватизм был и остается одной из влиятельных сил на современном Западе, в лице которого Россия способна обнаруживать достаточно неожиданных союзников своего консервативного поворота. Так, несмотря на то, что многие из консервативных политических мер, предпринятых российской властью за последние полтора года, вызвали предсказуемо негативную реакцию и ряд демаршей в странах Запада, – у многих там они встретили и симпатию. Например, неожиданная моральная поддержка в связи с ограничениями на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений была оказана российским законодателям американскими республиканцами – и была достаточно активной, чтобы создать панические настроения в рядах ЛГБТ-сообщества, выразившиеся в 2013 году в докладе “Globalizing Homophobia”¹.

Столь же однозначно и куда более очевидно совпадение принятых законов с этическими позициями православной, католической и (традиционалистской части) англиканской церквей, то есть, по сути, с общехристианской системой ценностей. Например, представители всех этих церквей так или иначе осудили акцию “Pussy Riot” и приветствовали многие из принятых законов с этической точки зрения. Правда, существуют основания полагать, что в Римско-католической церкви постепенно усиливаются конформистские тенденции в отношении новых ценностных реалий, а от намеченного на октябрь

¹ На сайте “Right Wing Watch”. URL: <http://www.rightwingwatch.org/category/topics/globalizing-homophobia>

2014 года внеочередного синода РКЦ, посвященного теме семьи, некоторые эксперты ожидают существенного «обмирщения» католической доктрины и революционного компромисса с доминирующими «новоевропейскими ценностями». Однако, что бы ни случилось в будущем, на текущий момент Ватикан и его этическая доктрина остаются, пожалуй, самым твердым бастионом традиционных европейских ценностей в стремительно меняющейся Европе.

Но главным союзником нового курса России в этом отношении стало само население (и даже гражданское общество) стран Запада, часто так же не принимающее переоценку ценностей, как и граждане России. Показательно в этом отношении активное неприятие легализации однополых браков французским обществом, основанное не только на религиозных представлениях, но и на светском возмущении ревизией основоположений Гражданского кодекса, идущих еще от Наполеона. Эта ревизия вызвала к жизни не только массовые гражданские протесты, появление и укрепление организаций, борющихся за сохранение традиционных семейных ценностей, но и всплеск симпатий к России. Не менее сильная оппозиция новым тенденциям существует и в США (примером чего могут служить деятельность Национальной организации поддержки брака и скандал вокруг нового фильма «Игра Эндера» по книге Орсона Скотта Карда, который ЛГБТ-сообщество призывает бойкотировать за консервативные взгляды писателя). Фактически, консервативная позиция нашей страны приобрела для нее сотни тысяч сторонников из числа «простых людей» на Западе.

Таким образом, в условиях культурного кризиса и решающего штурма последних бастионов традиционных ценностей их защитники становятся друзьями и симпатизантами России.

Апология консерватизма

В зависимости от того, в каком контексте и с какой интонацией звучит слово «консерватизм», в него могут вкладываться различные смыслы.

В негативном контексте речь часто идет о фундаментальном или косном консерватизме, который в качестве высших ценностей, подлежащих защите, рассматривает существующие или прежние формы. Поэтому его можно назвать также формальным консерватизмом, или традиционализмом. В современном мире это, например, консерватизм монархических групп и партий, сторонников восстановления сословных границ. Для современных фундаментальных консерваторов в России характерна идеализация ее дореволюционной истории и «старых порядков», понимание советского периода как своего рода «провала», не имеющего никакой ценности. Подобное настроение, естественное, например, для послереволюционной волны «белой» эмиграции, является сегодня анахронизмом и выглядит не намного привлекательнее идеи восстановления в России крепостного права или возвращения к рабству в США (в которых, впрочем, тоже существует круг поклонников Конфедерации).

Особенностью российского (и, в целом, постсоветского) политического поля является существование в нем не только «правых», имперских, но и «левых» консерваторов, точно так же идеализирующих уже советские порядки и «формы» государства и общества и жаждущих их восстановления. Именно к такому консерватизму может быть применено определение из Большой советской энциклопедии – «приверженность ко всему устаревшему, отжившему, косному; враждебность и противодействие прогрессу, всему новому, передовому в общественной жизни...».

Наряду с консерватизмом формальным и косным всегда существовал прогрессивный (содержательный) консерватизм. За многообразием привычных внешних форм, которые объективно подвержены трансформациям и необходимо сменяют одна другую, прогрессивный консерватизм видит их неизмен-

ное содержание, не зависящее от «духа времени». Именно защита содержания, а не его проявлений в конкретную эпоху, оказывается главной задачей. Прогрессивный консерватизм признает необходимость изменений политической и экономической системы, возможность разных подходов в этих вопросах, но призывает отличать их от фундаментальных принципов и основ, конституирующих данное общество или человечество как таковое. Афористически установку прогрессивного консерватизма можно передать словами из «Молитвы о спокойствии» Рейнольда Нибура: «Господи, дай мне терпение принять то, что я не в силах изменить, Дай мне силы изменить то, что возможно, И дай мне мудрость научиться отличать первое от второго».

Очень точно охарактеризовал суть прогрессивного консерватизма Н.А. Бердяев: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала». Ему «вторил» главный редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков: «Чуткий, понимающий себя консерватизм, не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-либо существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным». И еще: «Консерватизм есть живая, великая сила, когда он чувствуется в глубоких корнях жизни, а не в поверхностных явлениях, когда он относится к существованию зиждительных начал человеческой жизни, а не к формам, в которых они являются. Формы дороги для него только в той мере, в какой еще чувствуется в них жизненное присутствие начала; они дороги для него, пока с ними тесно связано существование живущего в них начала».

В истории России, наряду с косным формальным консерватизмом отдельных групп, вызванных обычно резкими историческими переломами, наряду с эгоистическим консерватизмом, защищающим исторические интересы отдельных сословий и классов, а также консерватизмом официальным, представленным «теорией официальной народности», – всегда существовала интеллектуальная традиция консерватизма творческого. В самом широком смысле к ней можно отнести и славянофильство, и почвенничество, и классическое евразийство, и образовательную систему Д.А. Толстого, и реформаторскую деятельность П.А. Столыпина. И если славянофилов можно рассматривать как представителей либерального консерватизма, то образ мысли Герцена – это своего рода консервативный социализм. В русле этой интеллектуальной традиции творил не только Бердяев, но и Пушкин, и Достоевский. Образ русской культуры как созданной либеральной интеллигенцией, находившейся под тяжелым прессом царской цензуры, а после – советской идеологии, мягко говоря, не выдерживает никакой критики. Лучшие плоды русской и советской культуры вполне органично произрастали на русской почве. И даже если их творцы в каком-то периоде своей деятельности (как правило, по молодости) сильно увлекались левыми или либеральными идеями, к зрелости они, как правило, приходили достаточно консервативно настроенными.

Консервативное видение фундаментальных ценностей

Если мягкая сила США опирается на идеологию ничем не ограниченных прав человека, максимальное распространение связанных с которыми институтов является движущей силой, задачей, оправданием и, вместе с тем, ресур-

сом внешней политики США, то основой мягкой силы России могла бы стать защита (прежде всего) и распространение (мягко и опосредованно) традиционных ценностей.

В основе классической российской и в целом европейской культуры лежит признание традиционных идентичностей и различий между ними. Прогрессивный консерватизм предполагает признание непреходящего значения этих различий и институтов, необходимость их поддержки и сохранения вопреки современным альтернативным подходам. Основными европейскими ценностями константами являются:

– *различия мужчины и женщины*, их социальных ролей, особенности взаимных отношений (не предполагающие качественного или юридического неравенства); здесь консерватизм противостоит феминизму, настаивающему на «одинаковости» мужчины и женщины, порочности всех исторически существовавших различий (якобы искусственно созданных в рамках угнетения женщин мужчинами) и необходимости их упразднения;

– *традиционный институт моногамной семьи*, которому противостоят современные тенденции распространения «фактических» браков, легализация так называемых однополых браков, признание гомосексуализма вариантом нормы половых отношений и т.п.;

– *традиционные религиозные ценности* – в противовес секулярному сознанию; европейский образ мысли, этика, философия, наука, искусство и даже социальные институты формировались под постоянным влиянием христианской религии, которая пронизывала все сферы общественной жизни;

– *традиционная мораль*, исторически произошедшая от христианской морали, но в большинстве случаев разделяемая и людьми, исповедующими другие религии или религиозно индифферентными; для традиционной морали характерны простые, однозначные ответы на вопросы биоэтики и сексуальной революции;

– *национальная идентичность, история и культурная традиция*;

– *государство* как необходимый институт – не только «ночной сторож» экономики, но политическое выражение единства нации и культуры;

– *патриотизм как образ мысли*.

В современных западных странах наблюдается постепенный отказ от всех этих постулатов в пользу новых понятий, стоящих выше в новой иерархии ценностей, – прав человека, мультикультурализма и транснациональных структур и институтов.

Несмотря на признание значения национального начала и национальной культуры, а также оправдание патриотизма, консерватизм не тождествен шовинизму, национализму или любой другой идеологии превосходства. Напротив, в силу своего исторического реализма консерватизм а priori склонен допускать существование иных вариантов, но не может признать их равноценными для оберегаемой им культуры.

Задачи консерватизма как фактора мягкой силы России в XXI веке

Перед консерватизмом как фактором мягкой силы России могут быть поставлены четыре основные задачи.

Первая, легитимистская. Консолидировать общественное мнение вокруг темы защиты и сохранения основ общественного, культурного устройства – и тем самым легитимизировать проводимую внешнюю и внутреннюю политику. Единодушно поддерживаемые большинством граждан политические акты, как это имело место, например, в ситуации с возвращением в состав России Крыма, почти не встречают сопротивления, вызывают патриотический подъем. В условиях, когда, в соответствии не только с Конституцией, но и с общепризнанными

основоположениями современного мироустройства, единственным источником всякой власти является воля народа – всеобщая поддержка внутри страны является необходимым фундаментом внешней политики великой державы.

Вторая, оборонительная. Опыт «оранжевых революций», «арабской весны» и события на Украине продемонстрировали применение политических технологий, направленных на разрушение политической системы других государств изнутри при помощи мягкой силы. Страна, не имеющая своей мягкой силы, своего позитивного образа, своей сети НКО, продвигающих ее общественные идеалы не только вовне, но и внутри страны, – почти безоружна перед чужим влиянием. Мягкая сила информационного агрессора подразумевает слабость объекта воздействия, его неспособность к сопротивлению, которое может оказываться только мягкой силой. Перефразировав известное изречение, можно сказать: страна, которая не хочет или не может нести в мир и защищать свои идеи и ценности, будет вынуждена принудительно принять чужие.

Первая и вторая задачи уже достаточно успешно решаются в России в рамках «консервативного поворота».

Третья, завоевание народных симпатий за рубежом. Важнейшей задачей мягкой силы на международной арене является формирование позитивного образа страны и проводимой ею политики у населения других государств. В современном демократическом мире никто не хочет бороться с тем, кому симпатизирует его собственное население. Если Россия сможет обеспечить себе место безоговорочного лидера мирового консерватизма и мирового центра консервативного общественного мнения (и даже стать центром своего рода консервативного интернационала) – политики всех стран мира, опирающиеся на консервативно настроенный электорат, будут ограничены в возможностях противодействия ее внешней политике и, напротив, мотивированы к сотрудничеству с Россией.

Четвертая, завоевание симпатий элит. Помимо населения, симпатии которого могут привлекаться и громкими заявлениями, и разъяснением и популяризацией политических решений, и даже простым продвижением отечественного искусства и культуры, мягкая сила стран призвана убедить (не только сделать выгодным вслух согласиться, а действительно убедить) элиты других стран. Это может осуществляться посредством образовательных программ и обучения иностранных студентов, организации значимых научных проектов, прежде всего в гуманитарных науках, а также создания и поддержки сети некоммерческих организаций, объединяющих сторонников тех же ценностей, готовых прилагать усилия к их распространению.

По словам Дж. Ная, «идеалы и ценности, „экспортируемые“ Америкой в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны, или в сознание азиатских предпринимателей, которые возвращаются домой после стажировки или работы в Силиконовой долине, направлены на то, чтобы „добраться“ до властных элит»; в итоге это «позволяет сформировать определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценностные ориентации самого принимающего государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

В отличие от идей либерализма, консервативные ценности, взятые сами по себе, куда практичнее и удобнее для мировых элит – что делает их потенциально более привлекательными. В некотором смысле, элита любой страны, пребывающая у вершин сколь бы то ни было продолжительное время, по определению консервативна – и потенциально восприимчива к распространению соответствующих идей.

Таким образом, консерватизм является единственным мировоззрением, которое может быть положено в основу мягкой силы России на международной арене – и едва ли не единственным ответом в наших вековечных поисках «национальной идеи» – ответом, к которому мы не раз уже приходили. Консервативный поворот уже состоялся. Следующий шаг – сделать его последовательно проводимым в жизнь образом России и фундаментом ее мягкой силы.

Но нельзя забывать, что мягкая сила при отсутствии жесткой – фантом, мираж. Только при наличии мощной армии и развитой экономики страна способна продвигать свое влияние на международной арене.

Литература

1. *Най Дж.* Гибкая сила: Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
2. *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. 401 с.
3. *Философия: Энциклопедический словарь/ Под ред. А.А. Ивина.* М.: Гардарики, 2004.
4. *Mansfield, Harvey C.* The Future of Conservatism: An Argument for a Constitutional Conservatism. URL: <http://www.heritage.org/research/lecture/the-future-of-conservatism-an-argument-for-a-constitutional-conservatism>
5. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

М.М. Федорова. Коль скоро наша секция посвящена пониманию консерватизма как категории, у меня возникли такие размышления по поводу доклада Олега Константиновича [Авдеева. – *Ред.*] о роли и характере консерватизма. Сегодня неоднократно звучало, что консерватизм – это реактивная идеология. Скажите, пожалуйста, если бы консерватизм был только реактивной идеологией, ну, или категорией, мировоззрением, каким образом он смог бы на протяжении как минимум двух столетий удерживать свою притягательность, свою силу, свою значимость?

По моему глубокому убеждению, консерватизм не был реактивной идеологией, консерватизм обладал собственной значимостью, собственной консистенцией, если можно так сказать, и Великая французская революция (которую здесь называли как некий рубеж, после которого консерватизм набирает силу) являлась только катализатором для развития тех идей, которые вызревали достаточно долго и достаточно плодотворно в рамках того, что можно назвать Просвещением, то есть мировоззрением XVIII века. Консерватизм был иным ответом на те вызовы, которые были сформулированы, вызрели в недрах западноевропейского общества в ходе тех изменений, которые произошли на исторической арене в XVII и XVIII веках наряду с либеральной идеологией. Это был иной ответ, он не был реакцией. Конечно, события французской революции активизировали определенные силы, которые взяли эти идеи на вооружение. Если бы консерватизм был только реактивной идеологией, он не обладал бы самостоятельным набором идей. Очень часто говорят: да что там какой-то консерватизм, консерватизм – это реакция, это реакция на либерализм, отрицание рынка, это иерархия и так далее. На мой взгляд, две главные идеи, две базовые консервативные ценности – это, во-первых, идея богатства человеческой природы во всем ее многообразии, в отличие, скажем, от идеи абстрактного индивида, абстрактного индивидуализма, которая сформулирована в рамках идеологии Просвещения. Две совершенно разные базовые идеи, каждая из которых имела свои положительные и отрицательные стороны. Принцип абстрактного индивидуализма позволил

сформулировать идею прав человека, в рамках которой мы все сегодня живем и отрицать значение которой совершенно бессмысленно, идею свободы человека. А консерватизм выдвинул идею уникальности человеческого бытия, уникальности индивидуального человеческого опыта и идею истории, в которую это человеческое бытие погружено, идею уникальности исторического опыта. Могу сослаться на немецкое Просвещение, Гербера, Мезера.

Эти две базовые идеи впоследствии получили определенную идеологическую обработку. И вместе с тем это идеи, которые составляют ценность консерватизма. Отсюда то, о чем я не договорила в связи с выступлением Алексея Павловича [Козырева. – *Ред.*], – идея человеческой свободы, как она была сформулирована в рамках консерватизма. И здесь – антиномия свободы и порядка, типичная для консервативных конструкций XIX века. Вновь подчеркну: я категорически против, чтобы консерватизм называли реактивной идеологией.

В.А. Никонов. Позволю себе несколько замечаний. У нас привычный взгляд на мир и на международные отношения – это взгляд через призму Россия – Запад. Но возможен и совершенно иной ракурс. На Востоке все то, что вы сказали, выглядит гораздо более выпукло. Там эти идеи не называют консервативными, эти идеи традиционализма в традиционных обществах представлены гораздо сильнее, чем на Западе. Особенно интересные события сейчас происходят в Индии, где будущий глава правительства находится в санкционном списке США. Индусы за последний год сделали две такие вещи: во-первых, они под вопли мировой общественности восстановили действие британского закона 1868 года о том, что гомосексуализм – это уголовное преступление; во-вторых, запретили у себя деятельность иностранных агентов, просто запретили. Никаких НПО, финансируемых из-за рубежа. Впрочем, с «Русским миром» все в порядке. Так что там идеи консерватизма воспринимаются хорошо. Резонируют в иудаизме, и в исламе, и в буддизме, и в католицизме. В Латинской Америке тоже резонанс очень хороший, там тоже очень

консервативное общество. Если вы посмотрите на один из основных инструментов нашей мягкой силы – телеканал “Russia Today”, – он имеет оглушительный успех и в арабском мире, и у испаноязычной аудитории. Там совершенно фантастические рейтинги. В этих регионах иное восприятие Советского Союза. Во многие места приезжаешь, и там тебя спрашивают, а где же вы, где вы сейчас? Мы привыкли, что вы есть. Это можно услышать и в Египте, и в Иордании, где угодно. Там Советский Союз не воспринимался как империя зла. Во многих странах крушение СССР было воспринято как геополитическая катастрофа, потому что исчез противовес. Конечно, американцы являются мощнейшей страной, с мощнейшими инструментами мягкой силы. Но одновременно мало какая страна имеет столь мощный негативный имидж и воспринимается как главная угроза миру. Так что возможность создания альянса ценностей очевидна. Прежде всего на базе стихийного антиамериканизма, который зачастую прикрывается формулой многополярности, многополярного мира. Все устали от однополярного доминирования американцев. Кроме того, объединяющим

фактором является примат международного права, которое Запад постоянно попирает. Это тоже консервативная идея. Еще одним фактором является насаждаемые из США разнообразные «революции». И, наконец, помощь развитию.

В США идея консерватизма особенно резонирует в так называемых красных штатах. Нередко американские журналисты, беря интервью, задают вопрос: а вы не боитесь, что Путин стал уже совсем как республиканец. Для большинства американских СМИ «республиканец» – это ругательство. И Крым многих напугал, хотя это не вполне консервативная акция. Но, с другой стороны, почему европейские правые это проглотили? Потому что это высшее выражение идей национализма, национальных интересов, исторической справедливости. Объединение нации – это консервативная идея.

Н.В. Злобин. У глобального консерватизма есть запрос на лидера, и Россия к этому подготовлена.

В.А. Никонов. Может быть. Этого исключать нельзя. Запрос на что-то такое существует.

Современный консерватизм: параметры трансформации

Часть I. Б.В. Межуев

В основе наших трех выступлений – исследование, которое мы проводили в рамках группы “Terra America”, представляемой нами здесь.

Речь идет о том консерватизме, который сейчас возникает, и о том, с которым Россия могла бы взаимодействовать. И хотя нам представляется, что все без исключения консерваторы в мире нас любят, это не так. Есть консерваторы, которые нас совсем не любят. Различению консерваторов, которые готовы нас полюбить, с теми, кто не готов, и посвящено наше исследование.

Прежде чем обсуждать тенденции эволюции современного консерватизма, следует вначале договориться об определении этого понятия. По мнению одного из наиболее влиятельных исследователей феномена «консервативного мышления» немецкого социолога Карла Мангейма, консерватизм, или как он предпочитал говорить, «консервативное мышление», возникает в эпоху, наступившую после господства идеологии Просвещения, приведшей к Французской революции XVIII века. «Консервативное мышление», по Мангейму, представляет собой прямую антитезу просветительскому рационализму – господству разума консервативное сознание противопоставляет веру в традицию и предвзвешенность.

В работе «Консервативная мысль» (1953) Мангейм подверг анализу феномен немецкого консерватизма начала XIX века, возникшего как реакция на Французскую революцию. «Если рассуждать *a priori*, – писал Мангейм, – на тему, какая группа делает акцент на жизни, а какая строит теории, опираясь на абстрактные неизменные понятия, то следовало бы сказать, что на жизнь упор делают прогрессисты, а консерваторы полагаются на жесткие нормы и абстракции. Однако беглый взгляд на исторические события убеждает нас, что в действительности было как раз наоборот. Причина этого заключается, очевидно, в том, что революционная мысль буржуазии возникала в союзе с рационализмом. А потому реакция приняла противоположную идеологию, как для оппозиции, так и для более значительных целей. Революционная мысль черпает силы в желании реализовать точно определенный образец совершенства политического и общественного порядка. Консервативная мысль, противостоящая реализации этой утопии, должна непременно задуматься над тем, почему современное состояние общества не соответствует этому рациональному образцу».

В русской философии XIX–XX века постепенно вызревает принципиально иное истолкование консерватизма, в котором это идеологическое направление воспринимается как противостоящее не столько рациональности и разуму – ценностно ориентированному или технически-инструментальному, сколько регрессу и хаосу. Любопытно, что это понимание «консервативной мысли» не было связано с каким-либо определенным политическим лагерем: оно отличало откровенного реакционера Константина Леонтьева с его страхом перед эн-

тропией всеобщего уравнивания, религиозного либерала Владимира Соловьева, видевшего цель государства в том, чтобы общество не стало адом, и левого христианского мыслителя Николая Бердяева, доказывавшего в «Философии неравенства», что консерватизм «препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию».

В России, как отчасти и в Германии в конце XIX века, такое переосмысление консерватизма оказалось возможным в силу известного кризиса рационалистической философии, утраты веры в разумность исторического процесса и распространения пессимистических настроений в духе Шопенгауэра и «философии жизни», согласно которой наиболее фундаментальной силой, господствующей как в природном, так и социальном бытии, является иррациональная воля.

Однако воскрешение нового рационалистического историзма в виде различных версий социализма и социал-прогрессизма вновь сделало актуальным представление о консерватизме именно как об антирационалистической, антипрогрессистской силе, критически воспринимающей наиболее фундаментальные тенденции современного мира, в числе которых в первую очередь нужно указать вмешательство государства в сферу экономики, утверждение социального государства и достижение гендерного и этно-расового равенства. Поскольку социальная и классовая природа этих двух консерватизмов – антиреволюционного и антибуржуазного конца XVIII – начала XIX века и антисоциалистического середины XX века – были не вполне одинаковы, складывалось логическое предположение, что данная идеология в отличие от либерализма и социализма не обладает постоянным ценностным ядром, консервативной интеллектуальной традиции не существует, а политическая направленность консерватизма зависит от ситуации. Так возникло ситуационное понимание консерватизма, которое разработал политолог Сэмюэль Хантингтон¹.

Британский опыт политического консерватизма работал как раз на эту трактовку. Если в XIX веке консервативная партия Великобритании выступала за промышленный тариф и протекционизм, то в XX столетии под руководством Маргарет Тэтчер та же партия стала выразительницей идеи свободной торговли. Консервативным в этом консерватизме было только то, что его сторонники негативно относились к модным экономическим и политическим воззрениям.

Тем не менее, с нашей точки зрения, у консерватизма существует особое ценностное содержание, которое можно выделить аналитически, которое сохраняло свою инвариантность при всех предшествующих трансформациях консервативной идеологии на Западе и которое, возможно, сейчас претерпевает радикальные изменения.

При попытке концептуализации консерватизма сразу возникает целый ряд существенных проблем. Хотя формально в современной общественно-идеологической ситуации консерваторам, как правило, противостоят либералы, в действительности консерватизм и либерализм – как идеологические комплексы, а не как наименования конкретных партий или течений – не являются непосредственными идеологическими соперниками. Консерваторы вообще никогда, даже в момент своего исторического возникновения после Француз-

¹ По мнению С. Хантингтона, «обнаружения консерватизма представляют собой просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу статично. Его проявления исторически изолированы и дискретны. Как ни парадоксально, консерватизм, будучи защитником традиции, сам существует без традиции. Консерватизм – этот призыв к истории, сам без истории» [2, р. 469]. Сходно с ним и британский политический философ Майкл Оукшотт в статье «Что значит быть консерватором» (1956) утверждал, что в основе консерватизма лежит психологическая предрасположенность к признанию преимущества настоящего перед любым неопределенным, хотя, возможно, и привлекательным будущим [см.: 1, с. 65–90].

ской революции XVIII века, не выступали против «свободы», причем почти в любом ее понимании.

Соотнесение либерализма со «свободой» тоже весьма относительно, учитывая как разноречивое понимание этого понятия, так и многообразие версий либерализма в истории общественной мысли – этим термином часто называются противоположные друг другу политические течения. Но главное не в этом, а в том, что ценностное ядро консерватизма никогда не было нацелено против «свободы», в том числе свободы индивидуальной и частной. Радикальный государственный этатизм гоббсовского толка никогда не обозначал себя термином «консерватизм». С другой стороны, история общественной мысли знает немало примеров возникновения различных «либерально-консервативных» синтезов – от Берка до Петра Струве.

Исторически консерватизм был ориентирован не против либерализма, но против «прогрессизма», прежде всего в его радикально-революционной версии. Консерваторы выступали не столько в защиту статус-кво, сколько против культа будущего в социальном мировоззрении и прежде всего того будущего, которое представлялось, с точки зрения учета основных тенденций современности наиболее вероятным. Для консерватора оптимальное будущее никогда не являлось будущим наиболее вероятным. Отсюда некоторая жесткость консерватора в плане защиты общественных установлений, препятствующих движению в то самое наиболее вероятное будущее, которое представляется консерватору далеко не идеальным.

Что не устраивает консерваторов в прогрессизме и том будущем, которое оно с собой несет? Не устраивают консерваторов, как правило, две вещи – то, что прогресс ориентирован на социальное равенство, на политическое равноправие и полное устранение всех возможных общественных иерархий, включая преимущества тех или иных этнических, гендерных, сексуальных групп, а также то, что прогресс неразрывно связан с окончательным разрывом общества с религиозной традицией.

Ценностное ядро консерватизма двухсоставно – консерваторами называют тех, кто выступает против тотальности равенства и тех, кто выступает против тотальности секуляризации. Все остальные характеристики и черты, присущие определенным историческим разновидностям консерватизма, производны от этих двух черт – от признания ценности той или иной иерархии, иерархии как таковой, и от признания значимости той или иной религиозной традиции, или опять же – традиции как таковой. Скажем, защита экономической свободы консервативными либертарианцами в США производна от идеи защиты экономического, а в подтексте также и этнического неравенства как некоего природного факта, который пытается нивелировать индоктринированное либеральными идеями современное государство.

Точно так же отрицание просветительского рационализма было мотивировано, в частности, сохраняющимся до середины XX века стремлением элит бороться за те или иные цензовые ограничения в плане избирательного права. Неприятие абстрактного рационализма во многом вытекало и служило основанием для критики равноправия абстрактных, отвлеченных от своей социально-культурной конкретности, индивидов и примата абстрактного большинства. Отсюда вытекает протест против «великого общества» Линдона Джонсона, сопротивление либеральным прогрессистским настроениям, идущим от «нового курса» Рузвельта. А борьба с дарвиновским учением, а также легализацией однополых браков вытекает из необходимости защиты религиозной традиции или, во всяком случае, из примата борьбы с тотальностью секуляризации.

Проблема, однако, заключается в том, в какой степени идейное ядро консерватизма можно считать внутренне не противоречивым – проще говоря, в ка-

кой мере борьба за иерархию логически обуславливает борьбу за религиозные основы общества и наоборот. Можно предположить, что в современном мире возникает все больший зазор между этими двумя хотя и связанными исторически, но тем не менее не имеющими строго логической связки ценностными основаниями консерватизма.

Отчасти этот зазор связан с возникновением новых видов иерархий. Тех, которые по сути своей не вполне совместимы с приматом религиозной традиции. Например, иерархии государств, на вершине которой находятся Соединенные Штаты. Обоснование этой иерархии часто обнаруживается не только в том, что США – лидер демократического мира, но и в том, что в США религия отделена от государства и ни одна конфессия не пользуется здесь государственными привилегиями. Весь смысл неоконсерватизма, собственно, и заключается в необходимости идеологической защиты именно этой международной иерархической пирамиды.

Несомненно также, что процесс секуляризации обеспечивает определенные преимущества – в том числе культурные, социальные и экономические – меньшинствам, для которых сохранение в обществе пережитков религиозной традиции являлось основанием их дискриминации. Такими меньшинствами могут считаться люди нетрадиционных сексуальных ориентаций, активисты гендерного равноправия, а также этно-религиозные меньшинства.

Признание и ценностное утверждение этих новых секуляризованных или, точнее, пост-религиозных иерархий опять же выдвигает запрос на обновленное консервативное самосознание, уже явно не находящееся в связке с религиозным традиционализмом.

Наконец, возникает и обратная реакция – бунт против новых иерархий логически сближает сторонников равенства – то есть левых – и так называемых социальных консерваторов. В Америке разговор о таком лево-правом альянсе против «новых элит» и «новых иерархий» идет постоянно, именно это является предметом диалога традиционных левых типа социального активиста Ральфа Нейдера и традиционных правых типа публициста Патрика Бьюкенена¹.

Некоторую устойчивую почву этот процесс лево-правого сближения может обнаружить в своего рода промежуточном идеологическом течении, позволяющем снять крайности левого и право-консервативного подходов, а именно – либертарианстве. Можно предположить, что популярный лидер, предположительно республиканец, представляющий либертарианское движение, но не занимающий в нем крайне правые позиции, сможет взять голоса той части электората Демократической партии, которая разочарована в левом прогрессизме после неудачного президентства Барака Обамы.

Это лево-правое сближение происходит в настоящее время очень непросто, но тем не менее оно оказывается вполне реальным, и нужно подчеркнуть, что консервативный месседж Владимира Путина, отразившийся в его речи в Валдайском клубе, находит свой отклик преимущественно в тех средах, которые в наибольшей степени открыты для диалога и сближения левых и социальных консерваторов.

Здесь можно вспомнить весь круг интернет-издания «Counterpunch», занимающего по всем вопросам более чем пророссийскую политику: на этом сайте был ведущим колумнистом бывший заместитель министра финансов в администрации Рейгана Пол Крейг Робертс. Стоит вспомнить и журнал «Американский консерватор», ведущий редактор которого Род Дрейер – публицист православного вероисповедания, сочетающий приверженность христианскому

¹ Ralph Nader: Conservatively Speaking // The American Conservative. June 21, 2004. URL: <http://www.theamericanconservative.com/articles/ralph-nader-conservatively-speaking>

традиционализму и озабоченность экологическими проблемами. Именно Род Дрейер вслед за Патриком Бьюкененом назвал Путина лидером христианского консерватизма во всем мире и сказал, что «христиане на Ближнем Востоке имеют большего друга во Владимире Путине, чем в Бараке Обаме и Джордже Буше»¹. К левым консерваторам того же толка стоит отнести и лидера Национального фронта Марин Ле Пен во Франции², о которой левый экономист Жак Сапир с явной симпатией говорил как о фактически главной защитнице социальных интересов большинства в сегодняшней Франции. И так, во всех тех общественных средостениях, где левая идея смыкается с традиционалистской, там Россия пользуется наибольшей поддержкой.

И любопытно, что от России отворачиваются, по понятным причинам, как антитрадиционалистски настроенные левые, для которых наша страна остается оплотом мракобесия и олигархического капитализма, так и твердые в своей правизне социальные консерваторы, например, правые католические публицисты типа Джорджа Вайгеля или Билла Беннета, видящие в России полноправную наследницу атеистического Советского Союза или же уклонившейся от правильного религиозного пути Византии.

В тех же средах, где левые и консерваторы могут соприкоснуться и где они приходят к взаимопониманию, мгновенно возникает сочувствие к России как силе одновременно и консервативной, и в определенной степени революционной по отношению к существующему миропорядку.

Между тем, надежды на то, что консервативная идеология Путина найдет множество сторонников на Западе, могут быть чрезмерными в силу того, что в США блестяще работает идеологическая полиция, которая зорко подмечает все имеющиеся в общественном мнении высказывания в пользу российского президента и очень жестко блокирует распространение симпатий к России и ее лидеру. После валдайской речи немедленно были поименованы во множестве статей и подвергнуты жесткой критике все те консерваторы, кто позитивно откликнулся на обращение Путина к христианским традициям Европы, включая вышеупомянутых Бьюкенена и Дрейера, а также лидера Американской семейной ассоциации Брайана Фишера, назвавшего Путина «львом христианства»³. Тем не менее сам факт этой идеологической кампании, нацеленной на подавление путинизма среди консерваторов Америки, свидетельствует о том, что опасения относительно скрытых симпатий традиционалистского большинства к Путину имеют под собой некоторые основания.

¹ Putin The Paleo? // The American Conservative. December 18, 2013; URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/putin-the-paleo/>

² Сапир Ж. Националисты приобретают респектабельность // Известия. 2013. 16 октября. URL: <http://izvestia.ru/news/558781>

³ Fischer Praises Putin, Calls Him A 'Lion of Christianity' // Right Wing Watch. October 10, 2013. URL: <http://www.Rightwingwatch.org/content/fischer-praises-putin-calls-him-lion-christianity>

Литература

1. Оукшотт М. Рационализм в политике. М.: Идея-пресс, 2002.

2. Huntington S. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. № 51.

М.М. Федорова. Вопросы, соображения, ремарки.

О.К. Авдеев. Борис Вадимович, как вы считаете, деление консерватизма на левый и правый имеет методическое значение или ситуативное?

Б.В. Межуев. Некий пас организаторам. В этом смысле хорош образ Бердяева. Он является важной и репрезентативной фигурой, потому что, хотя и очень противоречиво, сочетал в себе эти две составляющие. Несомненно левый, особенно в поздний период, и несомненно консервативный, если понимать под этим христианский традиционализм в широком смысле. Бердяев, вынужденно оказавшись в эмиграции в Германии, обнаружил интересную вещь: почти вся германская философия начинает отходить от христианства. В 1920-х годах это практически приобретает характер идеологического события (Мартин Хайдеггер, Макс Шеллер, Макс Вебер, Людвиг Клагес, Николай Гартман). Хайдеггер видел большой плюс в том, что представления о Боге и Бытии расходятся в разные стороны. Бердяев, как и Франк, увидел в этом знак беды. «О назначении человека» Бердяева – в значительной степени работа, этому посвященная, причинами, почему западная, немецкая философия, которая вроде бы уже преодолела в очередной раз все свои кризисные явления эпохи неокантианства, вновь отходит от христианской традиции. Предчувствие постхристианства – это самая интересная черта русской философии. Ваш вопрос немного о другом, я понимаю. Может ли быть соединение «левого» и «правого».

О.К. Авдеев. Сейчас некоторая ситуация сложилась в рамках партии Марин Ле Пен...

Б.В. Межуев. Я думаю, это некий тренд, связанный с двумя вещами. Во-первых, возникла мировая иерархия государств, и наверху ее находится пионер секуляризации, Соединенные Штаты. Во-вторых, в результате этой секуляризации внутри в первую очередь Европы и Евросоюза наверх выходят

представители тех меньшинств, которые считают себе дискриминированными в результате сохранения остатков религиозной традиции современной Европы. Эти два фактора обуславливают парадоксальное схождение левых и традиционалистов, что полезно для российской внешней политики.

В.А. Никонов. Хотел бы обратить внимание на три момента. Первый – это противопоставление либералов и консерваторов. Второе – это чистый консерватизм и консерватизм, смешанный с левым. Консерватизм и либерализм – это действительно традиционное противопоставление, но в реальной жизни, в реальной политике на Западе среди правящих партий нет либеральных. Единственный либерал, который правит на Западе, это Барак Обама. В Европе нет ни одной либеральной партии у власти: там либо консерваторы, либо социалисты. Европейский либерализм как бы растворился, теперь дихотомия другая: консерватизм – социализм, христианская демократия – социализм. Идея либерализма в Европы политически мертва. Еще имеет место слияние прогрессизма с либерализмом, что еще более усиливает названную политическую дихотомию.

По поводу «чистых консерваторов»: это тоже очень редкая порода, а за пределами Запада их в принципе нет. Это западный феномен. Со стороны чистого консерватизма путинская консервативная модель не встречает поддержки. В Европе в чистом виде – это Европейская народная партия, самая большая партия в Европарламенте, и сейчас она выигрывает парламентские выборы. Идеологическая близость очевидна, но понимания нет. Героями постсоветского пространства для Европейской народной партии являются Тимошенко и Саакашвили. А там, где правые сходятся с левыми, у нас, действительно, хорошие шансы, хорошее понимание. Часто так происходит в странах с левым правительством и сильными католическими традициями (Венесуэла, Бразилия, Никарагуа – это те страны, где нас хорошо понимают, сочетание левой традиции с традиционными ценностями).

М.М. Федорова. Вы говорите о возобладании союза консервативного и левого в Америке, в других западных странах. Это страны, которые прошли путь модернизации, прошли развитие идеи правового общества и правового государства. В них понятен синтез правого и левого и выход на левоконсервативный синтез. К чему может привести этот синтез нашу страну, у которой не было опыта в строительстве правового государства? Россия живет вне правового поля. У нас нет такого правового поля, которое существует на Западе. Как в этих условиях этот синтез будет работать и к чему он может привести?

Б.В. Межуев. Нужно сделать уточнение. Во-первых, я не говорил о синтезе, речь идет о сближении. Синтез – это некая далекая цель. Пока речь идет о сближении различных дискурсов. Сам факт этого сближения, безусловно, неслучаен. Что происходит в России? Необходимо разобраться с тем, что есть консерватизм, в чем он должен заключаться и какие традиционные ценности являются в полном смысле слова традиционными. Разумеется, не все те ценности, которые существовали в российской истории, являются в точном смысле слова той национальной традицией, которая должна сохраняться. Здесь невозможно говорить о таком сближении абстрактно. Разумеется, у нас это будет иметь свой определенный звук.

Что очевидно? Возникает некое общественное осознание факта нетождественности Западной Европе в ее нынешнем постсовременном облике – тому, что называется восстанием меньшинств. Это воспринимается, что здесь есть раскол. Если сейчас России, условно говоря, попытаться трансформировать европейский стандарт – в результате будет огромный всплеск недовольства. Кроме того, становится понятным, что необходимо как-то переосмыслить роль религии в обществе. Запись в Конституции, что у нас светское государство, это ровно такое большевистское наследие, как и целый ряд других установлений. Никакого референдума по этому поводу не было (если не считать референдума по Конституции

декабря 1993 года). Эта позиция никак не осмысливается философски: что такое светское государство и что такое отход от светского государства. Насколько в обществе существуют традиционные установления, и в какой мере оно может его определять? Например, в России никогда не было дискуссии об абортах – что, может быть, и хорошо. Если сейчас начать это проблематизировать, то неизвестно, к чему оно приведет. В Америке это главная тема общественной дискуссии. И все-таки отсутствие в России дискуссии по этому поводу это плохо. Потому что это проблема ценности человеческой жизни. Эта проблема в таком конкретном вопросе должна быть как-то философски осмыслена. Фигура умолчания вокруг данной проблемы – это следствие нашего варварства и невежества, а не продвинутого в области постсовременности. Конечно, консерватизм в России будет сочетаться с пониманием того, что есть современность. Между стремящейся к современности Россией (а она все равно будет к ней стремиться по причине «возрастной категории»; современность – это взрослое состояние общества, которое не терпит патриархального контроля), но при понимании того, что существует серьезное общественное сопротивление движению в эту постсовременную историю.

М.М. Федорова. А что касается политической модели? Я не говорю о классическом консерватизме XVIII – конца XIX века. А современная политическая модель? Не может ли внедрение этих консервативных тенденций, традиционных ценностей, идей десекуляризации и т.д., которые лягут на общество, не прошедшее период модернизации, привести к авторитарным тенденциям совершенно иного плана, чем те, которые были в нашей истории?

Н.В. Злобин. У меня сложилось такое впечатление, что для продвижения консервативных ценностей необходимо в значительной степени отказаться от ценностей традиционных.

Б.В. Межуев. Наши авторитарные тенденции пошли не от консерватизма, они, как известно, пошли от либерализма. Авторитарная Конституция принята в 1993 году под влиянием ультралиберальных идей и стремления быстро модернизировать страну, невзирая на консервативную историю. Идеальным вариантом развития нашего политического социума было бы пробуждение обратной реакции, когда консерватизм при сопротивлении либеральному модернизирующему авторитаризму пробуждает и опирается на демократические силы. Соединение консерватизма и демократичности, собственно, создавало везде феномен устойчивой демократии. Во Франции Третья республика возникла после того, как роялисты решили проблему власти в ситуации раскола среди самих роялистов. Пока консерватизм в России не сошелся с идеей демократии (в этом смысле левоконсервативный синтез является важным фактором), пока консерватизм не нашел для себя демократическую форму – это будет причиной многих проблем. Но все-таки первопричиной авторитарного разворота в России является никак не связанная с консерватизмом идея (начиная с Петра Великого) авторитарным путем выбросить Россию из отсталости. Генезис авторитаризма всегда такой – начиная с Ивана Грозного и кончая Ельциным.

Н.В. Злобин. Получается, чтобы это соединение произошло, надо отказаться от архаического устройства политической системы, традиционной для России.

Б.В. Межуев. Возможно, надо отказаться. Проблема заключается в том, что отказаться от нее – не означает сесть и проголосовать за это. Чем мы должны были заниматься четыре года медведевской модернизации и чем занимались в реалии? В эти годы у власти находился ее либеральный сегмент, меньше всего говорили о смене политической модели, вообще об этом не говорили. Когда же об этом говорили мы – небольшая группа сидящих здесь коллег, – на нас смотрели как на сумасшедших, так как это не соответствовало политике либеральной партии. Дескать, Медведев должен стать нашим

диктатором, как писали сотрудники Института современного развития. А мы говорили, надо развивать партию «Единая Россия», потому что только правящая партия может стать основой парламентаризма. Ни к чему это не привело. То есть как только нам была дана историческая возможность совершить некий демократический поворот, демократическую модернизацию, вместо этого начались опять попытки сыграть на «давайте приведем нашего человека к власти и дадим ему неограниченные полномочия». Из-за этого все наши сбой демократического транзита, а не из-за консервативных инструментов. Хотя, разумеется, внешнеполитический климат играет важную роль, и в ситуации ужесточения внешнеполитической ситуации возобладает политическая мобилизация, которая модернизации не способствует. Но в то время, в 2009–2011 годах, вообще не было никаких внешних политических вызовов. И вместо того чтобы говорить о смене внутривнутриполитической модели, которая привела бы к более мягкому транзиту, говорили о чем угодно. О том, что нужно лампочки менять, айфоны с айпадами развивать, что губернаторов надо выбирать. Поэтому я не стал бы связывать все наши проблемы политического транзита с консерватизмом как доминирующей силой в общественном дискурсе. Мне кажется, это разные вещи. Там, где они пересекаются, там пересекаются, но они не всегда пересекаются. вспомните, что основные наши авторитарные всплески – самые страшные – были связаны с модернизацией. Просвещенное меньшинство пытается научить непросвещенное большинство, как ему жить.

М.М. Федорова. У меня предложение: дать слово Марине [М.М. Мчедловой. – *Ред.*] и заслушать следующего докладчика. Затем продолжим дискуссию по поводу всех трех выступлений.

М.М. Мчедлова. У меня возникли мысли философического контекста. Мне кажется, они вытекают из доклада и могут послужить методологической основой последующих исследований консерватизма. Ключевая идея – не только в выборе модели консерватизма для

России, но и чтобы эта модель (в практике или идеях) способствовала консолидации общества. Остановлюсь на четырех моментах. Первый – вопрос о смене коннотаций консерватизма, что привело к тому, что чистых консерваторов практически вообще нет. Существует ли чистый консерватизм сейчас, не претерпел ли он смысловую эволюцию, как и многие другие понятия и концепты, и не отражает ли он уже совсем другие референты и референции современного мира? В процессе ряда исследований даже пересекаются цивилизационные теории, а именно в моменте фиксации культурного плюрализма и самобытности в противовес прогрессивному, о линейных практиках метанарратива модерна. Даже в цивилизационных теориях произошел ключевой эпистемиологический поворот: в XVIII веке цивилизация была идеалом общественного устройства, которого пытались достигнуть, сегодня же акцент делается на различиях и на идентичности. Во многом консерватизм, в той проекции, в которой он артикулируется у нас, делает акцент на различиях, на самобытности.

Второй момент. Консерватизм не возникает как ответ на идеологию, он возникает как поиск еще одного ответа на разрушения социальной и политической структуры и ценностных оснований. И сейчас, вероятно, есть потребность в формулировании этого ответа, который не может быть описан в традиционных рамках, и это требует еще раз переосмыслить концепт и концептуальную область, но и вообще возможность применения.

Третий момент – это проблема религии. Приятно, что она затронута. Сейчас не очень распространена в общественном дискурсе проблема переосмысления религиозного фактора в политике, переплетения религии и политики. Еще Хабермас писал, что политическое становится политическим за счет приписывания религиозных значений. Теоретик секуляризации Питер Бергер в 1999 году очень расстроился, сказав: «Да нет, мир-то очень даже религиозен, и он эволюционирует, развивается». Он больше книжки не пишет, дает

интервью, но уже в парадигме десекуляризации и постсекуляризации. Это большая проблема, и я абсолютно согласна, что политико-правовой принцип светскости требует переосмысления; требуют переосмысления вообще формы взаимоотношения религиозного и светского и понимание религиозного, от веры как трансценденции до критерия идентичности, до деятельности религиозных институтов как акторов политического целеполагания.

Последний, четвертый момент – это государство. Консерваторы и государство – одна большая и интересная проблема. Русский консерватизм, начиная от Карамзина, Уварова, настаивал на чуть ли не сакрализованной функции государства, на государстве как одной из точек притяжения всего того способа конструирования картины мира, или мировидения, которое дает консерватизм. Если обратиться к сегодняшним социологическим исследованиям: востребовано ли сильное государство в обществе? Готово ли население поддержать сильное государство? Если посмотреть на цифры с одной и с другой стороны, вырисовывается интересная картина. Да, есть запрос на сильное государство, но на какое? Не на то, у которого броня крепка и танки быстры. А на то, которое а) выполняет социальные функции и б) обеспечивает главную позитивную функцию государства – единство и выражение общих интересов, агрегацию частных интересов в общие. Это основной запрос, который дает общество государству, и оно готово поддержать государство в этих функциях. Третий вопрос – это справедливость. Справедливость – это надпись на знамени, за справедливостью пойдет кто угодно, справедливость – это идеологическое обоснование и религиозных исламистов, и папы Франциска, и многих светских партий правого и левого толка. Зачастую справедливость начинает восприниматься в контексте плюрализма и консерватизма, может быть, переосмысленного, но ради которого предлагается иной идеологический и политический вариант развития.

Часть II. Н.А. Куркин

У нас доклад действительно коллективный, и в нем представлены разные грани проблематики консерватизма. Основной задачей нашей работы было показать различия между ретроградной и консервативной политикой. Слово «консерватизм», в частности для людей, принимающих решения в Российской Федерации, ассоциируется с понятием ретроградности (замшелости, архаики и прочего набора синонимов, имеющих негативное смысловое наполнение). Но это несправедливо в самом своем основании, ибо консерватизм является одной из форм развития. Это очень хорошо видно, если мы посмотрим, что произошло в мире после 1991 года и в каком состоянии пребывает планета? Я хочу сказать о факторе, о котором многие забывают в своих размышлениях, это фактор времени. Когда господин Фукуяма объявил «конец истории», он не предполагал, каких потрясающих результатов достигнет этим словосочетанием. После 1991 года большая часть мира в этом конце истории и живет. Более того, она живет не просто в конце истории, а в фукуямовском времени, то есть во времени, которое завершилось, во времени идеального свершения. Это общество живет в циклическом времени: угроза идеального общества, борьба с угрозой идеального общества, победа над врагом идеального общества. И поэтому когда возникает ощущение дисконнекта, непонимания в общении с американскими элитами и масс-медиа, это во многом обусловлено разницей временного потока. Из-за того, что мы долгое время живем в разных временных потоках, происходит различное смысловое наполнение общающихся друг с другом сторон. Вся история христианства, все христианское понимание идей и времени являются линейными, поэтому консерватизм для современной постсекулярной элиты является врагом идеологическим. Тех, кто находится в состоянии идеального времени, фукуямовского «конца истории», консерватизм никак не может устраивать, так как он идет по линии, которая имеет начало и конец, Страшный суд.

Когда христианство в начале Нового времени уходит из обыденной жизни, переходит на более высокие уровни, это становится менее заметным. Тогда появляется поколение хороших либералов, которые когда-то выступали за светлое будущее, и они становятся консерваторами по отношению к новому, светлому и красивому. Так и происходит цикл от либерального к консервативному. В какой-то момент, в середине XIX века, он подошел к своему исчерпанию, началась совсем другая история с появлением радикальных и революционных движений. Результатом уже этого витка развития явилось то состояние, в котором мы живем: американские и западные элиты живут в фукуямовском времени, а большая часть мира живет по-своему, во времени линейном. А в линейном времени развитие неминуемо, поэтому консерватизм по умолчанию является развивающей идеологией, но медленной, которая выступает за ограничение этого движения. То есть хватает собрата-либерала, который бежит вперед, и говорит: «Нет, погоди. Вот у нас произошел определенный этап, в котором мы хотим все это освоить, переработать и применить все самое лучшее». В результате консерватизм выступает с определенным набором идей, которые являются очень востребованными за пределами небольшой сферы, того, что называется американским и европейским.

Когда господин Киссинджер писал в 2006–2007 годах, что Россия живет девятнадцатым веком, он не предполагал, чем обернется его высказывание.

Такое обращение к XIX веку начинает играть на руку тем, кого обвиняют в принадлежности к политике XIX века. Политика XIX века предлагает очень большой набор идей, которые воспринимаются за пределами Pax Americana весьма дружелюбно, в частности идею суверенитета.

М.М. Федорова. Взаимодействие политической сферы и исторического времени чрезвычайно интересно. Может быть, мы сейчас зададим вопросы докладчику? Потом заслушаем еще один доклад и перейдем к дискуссии.

Е.Н. Минченко. Мне понравился этот подход – про фукуямовское šťastливое состояние. На каких-то социологических данных вы основываетесь? Например, Испания входит в западный мир? Данные социологических исследований в Испании говорят о том, что они живут в идеальном обществе? В Греции тоже консенсус?

Н.А. Куркин. Речь идет об идеальном устройстве. Вот состояние, близкое к идеальному, его можно только улучшать. Никаких следующих состояний невозможно, ничего нового.

М.М. Мчедлова. А вы концепцию многослойности исторического времени не применяли?

Н.А. Куркин. Есть работа, которая подвела определенный итог этим размышлениям, – это книжка Роберта Купера «Мир постмодерна: современный политический порядок» 2002 года. В ней мир постмодерна – высшая ценность. Этот мир может делать все что угодно для своего сохранения, развития и подавления более низких существующих индустриальных и доиндустриальных форм развития.

М.М. Федорова. Нас ожидает еще более интересный доклад, давайте побережем наши силы. Пожалуйста, Кирилл Станиславович.

Часть III. К.С. Бенедиктов

Из всей группы я наименее склонен к теоретическим конструкциям. Мой доклад посвящен особенностям европейского консерватизма. Кто нам друзья, а кто нет? С кем имеет смысл налаживать мосты, а с кем – не имеет. А с кем это невозможно по определению?

После Второй мировой войны европейский консерватизм в политическом смысле получил колоссальную травму и развивался в условиях посттравматического синдрома, в густой тени итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Что только ни предпринимали консервативные партии, которые могли близко не иметь ко всему этому отношения, – на них всегда падала эта густая тень. Они были вынуждены дрейфовать в сторону победившего либерализма, они отравились этим ядом либерализма точно так же, как и социал-демократы. Яд в данном случае – это метафора, а не оценочное суждение. Если мы говорим, что либерализм как политическая вера растворился, то этот раствор либерализма проник как в консервативный лагерь, так и в социал-демократический. Из того, что сейчас называется европейским консерватизмом, значительная часть, если не сказать большая, это фальш-консерватизм.

Реальные консервативные движения, интеллектуальные группы, которые действительно сохранили консервативные ценности, выжили и развивались в очень жесткой и недружелюбной атмосфере. Взять, например, французских новых правых, ну не только французских, потому что это движение было и есть общеевропейское, есть и немецкие новые правые, есть и в Великобритании, в Бельгии, даже в Польше. Французские, наверное, наиболее показательны. Сколько они ни старались быть уважаемыми, выглядеть солидной философской, исторической школой, какие бы прекрасные иллюстрированные издания они ни издавали, либеральный мейнстрим их представлял исключительно фашистами, клеймил и гнобил. В течение многих десятилетий интеллектуальный потенциал европейского консерватизма подвергался давлению. В итоге новое правое интеллектуальное движение чрезвычайно многообразно, оно накопило большой интеллектуальный багаж, оно обладает хорошо разветвленной сетью школ и центров. Конечно, критики были в чем-то правы. Никто не заставлял ведущего немецкого нового правого Пьера Кребса называть свой интеллектуальный центр «Семинар Туле», мог назвать по-другому. Естественно, возникли ассоциации с Хаусхофером, с истоками национал-социализма. Между тем, именно Кребс ввел такие понятия, как «метаполитика» и «Евросибирь». «Евросибирь» – это проект русско-европейской интеграции, который был разработан в 1980-х годах, пользовался большим успехом у новых правых, был достаточно популярен среди приверженцев французского Национального фронта. У него [Пьера Кребса – *Ред.*] есть замечательная цитата, старая, но в нынешних условиях актуальная: «Метаполитическая идея пришла к заключению: противостоя-

нию Восточной и Западной Европы должен быть положен конец. Так, например, глупо Украине быть против России, а России против Украины». Это написано порядка двадцати лет назад.

Но новых правых систематически выдавливали с респектабельного политического поля. Даже те партии, которые питались интеллектуальной продукцией новых правых, как, например, Национальный фронт, не получили той мощной подпитки, которую могли получить. Марин Ле Пен, понятно, дочь основателя Национального фронта, она не так близка к идеям новых правых, как некоторые из советников ее отца. Национальный фронт – сейчас наш самый близкий, потенциальный союзник в Европе. Марин Ле Пен многократно заявляла, что поддерживает и Россию, и Владимира Путина, и политику в отношении Крыма. Ее гражданский муж, Луи Алио, активно в этом ее поддерживает. Несколько цитат Луи Алио: «Путин ставит на первое место стратегические интересы России, точно так же, как мы – стратегические интересы Франции. Это нас объединяет. Мы также полагаем, что Франции выгодно поддерживать сбалансированные отношения с Россией, США, Китаем, а не лебезить по любому случаю перед Америкой», «Путин вернул русскому народу чувство собственного достоинства, а России – причитающееся ей место в мировой геополитической структуре», «Он остается одним из последних в Европе защитников иудео-христианских ценностей, которые легли в основу нашей цивилизации».

Вторая проблема – очень много фальш-консерваторов, я для себя это назвал синдромом «чужого». На днях умер Гигер, создатель прекрасного персонажа из серии фильмов про «Чужого». Синдром «чужого» – это вызревание постхристианских сил в оболочке традиционного консерватизма. Таких партий много в Европе, многие из них на слуху, например, «Партия свободы» в Нидерландах. Вроде это консервативная партия, вроде продолжает бороться с нелегальной миграцией и т.д. В то же время, и это естественно для Голландии, очень либеральная позиция в области однополых браков, она достаточно антирелигиозная, ее лидер агностик и не признает никаких религий. В Скандинавии таких партий немало, причем многие из них сочетают убежденный евроскептицизм с абсолютно либеральной повесткой в области сексуального поведения и гендерных вопросов. Это удивительно, потому что евроскептицизм возник как ответ на постхристианский и, в перспективе, трансгуманистический проект. Каким образом в программах этих партий евроскептицизм уживается с абсолютным либерализмом в отношении постхристианских ценностей – малопонятно, но это нужно иметь в виду.

Почему true-консерваторы сейчас находятся в некотором гетто, а называющие себя консерваторами являются фальшивыми консерваторами? Одна из причин: существует противоречие между принципами этого true-консерватизма, основанного на традиционных ценностях, и духом современной глобальной инновационной экономики (мобильность рабочей силы, распределение энергетических сетей, готовность торговать и сотрудничать с кем угодно, креативность, толерантность как ценности). Не получается осуществить эффективный симбиоз консервативных ценностей и экономики инноваций. Из-за этого, в частности, возникает синдром «чужого».

Эта тема очень обширна, но вывод прост: когда мы говорим о поиске консервативных союзников, на них надо смотреть через рентгеновские очки, выявляя, кто действительно консерватор и кто консерватор только по имени. А с теми, кто действительно консерватор, надо искать не просто точки соприкосновения на уровне деклараций (это легче всего), а общие интеллектуальные площадки, стараться понимать друг друга, спорить друг с другом и развивать общие интеллектуальные модели.

В.А. Никонов. Я задам уточняющий вопрос. Вы сказали, что после войны консерваторы начали активно заимствовать либеральные идеи. Во-первых, после войны в побежденных странах консерваторы надолго пришли к власти: в Италии до 1964-го, в Германии до 1968-го, в Японии до 2009-го. На личном уровне это все стопроцентно консервативные фигуры: Эрхард, Аденауэр, де Голль... Какие они либералы? С другой стороны, основная задача, которая ими решалась, была связана не столько с дефашизацией (что тоже было), но в гораздо большей степени – с искоренением левой заразы. Закручивали гайки так, что никакого либерализма и быть не могло. Для этого использовались жесткие приемы.

К.С. Бенедиктов. Либеральными там были в основном экономические принципы. Насколько я понимаю систему плана Маршалла, она была в основе либеральной. Голлизм – это интересный пример, который, с одной стороны, можно рассматривать как консервативное движение, и, с другой стороны, в 1958 году в первом туре выборов в Национальное собрание за ультраправых голосовали 2,6%, а к концу голлистского периода, в 1968 году, только 0,1%. То есть фактически происходило выдавливание true-консерватизма. Голлизм, безусловно, это не прогрессизм в нашем понимании. Как объяснить то, что при голлизме те движения, которые мы сейчас называем консервативными... Понятно, что никакого Национального фронта тогда не было, но его элементы, из которых он потом собрался, оказались вытеснены на обочину. Это не ответ на ваш вопрос, это встречный вопрос.

В.А. Никонов. Имела место внутривидовая борьба за электорат. Я не вижу там никакой либерализации консерватизма. Мой тезис – этого просто не было.

Е.Н. Минченко. Во время вашего выступления меня мучил один вопрос: как отличить «true-консерватора» от «фальш-консерватора»? Какие критерии?

К.С. Бенедиктов. Проще всего назвать фальшивого консерватора. Истинный консерватор – это папа Марин Ле Пен – Жан-

Мари, он “true”. Сама Марин представляет модификации в виде своего феминизма и т.д. Фальшивые это партия Вилдерса – Партия свободы.

Е.Н. Минченко. Я понял, что true-консерваторов не бывает. А апелляция к консерватизму является политической технологией. Самый правильный ответ на вопрос «Что такое консерватизм?» прозвучал в вопросе на тему многослойности времени, потому что, если мы возьмем Россию и известную модель Натальи Зубаревич про четыре России, то все четыре живут в четырех разных временах и у каждой из них есть свой консерватизм. Что такое «золотой век» Нижнего Тагила? Это 1970-е годы, рабочая солидарность, человек труда как главный человек в стране и т.д. Что такое сельский консерватизм? Это «пришел Маленков, поели блинков». Времена общинного устройства и Столыпина никто не помнит, это все сломано. Мой папа был выходцем из сельской России, и для него «золотым веком» были столыпинские времена, которые он не застал. Это когда они с границы Белоруссии и Украины ушли в Сибирь и спокойно пахали там землю, и их никто не трогал. Их «золотой век» закончился в 1930-х годах с раскулачиванием. Консерватизмов может быть много, true-консерватизма никакого нет, есть элементы использования этой идеологии для решения политических задач той или иной группой, поэтому консервативный интернационал по определению невозможен. Я хотел обратить внимание на реплику господина Бенедиктова о том, что есть бизнесмены, они создают консервативные проекты, чтобы что-то решить. Я не верю в особую идейность братьев Кохов в Америке, и тем более не верю в идейность тех людей, которые играют в консервативные проекты в современной Европе. В нынешнем, победившем, к сожалению, времени постмодернизма консервативная повестка – это некий элемент политической сборки тех или иных групп под конкретного политического деятеля или под конкретный политический проект.

Н.В. Злобин. В России, наверное, так и есть. По крайней мере сейчас. Все эти

разговоры привели меня к одной мысли: идея консерватизма стала актуальна недавно по всем понятным причинам, а мы сейчас пытаемся под это подогнать большую идею. Если бы отношения с США и Европой строились немножко по-другому, мы сейчас обсуждали бы либерализм. Насколько глубоки корни настоящего, идейного, серьезного системного консерватизма в российском обществе? Вот вы говорите: «С кем работать?». Они начнут сейчас работать, а через три года Россия опять повернется к Европе лицом, опять захочет строить что-нибудь либеральное. Я двадцать пять лет живу за рубежом, весь мир смотрит на Россию как на страну фантастически непредсказуемую. Поговорка «умом Россию не понять» – это на самом деле приговор, а не комплимент. Все эти разговоры заканчиваются тем, что приходит очередной лидер, разворачивает страну в другую сторону, провозглашает другие лозунги и другие темы для дискуссий. Они там все серьезные консерваторы, а мы – конъюнктурные. Я имею в виду политических консерваторов вообще. В этом опасность серьезного углубления в такие темы, потому что завтра изменится политическая повестка, изменится направление развития. Нам нужна модернизация – это совершенно верно. Это серьезная проблема, как модернизировать страну, чтобы не повторять либеральный вариант. Я либерал, мне нравится критиковать консерватизм, но либеральные попытки модернизации меня тоже пугают. Если будет ответ на вопрос, как консервативными методами возродить эту страну – да!

О.К. Авдеев. Для нас всех характерна некая спутанность понятий. В одном докладе мы жалуемся, что бедных консерваторов обижали, потому что их почти фашистами называли. Потом получается, что консервативные партии – фалангистские. Отсюда и полемика возникает, что Европа гнобила консерваторов почему зря. То получается, что в послевоенной Европе победили консерваторы. В одном смысле, условно, и фашисты – консервативное течение, а в другом – консерваторы всегда пытались отбиться от этого. Есть разные понятия, есть разные течения. Можно взять слово «консерватизм» в самом широком смысле, а можно разделить не только на «true»

и «фальшь», а на левых консерваторов, правых консерваторов, протофашистских. Я не пытаюсь дать сейчас конкретную классификацию. Мне кажется, чтобы наши беседы были консервативными – это является задачей дня, но задачей не прагматической, а научной, – следует продумать нормальную классификацию, чтобы не было путаницы с понятиями. Сегодня она наблюдалась.

М.В. Ремизов. Я исхожу из того, что фактор нашей мягкой силы по отношению к Западу проявляется в способности вообще вести идеологический диалог с идеологическими полюсами на Западе. Это значит, что у нас для всех идеологических партнеров на Западе должны быть свои настоящие консерваторы для настоящих консерваторов, настоящие либералы для настоящих либералов, должна быть живая идеологическая среда по всем флангам. Тогда будет понимание того, что пусть мы не согласны, но мы находимся в едином цивилизационном пространстве. Сейчас есть возможность вытянуть русский консерватизм на уровень полноценного полюса, то есть сделать из нынешнего консервативного фасада нечто эшелонированное, сопоставимое с тем, что есть в западной политической традиции.

А.П. Козырев. В середине 1990-х годов было много диссертаций по консерватизму. Это был не ответ на запрос власти. Русские консерваторы всегда были больше эстетиками. Розанов, Леонтьев, в каком-то смысле Меньшиков, литературными изгнанниками и в итоге неудачниками в плане реальной политической работы. Я не говорю, что новый консерватизм обязательно потерпит неудачу. Мне кажется, что консерватизм не может быть политическим проектом России. Им может быть, например, новое покорение Сибири как экспликация консерватизма, так как консерватизм связан с развитием. Или какая-нибудь новая социальная политика, предполагающая изменение положения человека в обществе, но не консерватизм как таковой. Потому что консерватизм – это некая форма, форма тоже важна, она диалектически связана с содержанием. Мы это знаем из марксистско-ленинской философии, из гегелевской философии.

Б.В. Межуев. Хочу высказать два возражения. Консерватизм – это даже не форма, это попытка нащупать собственное ценностное содержание в нашей долгосрочной политике. Я исхожу из того, что форму нам придает политическая модернизация. У нас нет политической формы, мы не знаем, какое у нас государство, в каком государстве мы существуем. У нас функции правительства и функция верховной власти меняются в зависимости от политических фигур, которые занимают те или иные должности. Тогда был один строй, теперь другой строй. Требование устойчивой, долгосрочной политической формы – требование политической модернизации. Я не уверен, что консерватизм – это форма. Консерватизм – это некий ценностный ориентир или даже табу, которое нельзя нарушать и разрушать при движении к той или иной форме. Мы можем обратиться к консервативным авторам. Например, Филипп Рифф, всем известный социолог, считал, что все общественное устройство строится на табу. Важно учесть новизну ситуации, в отличие от 1996 года и даже «нулевых» годов. Мы впервые используем идеологию как инструмент сопротивления физиологии мирового гегемона начиная с советского времени. Потому что до сегодняшнего дня у нас все строилось так: какой американский президент действует, надо подстроиться к нему и создать что-нибудь аналогичное. Был у нас Клинтон, вся страна говорила о глобализации. Приходит Буш – все стали консерваторами республиканского толка, стали говорить о жесткой силе и любить Евросоюз. Я помню, как вся пропаганда строилась вокруг этого. Когда приходит Обама, то начинается модернизация и т.д. У нас впервые за все время возникла игра на противофазе. Хорошо это или плохо, успешно или нет, но этот исторический опыт игры на противофазе надо учесть, понять, насколько мы в принципе готовы вести такую игру. Возможно, это закончится фиаско, а может, и неожиданным успехом. Если верить Вячеславу Алексеевичу [Никонову. – *Ред.*], то шансы есть. Понять, что это новая ситуация, может быть, отчасти и конъюнктурная, но исторически беспрецедентная, важно.

М.М. Федорова. Вы сами себе противоречите. С одной стороны, игра на противофазе как факт международной политики, с другой стороны, работа с традиционными ценностями. Я бы сказала, что использование традиционных ценностей в качестве игры на противофазе с международным контрагентом – это бесчестное отношение к собственному народу.

Б.В. Межуев. Есть в ваших словах доля моральной истины. Любое инструментальное использование ценностей всегда пахнет чем-то нехорошим. Но, к сожалению, в этом и есть политика.

В.А. Никонов. Первое. Николай [Н.В. Злобин. – *Ред.*] сказал, что Россия непредсказуема, ее сложно представить в консервативном контексте, потому что она сначала в одном состоянии, потом в другом... В этом я не уверен. Россия, меняясь, остается самой собой, и мир остается весьма консервативным, в нем действуют одни и те же правила игры, которые здесь прозвучали – это противодействие гегемонизму. Если ты великая держава, то ты участвуешь в этой весьма консервативной схеме. Либо ты противодействуешь гегемонизму, либо твоему гегемонизму кто-то противодействует. Поэтому наша судьба достаточно определена, и она весьма консервативна. Весь XIX век, с точки зрения мировой политики, был периодом консервативной политики, основанной на *real-politic*. С этой точки зрения Россия очень предсказуема, так как она участвует в этой системе сдержек и противовесов, противодействия гегемонии. Это будет продолжаться.

Вторая мысль. Абсолютно правильно, что мы должны договориться, о чем говорим. Много разногласий просто потому, что словом «консерватизм» называют разные вещи, разные идеи, разные организации. Наверное, результатом деятельности нашего Бердяевского клуба должно быть определение понятий, о чем мы говорим.

Третье. У нас очень западноцентристский дискурс; а Запад это $\frac{1}{10}$ часть человечества, самая влиятельная и мощная, но там уже меньше половины мировой экономики,

а Китай, как выясняется, в этом году обгоняет США. Мир меняется. Совершенно разные нужны консерваторы для Запада и Востока. Нужно эшелонированно все выстраивать. Компартия Китая – это консервативная, конфуцианская, буддистская и традиционалистская сила, за которой стоит пять тысячелетий традиции. В системе государственной власти Китая они ничего нового не придумали, просто это иначе называется сейчас. Обычная традиционная китайская матрица осталась прежней. В Северной Корее – нормальная восточная деспотия, весьма консервативная. Да, действительно, надо эшелонированно выстраивать и не замыкаться на том, что консерватизм это только «Единая Россия» и всё. У нас общество в значительной степени консервативно, поэтому мы резонируем, кто из них правый, кто левый. У нас русская идея скорее левая, чем правая. Идея левая, но традиционалистская. В этом и состоит российская традиция, потому что консерватизм – это в первую очередь учет традиций.

К.С. Бенедиктов. Хотел бы поддержать выступление про Китай. Китай является для нас действительно одним из важнейших и перспективных партнеров. В России драматически не хватает специалистов и институтов, которые занимались бы Китаем. Там порядка двадцати институтов, которые занимаются изучением России, и безумное количество специалистов. Я писал исследование по становлению современной китаистики у нас в России, получилась очень печальная история. Реальных китаистов можно перечислить по пальцам одной руки.

В.А. Никонов. Ну, не так плохо. Есть китаисты. Я в Китае каждый год бываю как минимум дважды и с нашими китаистами тоже общаюсь. У них меньше хороших специалистов по России, чем у нас хороших китаистов. Дело не в количестве.

К.С. Бенедиктов. Дело в качестве, безусловно. Но я считаю, что их категорически не хватает. Было бы очень полезно, если мы в нашей деятельности по развитию консерватизма как-

затронем тему подготовки наших специалистов по Китаю и созданию специальных институтов.

Н.А. Куркин. Когда мы говорим, что забываем про весь большой мир и говорим только о Западе, мы забываем, что эта небольшая часть мира является интеллектуальным центром, который вырабатывает идеи. Это фабрика мысли, которая работает без перерыва. Когда мы слышим, что консерватизм как идеология находится в кризисе, совершенно верно. Так происходит по тем причинам, о которых я говорил, об этом закольцованном времени, которое существует. Наступление социального либерализма идет с 1968 года, а с конца 1980-х годов оно приобретает все новые ударные темпы, размывает консерватизм как идеологию. Соответственно наша работа и роль России состоит в том, чтобы выступить внешним агентом, который поможет дать этой идее вторую жизнь.

М.М. Мчедлова. Я поставила четыре вопроса. Первый: как возможен консерватизм в России? Как возможен консерватизм вообще и как он возможен в России?

Второй связан с политической модой на те или иные идеи в умах политического класса. Видение же образа будущего отсутствует напрочь.

Третий вопрос: есть ли социальная опора для такого рода идеологий, такого рода социальных практик? Если обратиться к социологическим исследованиям, только 3% у нас выступают за революцию как форму переустройства. Зато 28% видят в качестве ключевой идеи развития России жизнь без потрясений. Это не так мало, вероятно, им можно доверять, это общероссийская выборка.

Четвертый вопрос пронизывает всю историю российского консерватизма как идейного течения. Это сейчас проявляется в социологических исследованиях, особенно качественных, – нравственный идеал. Потребность в нравственных ценностях, вымытых из повседневной жизни, таких как красота, истина, благо, труд. Вроде это все слова, но, оказывается, без них человеческая жизнь не имеет ни смысла, ни значения. У нас в иерархии ценностей сейчас деньги наверху, но они не могут это всё заменить. Из глубинных

интервью следует, что существует колоссальная потребность в возвращении в обыденную жизнь этих высших ценностей.

Закончу свою речь одной фразой из глубинного интервью. На вопрос «Что бы вы хотели видеть в качестве образа России?» мужчина сорока шести лет, на государственной службе ответил: «Красоту и духовность». Я не думаю, что это можно забыть и подменить инструменталистскими практиками.

М.В. Ремизов. Как настоящий консерватор я проснулся в ответ на вызов со стороны Николая [Н.В. Злобина. – *Ред.*]. Все думаю, что кроме конъюнктурного лоббирования в связи с «пинг-понгом» Путина и западных лидеров за всем этим стоит? Консерватизм дает России возможность органичного геокультурного позиционирования, геокультурной идентичности. Позиционирования в качестве настоящей Европы на фоне Европы, которая отказывается от своих ценностей, ценностей зрелого европейского народа, где соединились и просвещение, и национальное государство, и политический романтизм, и реформация с контрреформацией. На этом синтезе Европа не удержалась, и с 1960–1970-х годов она стала активно его разрушать и уничтожать. В этой ситуации Россия может позиционироваться не как скифы и азиаты с широкими и жадными очами, а как некий ковчег европейских ценностей вчерашнего дня. Как консерватор добавлю, что ценности вчерашнего дня априори не хуже ценностей дня сегодняшнего или завтрашнего.

Я согласен с Борисом [Б.В. Межуевым. – *Ред.*], что консерватизму присуще определенное недоверие к будущему. Если точнее, то презумпция восприятия будущего как сферы, откуда приходят вызовы. То есть будущее – это область, откуда идут вызовы, и «стрела времени» (метафора прогрессистская), с точки зрения консерватора, летит на него. Нужно иметь щит, с помощью которого от нее можно защититься или увернуться. Это важно, потому что консерватизм – это не политическая платформа и не партийно-политическая. Я очень скептически отношусь (поддерживаю тех, кто об этом говорил) к тому, что консерватизм у нас политический проект. Консервативно-политических проектов

может быть много. Но консерватизм – это мировоззрение. Оно позволяет консолидировать элиту. Это мировоззрение довольно сложное в освоении: для того чтобы азы этого мировоззрения схватить, нужно находиться в диалоге с разными эпохами и фигурами, нужно иметь хороший бэкграунд. Консерватизм – направление, которое сможет консолидировать элиту и показать, что борьба на мировой шахматной доске идет не только между державами, корпорациями, она идет между большими идеологическими школами. Эта борьба идет через столетия, и, если мы посмотрим на Запад, то он не монолит в этой борьбе, Запад – арена этой борьбы. Если мы посмотрим на культурно-философскую историю Запада, то это арена «холодной» гражданской войны.

Последний тезис, почему это неконъюнктурно и важно с точки зрения именно отношений России и Запада: консерватизм – это способ для русских понять, что имеет место не противостояние «мы против Запада», а что мы находимся в одной лодке с определенными западными школами. Для русского почвенника, который привык всегда воспринимать Запад как аморфную угрозу, как некое обобщенное Иное, консерватизм – это традиция, которая дает повод увидеть, что у нас там союзники и что мы говорим о своих проблемах нашими общими с Европой словами. И что наш упрек Западу, Европе состоит не в том, что вы на нас давите, а в том, что вы, предавая нас, предаете и себя. Это гораздо более сильная позиция с точки зрения геокультурной экспансии и влияния. «Предавая нас, вы предаете и себя!» – вот, о чем говорит русский консерватизм немцам, французам, итальянцам, и он прав. Не скажу американцам, с американцами сложнее.

М.М. Федорова. Спасибо большое. Думаю, мы будем завершать нашу беседу. Наша встреча состоялась, есть определенный результат. Сегодня речь шла о Бердяеве, консерватизме западном и российском. Но, по большому счету, все мы говорили об одном и том же – мы говорили о России, о ее будущем и настоящем, мы пытались размышлять о ее идентичности, о том, что нам всем вместе предстоит делать для того, чтобы увидеть Россию сильной

процветающей страной. Мы можем называть этот проект по-разному, можно назвать его «консерватизм», можно назвать по-другому. В общем, мы были здесь все едины. Мы говорили о разных консерватизмах, приводили разные течения, аргументы, но сквозила одна мысль, которая нас всех объединяет: нам всем нужна сильная страна, сильное государство, под эгидой которого мы могли бы развиваться, совершенствоваться, воспитывать своих детей и оберегать свои семьи. Это то, к чему мы все стремимся.

Здесь предлагались разные варианты, разные пути и политические стратегии. Хотя мы все старались обозначить их как консерватизм. В результате нашего обсуждения выделился целый круг задач. Самое главное, мы поняли, что мы, люди, которые занимаемся консерватизмом много лет, мало знаем в этой сфере. Нам нужно еще много работать, чтобы сформировать свое понимание консерватизма как определенной идеологической матрицы, а также понимания того политического проекта,

который мы хотели бы предложить для развития нашей страны. Все стремятся к общему благу, как говорил Руссо, но каждый видит этот путь по-своему.

Выражу мнение организаторов конференции, поблагодарив всех вас за участие в дискуссии. Надеюсь, что работа этой конференции станет более или менее постоянной. Все, кто принимал участие в дискуссии, испытали в этом потребность, потому что немало вопросов осталось непроясненными, непроговоренными. Наметились, на мой взгляд, очень плодотворные ходы мысли, связанные с переосмыслением консерватизма в современных условиях. Каким образом можно назвать совокупность тех факторов, которые мы хотели бы видеть в качестве некоей идеологической матрицы сегодняшней России, если это не назвать словом «консерватизм»? Это большой вопрос. Поэтому я хотела бы поблагодарить всех за участие в дискуссии и выразить надежду, что мы встречаемся за этим столом не последний раз. Спасибо всем.

Мобилизационный потенциал консервативной идеи

{ Секция третья }

М.В. Ремизов

*Три направления разрушения современной цивилизации
и консерватизм*

В.В. Федоров

Эволюция восприятия идеи консерватизма среди граждан России

И.М. Бунин

О социальной базе консерватизма

С.А. Марков

Моральное большинство против активного меньшинства

А.В. Щипков

*Типология направлений консервативной мысли в современной
России*

О.Ю. Малинова

*Институциональные условия производства идеологий в современной
России: возможности и ограничения*

Л.В. Поляков

Российский консерватизм на страже будущего

С.Ф. Черняховский

*Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной
России: проблема сохраняющего развития*

Модераторы: С.Ф. Черняховский, А.В. Щипков

Три направления разрушения современной цивилизации и консерватизм

Хотел бы дать прагматичные определения того, что я понимаю под консерватизмом, через сопоставление с двумя другими идеологическими семействами – либеральным и левым. На мой взгляд, эти три семейства программируют разные типы политической связи, разные типы общественной связи.

Либерализм – это не свобода индивида как таковая, это свобода частного лица преследовать свои интересы по принятым в обществе правилам. И таким образом рождается общее благо. Радикальное выражение либеральной идеи состоит в том, что преследовать общее благо априори, ориентировать свои политические стратегии на общее благо является контрпродуктивным. Нужно преследовать свои частные интересы, соблюдать правила, которые существуют в обществе и которые позволяют игре этих частных интересов в итоге организовываться во что-то полезное и создавать этот самый эффект общего блага.

Как понимаются интересы, исходные мотивы формирования общества разными либеральными мыслителями, например, Гоббсом, Локком? (Хотя Гоббса спорно называть либералом, но по этому критерию – по типу социальной связи – он либерал, на мой взгляд.) Они отвечают на этот вопрос по-разному, но принципиальный тип общественных связей – именно такой, и в итоге мы получаем то, что принято именовать разумным эгоизмом. Государство же – не обязательно ночной сторож, либеральное государство может быть большим, но то, что Гегель назвал государством нужды и рассудка. Есть государства, которые, по мнению Гегеля, заслуживают этого имени субстанциально, а есть государства «нужды и рассудка», которые существуют только для того, чтобы регулировать реализацию частных интересов таким образом, чтобы они не аннигилировали друг друга и производили общее благо. По этому поводу Кант предлагает вообразить нацию дьяволов, то есть людей, в отношении намерений которых нельзя допустить ничего хорошего. Так вот правильное государство и правильный правовой порядок должны быть выстроены таким образом, чтобы «дьяволы» уравновешивали друг друга и на выходе получалось то же самое общее благо. Поэтому сила либеральных идей состоит в том, что она не содержит презумпции благонамеренности индивида в своей изначальной форме, хотя у некоторых либералов подобный тезис проскакивает.

Левые идеи – это другой тип социальной связи, который ассоциируется больше с Томасом Мором. Условно говоря, это реализация совместного проекта построения справедливого, лучшего общества. Критерием справедливости преимущественно является равенство. Людей, общество, государство в левой идее связывает реализация совместного проекта.

Сразу отмечу, что обе идеи, левая и либеральная, являются утопическими, в том смысле, в котором об этом говорил Карл Шмитт. Он называл утопией некую произвольную фантастику и не нечто невозможное, а любую модель

общественного порядка, которая оторвана от конкретного топоса и в которой ценности, нормы, ориентиры, максимы не привязаны к месту, к локации. И в этом смысле либерального типа модели социальных связей и левого типа модели социальных связей являются утопическими.

Что касается консервативного типа социальной связи, то, на мой взгляд, здесь в фокусе не общий проект, не индивидуальные свободы и интересы, которые выводят на форму совместности, а совместное наследие людей. Люди рассматриваются в обществе как взаимно сопричастные друг другу, так как людьми их делает совместное наследие. Совместное наследие – это нечто материальное: определенный объем накопленного богатства, который невозможно растащить по домам, это некое публичное пространство, публичное благо, откуда рождаются полисные республики. И, конечно же, нематериальное. Для того чтобы заключить общественный договор, говорят консерваторы, необходимо, чтобы люди относились друг к другу с достаточным уровнем доверия, говорили на одном языке и хотели заключить этот договор именно друг с другом. Необходимо культурное наследие, которое будет их связывать. И, по сути, предметом общественного договора в консервативной трактовке, если иметь в виду все эти предпосылки, является уже не только и даже не столько уравнивание частных интересов, потребность в безопасности, в охране собственности людей, сколько форма организации использования и мультипликации совместного наследия, которое изначально людей связывает, создает возможность формирования этого общественного договора.

Для консерватизма двумя основными словами являются «семья» и «история». Семья в смысле родство, род. То есть люди изначально рассматриваются сопричастными друг другу, относящимися изначально к одному семейству, связанными первичными узами солидарности. В лозунге Французской революции «Свобода, равенство, братство» имеет место очень сильный перекокс в сторону свободы и равенства. Свобода – либерализм, равенство – социализм, консервативная же составляющая – братство. Но это не братство революционеров, а братство людей, которые принадлежат одному обществу, одной культуре.

Их этих трех диспозиций вытекает разная антропология, разная политическая повестка. Эти три идеологии являются законными соавторами современности, того, что мы называем цивилизацией «модерна», эпохой «модерна». Сейчас внутренний антагонизм внутри этой тройки становится не очень важным, потому что со второй половины XX века, с шестидесятых годов (хотя интеллектуальные основы были заложены гораздо раньше) возникает другая тройка идеологий, направленная против основ современной цивилизации в том виде, в котором она была заложена этой идеологической триадой.

Это – новые левые. Условно говоря, это разочарованные левые, которые видят, что на Западе построено общество благосостояния, возник широкий средний класс и пролетариат перестает быть субъектом революции. И они говорят, что отныне субъектом революции является не пролетариат – пролетариат обуржуазился, он подкуплен капиталом и не мыслит себя в марксистских категориях. Субъектом субверсивных действий является коалиция меньшинств, коалиция отбросов. Они даже пользуются словом «отбросы», это не мое слово. Субъектом революции является не один из элементов социальной структуры, пролетариат, – теперь уже неотъемлемый субъект социальной структуры, а некие элементы общества, которые оказываются «за бортом». Это десоциализованная молодежь, этнические меньшинства, богема, для которой десоциализация является частью образа жизни и самосознания. Новые левые вполне сознательно делают ставку именно на эту коалицию меньшинств как на свой основной референт. И проблема не в том, что меньшинства существуют. Существует оптика, в соответствии с которой практически любое притязание на

право, на значимость, связывается со статусом меньшинства. Это проблема оптики, а не проблема наличия реальных групп, которые реально нуждаются в защите.

Идеологической базой второй группы является фрейдомарксизм. Освобождение происходит не в экономической сфере, а в культурно-психологической или даже сексуальной. Это революция не против капитала, а против институтов цивилизации, закрепощающей человека. Идет подрыв среднего класса, который буржуазный и является квинтэссенцией всех пошлостей, – подрыв «одномерного человека» Маркузе. Его подрывают «снизу», через наступление этой самой коалиции меньшинств, которая не то чтобы откусывает у среднего класса куски благополучия, но лишает его культурной гегемонии. И средний класс вынужден плясать под их дудку, под дудку «шестидесятников».

Неолиберальная же идея обкусывает средний класс «сверху». Возникла простая идея, согласно которой уступки трудящемуся классу были вынужденными со стороны капитала, связанными с тем, что приходилось демпфировать противостояние Советскому Союзу, «компенсировать» недовольство собственного населения и расплачиваться моделью государственного благосостояния. В ситуации же, когда Рейган и Тэтчер решили вести войну до победного конца и это им удалось, необходимость расплачиваться с трудящимися классами такой дорогой ценой отпала.

Поэтому неолиберализм обкусывает средний класс уже как экономически, так и с другой стороны, со стороны элит, которые пытаются снизить издержки, перенести производство в страны третьего мира, изменяют систему налогообложения, заложенную еще в основу «нового курса» Рузвельта в США. Кругман и Стиглиц приводят примеры того, что если в 1960-х годах нормальная пропорция доходов между средним работником крупной корпорации и топом была в 10–15 раз, то в 1990-х – уже в 1000–1500 раз. Это – пороговый переход, который не предопределен никакими экономическими необходимостями. Законы рыночной экономики сами по себе не отвечают на вопрос, как должно происходить перераспределение стимулов в доходе корпорации. Это – инверсия классического либерализма, которая тоже разрушает современную цивилизацию, потому что ведет к фрагментации общества. И здесь левая риторика о том, что нужно благоприятствовать притоку иммигрантов в развитые страны, и риторика неолибералов очень органично дополняют друг друга. Для левых приток иммигрантов – это ценностная позиция, это защита меньшинств, это размывание гегемонизма культуры среднего класса, это самодовольные рожи буржуа, которых они ненавидят, или бюргеров, связанных с определенной национальной идентичностью. Для неолибералов – это просто сокращение издержек и сброс обязательств перед собственным обществом, поскольку эти обязательства со времен Лассаля и Бисмарка были основаны на национальной солидарности.

Третий элемент наименее идеологически оформлен и является инверсией консерватизма, темной его стороной. (У Аристотеля есть три формы правления, которые имеют хорошую и плохую стороны.) Вместе с приставками *new* возникает феномен нового варварства. Это “New Age” – активное открытие на Западе архаичных культур, эзотерических культов, еретических религий. Этот тренд является следствием коалиции против современной цивилизации новых левых и неолибералов, которая приводит к новому варварству.

Повестка раннего консерватизма была связана с противостоянием Просвещению, с противостоянием революционной мысли, через которое современность и родилась. Цивилизация «модерна» родилась как синтез. Сначала приходит враг – Просвещение, революция, Реформация, – потом наступает ответ: контрреформация, реставрация, консервативный ренессанс, открытие

национальных историй, национальной идеи. Возникает синтез. Этот синтез и является современной цивилизацией.

Сейчас повестка дня консерватизма связана с защитой и отстаиванием основ цивилизации «модерна» как солидарного, культурно-однородного, целостного, нефрагментированного общества, общества двух третей, где две трети составляет средний класс, а треть составляет бедность. А коалицией, которая подрывает эту современную цивилизацию «модерна», являются новые левые, неолибералы и неоварвары. Возникают три направления подрыва современной цивилизации. Первое направление – дегуманизация. Это гендерная трансформация, вмешательство в геном человека, перспектива кастовости, биотехнологическое неравенство, которое становится возможным. Это и эксперименты по снятию психофизического барьера в ходе культурной революции 1960-х.

Второе направление – десуверенизация. Что такое суверенитет? Это концентрация разных типов власти – символического капитала, силового капитала, финансового капитала и так далее – на уровне государства. Десуверенизация же – это когда разные типы власти снова расходятся по разным уровням. Суверенная власть, даже авторитарическая, является публичной. Эта публичность является узами, которые накладывают ответственность на власть. Подчеркиваю, даже если власть авторитарна. В десуверенизированном состоянии власть является скрытой. А скрытой власти уже ничего нельзя предъявить. Скрытая власть – это абсолютная безответственность.

И третье – десоциализация. Это далеко идущая фрагментация общества. Если потеряны национальные основания солидарности, если общество перестает быть культурно однородным, оно превращается в мозаику, совокупность гетто, то есть общество как конгломерат меньшинств. Это имеет не только национальное измерение.

Вот три направления разрушения современности. И я предлагаю говорить сегодня о консерватизме второй волны, о консерватизме, по версии которого суть уже не в противостоянии революции, Просвещению, Реформации, а отстаивание основ современной цивилизации как они сложились в синтезе с либерализмом и социализмом, в который консерватизм органически вошел. Многое осталось за скобками, но я повинуюсь регламенту и завершаю.

Эволюция восприятия идеи консерватизма среди граждан России

Что понимают под консерватизмом? Насколько понимают консерватизм? И, может быть, насколько консервативны наши с вами соотечественники?

Данный материал подготовлен на базе всероссийских опросов общественного мнения в течение последних нескольких лет. На мой взгляд, образ консерватизма, консерватора в представлении наших граждан пока достаточно туманен.

Мы попросили наших респондентов описать себя через несколько определений, суждений. Первое суждение: «В моей жизни есть традиции, которые я очень ценю и стараюсь соблюдать, даже если это не очень удобно». 74% опрошенных сказали: «Да, это обо мне», 21% – нет. Следующее утверждение: «Я делаю / сделаю всё, чтобы мои дети воспитывались в полной семье, для меня это принципиально важно». Тоже весьма популярный ответ – 74% сказали: «Это обо мне», 18% – нет. Следующее: «Я стараюсь не рисковать и оплачивать счета и услуги привычным проверенным способом». 73% – «обо мне», 23% – нет. Четвертое: «Когда я нахожу товар, который мне нравится, подходит, я перестаю пробовать новинки и стараюсь покупать только его». «Обо мне» – 57%.

Очевидно, что это довольно отрывочные и не главные элементы бытового консерватизма. Тем не менее, на мой взгляд, они довольно показательны. Консерватор в расхожем понимании – это не человек, который живет в некой интеллектуальной традиции консерватизма, а человек, который делает сейчас что-то так, как он делал это десять – двадцать лет назад, или как делали его родители, или как его научили делать, или как он считает, что было нормально всегда.

Еще элемент такого бытового консерватизма: «Я всегда голосую за одну и ту же партию», 54% – «это обо мне», 30% – нет. Следующее: «Для меня главное – отношения, а не штамп в паспорте, я готов всю жизнь прожить в гражданском браке». «Это обо мне» – 42% (очевидно, что это не консервативное утверждение), нет – 48%. Следующее: «Я интересуюсь всем новым, одним из первых стараюсь покупать технические новинки, модную одежду, смотреть новые кинофильмы». «Это обо мне», говорят 41%, «нет, не обо мне» – 55%. Наконец: «Я регулярно меняю место работы, стараюсь не засиживаться подолгу на одном месте». «Это обо мне» говорят 14%, нет – 79%.

Переходим от самопознания к другому аспекту. Были предложены два альтернативных суждения относительно перемен и нового, к которому эти перемены ведут. Первое суждение: «Перемены – это почти всегда к лучшему. Не надо держаться за старое, бояться преобразований, надо отвечать на вызовы времени, оперативно реагировать на изменения ситуации». Альтернативное суждение: «Новое – не значит хорошее, традиции и преемственность – опора в жизни. Надо всеми способами стараться сохранить всё лучшее, что мы уже

имеем, а не гнаться за новым». Понятно, что всегда есть исключения, но тем не менее 49% не склонны считать новое обязательно хорошим. И предпочитают, хотя бы на вербальном уровне, опираться на традиции и преемственность. Но 42% полагают, что перемены – это всегда к лучшему.

В целом по выборке у нас «консерваторов» 49%, а среди сторонников КПРФ – аж 67%; среди не пользующихся Интернетом – 61%, среди тех, у кого низкая самооценка материального положения, – 59%. А группа условных новаторов более выражена у лиц с высокой самооценкой материального положения – 60%.

Кто такой консерватор, консервативный человек? Открытый вопрос. Здесь совсем новые данные. Мы сгруппировали ответы, которые можно назвать условно позитивными и условно негативными для консерватора. Итак, позитивные: «приверженец всего старого, соблюдающий традиции» – 18%; «принципиальный, не отступает от своих правил» – 7%; «надежный, стабильный, ответственный, правильный, честный» – 6%; «постоянство, устойчивость» – 4%; «умный, образованный, воспитанный» – 2%; «хороший смысл» – 1%, «строгий» > 1%. Итого позитивных ответов – 38%. Негативные ответы: «держится за старое, не принимает нового, боится перемен» – 13%; «застаревшие взгляды, застой, отсталый, не развивается» – 6%, «ретроград, человек старой закалки» – 3%, «старый человек, закрытый, замкнутый, ограниченный» – 2%, «зануда, скучный политик, человек, относящийся к власти» – 1%; «плохие ассоциации» – 1%; «коммунист» – 1%. Итого негативных ответов – 32%. Мы видим, что пропорция близка к самооценке, когда 49% считают себя консерваторами, а 42% – сторонниками перемен.

Итак, консерватор в позитивном смысле – это приверженец всего старого, соблюдающий традиции; принципиальный, не отступающий от своих правил; надежный, стабильный, правильный, честный; это постоянство, устойчивость; это умный, образованный, воспитанный. Консерватор в негативном смысле – тот, кто держится за старое, не принимает нового, боится перемен; это застаревшие взгляды, застой, отсталый, не развивается; это ретроград, человек старой закалки; это старый человек; закрытый, замкнутый, ограниченный; это зануда, скучный человек; наконец, это политик и человек, относящийся к власти.

Далее мы попытались набросать образ консервативного человека чуть более подробно. Мы просили по пятибалльной шкале оценить: «консерватор, по вашему мнению – это...» – и дальше два полярных суждения. Вот результаты: образованный – необразованный (3,50); работает в частной компании – работает на государство (3,35); слабый – сильный (3,21); атеист – верующий (3,20); активный – неактивный (3,11); приятный – неприятный (2,88); богатый – бедный (2,77); мужчина – женщина (2,75); старый – молодой (2,30); спокойный – нервный (2,28). Итак, получается, что консерватор – человек скорее образованный, скорее работает на государство, скорее сильный, скорее верующий, но при этом, он скорее неактивный. Это человек скорее приятный, чем неприятный; скорее богатый, чем бедный; скорее мужчина, чем женщина; скорее старый, чем молодой; скорее спокойный, чем нервный. То есть консерватор – это мужчина в возрасте, спокойный, богатый, приятный.

Продолжая выяснять, консерватор – это хорошо или плохо для наших соотечественников, мы применили следующее. Взяли несколько широко употребляемых терминов – например, «патриот», «реформатор», «демократ», «консерватор» – и спросили: «Если какого-нибудь человека называют следующим образом, то это положительная или отрицательная оценка, по вашему мнению?». И по каждому термину затем просчитали индекс. Самые высокие оценки у «патриота» – 87% считают, что это позитивная оценка, негативная – только 7%.

Дальше идет «реформатор», несмотря на все реформы – 63%, 22% – с «минусом». Демократ: 56% – позитивная оценка, 29% – негативная. И вот на четвертой позиции возникает консерватор: 43% считают, что это скорее позитивная характеристика, 37% – негативная. Опять возвращаю вас к двум предыдущим опросам, где был небольшой перевес. Консерватор оценивается все-таки положительно, но перевес не слишком значительный. Итоговый индекс таков: «патриот» – 80, «реформатор» – 41, «демократ» – 27, «консерватор» – всего 6, но все-таки это положительный индекс. Дальше идут те термины, у которых индекс отрицательный: «коммунист» – 3, «либерал» – 12, «радикал» – 44, «популист» – 47, «националист» – 63.

Далее мы спрашиваем, какие преимущества и какие недостатки дает консервативный взгляд на вещи. Преимущества называют такие: преемственность традиций, верность старым устоям (14%); постоянство, стабильность в жизни, определенность во всем (14%); обдуманность, взвешенность, осмотрительность, осторожность (5%); сохранение всего лучшего (4%); размеренный, без резких скачков образ жизни (3%); ответственность, надежность, честность (3%); понимание своих целей (3%); принципиальность (2%); благосостояние, богатство (1%). Опять: откуда-то возникает богатство! Для меня это было открытием. При этом 50% респондентов ответить затруднились. Теперь – недостатки, их чуть меньше: страх перед новым (13%); нет развития, торможение, не движется вперед (12%); избегание перемен (5%); ограниченность (5%); отставание от темпа жизни (3%); упрямство (3%); устаревшие взгляды на жизнь (2%); скучные (1%). Затруднились ответить – 54%.

Консерватизм – это консервирование всего, несмотря ни на что, и отказ от каких-либо перемен? Или же это переменны при необходимости, а не переменны ради перемен, переменны ради каких-то более высоких целей? Мы спрашивали об этом и предложили респондентам два суждения на выбор. Итак, «Что такое консерватизм?». Первое суждение: «Это то, что позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться вперед без рывков и потрясений». Альтернативное суждение: «Консерватизм – это то, что не позволяет обществу двигаться вперед». Этот вопрос мы задавали дважды, с одиннадцатилетней разбежкой, в 2003 и 2014 годах. В 2003 году 44% склонялись к позитивному суждению, 27% – к негативному, 29% затруднились ответить. Прошло одиннадцать лет. Доля затрудняющихся ответить резко упала до 13%. При этом 56% выбрали позитивный ответ, а 31% – негативный. Второй вопрос: «Вы лично симпатизируете идеям консерватизма или нет?» – также задавался дважды. В 2003 году 37% сказали «да», 33% – «нет», 30% затруднились. В 2014 году 48% – «да», 35% – «нет», 17% затруднились ответить. В каких группах сторонников больше, чем в среднем по выборке? Это старшая группа (60 лет и больше), это сторонники КПРФ, это жители городов-миллионников, а также люди со средним достатком. Среди противников консерватизма: люди с повышенной самооценкой материального положения (62% среди них противники консерватизма, хотя в среднем по стране – только 35%).

О социальной базе консерватизма

Постановка вопроса¹. Доминирование консервативных настроений в элитах и обществе кажется совершенно очевидным. Вопрос: что из этого следует? И как государству этим пользоваться? Является ли такое доминирование гарантией национального консенсуса о развитии, и если да, то почему с этим развитием такие проблемы?

Более реальный исследовательский вопрос, который поможет ответить на все остальные, – это социальная база российского консерватизма, ее сходства и различия с западными аналогами, степень ее устойчивости и перспективы развития.

Верхи. В «верхах» западный консерватизм давно ушел от противостояния «старой» и «новой» элиты, земельной аристократии и поднимающейся буржуазии (вспомним Э. Бёрка, Ж. де Местра). Там буржуазия – уже давно «старая», отношения собственности и основанная на них социальная иерархия (важнейшие «консервативные скрепы») давно устоялись. Именно на них основано преобладание поддержки консерваторов в среднем классе. Преобладание это важно в двух смыслах: во-первых, среднему классу важна не только стабильность, но и динамизм, поэтому консерваторам приходится конкурировать за его симпатии то с либералами, то с социал-демократами, а значит, ориентироваться на обновление. Второе следствие: в этой конкуренции за массовую базу рождается «политический центр», который и придает стабильность западному общественному устройству. Его принято именовать «либеральной демократией», но создан он был более усилиями консерваторов, чем их партнеров-оппонентов по политическому спектру.

У нас же в силу долгого нерыночного развития и тоталитарной диктатуры исторический спор «служилой» и «коммерческой» иерархий еще далек от завершения, мысли о «новой аристократии», преимущественно из бывших и действующих силовиков, как «опоре трона» никогда не исчезали из российского дискурса. В реальности же положение «буржуазных» верхов в российской элите очень неоднозначно.

Бюрократия всегда была опорой консерватизма, что естественно при «государствоцентричности» России и монополии власти как на охранение и традиции, так и на реформы и обновление. Однако приведем цифры совсем недавнего опроса «Левада-центра»²: среди руководящих работников более 66% говорят, что обстановка в России (на самом пике «крымского успеха») стала напряженной, 75% констатируют неуважение российского государства к правам своих граждан, 53% хотели бы видеть на посту президента чело-

¹ Тезисы к выступлению.

² Левинсон А. Наше «мы»: Почти всеобщий подъем // Ведомости. 2014. 13 мая.

века, «который предложил бы другое решение проблем России» – по всем этим показателям «руководители» занимают куда более критическую по отношению к «государству-консерватору» позицию, чем среднестатистический россиянин.

Ничего «революционного» в этих новостях нет: к похожим выводам – о скептическом восприятии бюрократией перспектив развития при нынешнем курсе – еще пять лет назад приходил в своем известном исследовании элит М.Н. Афанасьев. Единственным исключением, отмеченным им, была «силовая элита (чекисты)», озабоченная «не столько поиском развивающих институтов, сколько охраной существующего порядка власти и распределения ресурсов»¹. Поэтому не удивительно, что в нашей элите консервативный тон и «моду» задает именно «бюрократия в погонах» (как говорил персонаж М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Я культурный человек, потому что служил в кавалерии»).

Деловая элита и средний класс в российской конфигурации к консерватизму относятся неоднозначно. С одной стороны, становление рыночных отношений и появление буржуазного класса – необходимая предпосылка существования современного консерватизма, с другой – этот рынок и этот «буржуа» не стали полноценными акторами или партнерами нашего «исконно консервативного» класса – государственной бюрократии.

И предпринимателям, и среднему классу в политике в первую очередь нужны стабильность и предсказуемость. Без них невозможны долгосрочные стратегии ни бизнеса, ни личных жизненных карьер, невозможны сбережение и накопление. Однако в устоявшихся демократиях стабильность и демократичность – это почти синонимы (благодаря твердому политическому центру, образуемому консерваторами и их оппонентами). В переходных обществах (и тут масса примеров и аналогий, например, с Латинской Америкой) «имущие классы» уповают на государство как гарантию стабильности и защиты от «хаоса», от «низов», иммигрантов и пр., даже если эта защита подразумевает зажим плюрализма и авторитарное правление.

В российских условиях буржуазия и средний класс колеблются: им нужно государство как тот самый гарант стабильности, но, с другой стороны, их отталкивают в нынешнем государстве как минимум два параметра (за каждым из которых – целый комплекс явлений):

– отсутствие «ровного поля» для своего влияния на политику, определение собственной судьбы: они, как и предреволюционная буржуазия, – как бы «второй класс» элиты, не допускаемый до критических решений, с ними могут посоветоваться, но не обязаны принимать этот совет, а часто и вовсе не советуются (и тогда, например, решение о повышении социального налога или обложение налогом занимаемых помещений падают, как снег на голову, накануне нового фискального года). Это не говоря уже о «коррупционном налоге», который несет бизнес в пользу бюрократии;

– упорное нежелание государства строить универсалистские институты, создавать независимый суд, защищать собственника и инвестора. «Маленькое государство» – центральный пункт таких современных консерватизмов, как рейганомика и тэтчеризм, – это не из арсенала наших консерваторов.

Разумеется, основной водораздел в этих колебаниях «любви» и «нелюбви» к государству – это степень приближенности конкретного бизнеса к власти (в том числе – местной). Тесно связанными с государством оказываются не только государственные и не только крупные частные компании, но и масса предпринимателей (и их наемных работников из среднего класса), которые зависят от государственного заказа. Принцип «друзьям всё, остальным – закон»

¹ Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009.

отталкивает от консерватизма широкие слои «неприближенных» предпринимателей и людей из среднего класса.

Если мы хотим, чтобы наш консерватизм стал современным и развивающим, такое положение надо менять!

Низы. Любой консерватизм опирается в «низах» на два типа социальных групп – на большинство тех, кому «есть что терять», а потому желающих стабильности (тот же средний класс, о котором речь шла выше), и на тех, кому труднее приспособиться к переменам (чаще это село, люди старшего возраста).

У нас картина иная: «государствоцентричность» помещает в лагерь «трудноприспособляемых» подавляющее большинство тех, кто в своем постоянном доходе зависит от государства. Это пенсионеры, бюджетники, люди, состоящие на службе у государства (в «погонах» или без таковых). В категориях «четырех России» (по Н.В. Зубаревич) «трудноприспособляемые к переменам» – это большинство населения России № 4 (этнические республики с доминированием патерналистски-патриархальных отношений), России № 3 (малый город и село, где зарплата или пенсия от государства – основной доход, поскольку экономика преимущественно депрессивна), а также России № 2 – средний промышленный город, основной работодатель в котором сильно зависит от госзаказа или субсидии. Разумеется, у части этих категорий претензии к государству настолько высоки, что они голосуют за оппозицию, но и оппозиция эта (как показано ниже) если не консервативна, то по крайней мере «охранительна».

Напротив, средний класс, динамичные социальные слои России № 1 (крупных городов) к «государственному консерватизму» часто настроены скептически. Вопрос «А за что же они?» повисает в воздухе, потому что система политического представительства общественных интересов у нас сильно отстает от реальности.

При низком уровне развития конкуренции формирование «связки» государственного консерватизма с общественными слоями – достаточно простой процесс. Столь же проста и «самообразуема» связка с потенциальным избирателем у других инкарнаций отечественного консерватизма. Советский и патерналистски-распределительный консерватизм у КПРФ и «эсеров» вполне понятен тем, кто привык уповать на «привычное» государство, но к государству нынешнему имеет более сильные претензии по части социальной справедливости. Месседж Владимира Жириновского тоже вполне укладывается в отечественную консервативную традицию: он сочетает декларативную «имперскость» с популистским отношением к государству и стремлением объехать его «по кривой» при каждом удобном случае.

А вот динамичным слоям в политическом представительстве нет места: партиям с либеральной повесткой дня они не верят, потому что эти люди не покупают товар «второй свежести» и не инвестируют в проекты с неясной перспективой, а сами они не имеют достаточных мотивов для самоорганизации. Потому-то динамичные слои голосуют протестно (как в декабре 2011 года) или «голосуют ногами». Этим людям не можно, а НУЖНО вовлекать в политику, причем не факт, что они окажутся «консерваторами» – кто-то окажется, а кто-то станет либералом. *Но именно на этом поле может появиться здоровая конкуренция идей и программ, от которой российский консерватизм только выиграет.*

Моральное большинство против активного меньшинства

Коллега Волгин во время введения заострил вопрос на том, что одной из главных проблем консерваторов является коренная трансформация народа. В какой-то мере даже исчезновение того народа, к которому консерваторы апеллировали раньше. Такая проблема есть.

В современном обществе идет интенсивное осмысление того, что является большинством населения, общественным мнением, в ипостаси которого в какой-то мере выступает это большинство. Политические деятели пытаются вести свою линию, опираясь на общественное мнение или соответствуя общественному запросу. Этому запросу соответствовал Михаил Горбачев в начале своей деятельности, когда говорил о свободе, о либерализации всякого рода. Этому запросу соответствовал и Борис Ельцин, когда была общественная потребность в легализации этой свободы, чтобы создать институты европейского типа и начать жить, как на Западе, чтобы жизнь соответствовала тамошним стандартам. Не только, кстати сказать, потребительским стандартам, но и стандартам СМИ, связанным с выборами и прочим. Но, как и в случае Горбачева, на стадии имплементации это всё застопорилось. Следующий выраженный общественный запрос был на порядок и стабильность. Ему ответил Владимир Путин. Институциональная имплементация в данном случае была гораздо результативнее. На следующем этапе политика Владимира Путина также опиралась на этот общественный запрос. После восстановления государства у общественного мнения интересовались: «Вы хотите, чтобы боролись с коррупцией?». Общественное мнение отвечало: «Бог с ней, с коррупцией. Главное, чтобы ликвидировать унижительную бедность». Поэтому курс был взят на повышение уровня жизни. Сейчас мы видим, что и этот курс себя исчерпал, примерно в 2010–2011 годах, когда начала формироваться и резко пошла вверх политическая активность. Возникла необходимость правления с опорой на общественное мнение.

Главный тезис моего выступления заключается в том, что на этот раз у политического руководства нет такой возможности, поскольку произошло расщепление общественной повестки дня. Если раньше она была более или менее консолидированной, то сейчас образовалось как бы два народа. В попытке как-то это осмыслить я назвал их для себя «активное меньшинство» (это социологический термин) и некое большинство. Не пассивное, потому что это негативная и неточная оценка. Поначалу я назвал его «молчаливым большинством», исходя из известного американского социологического термина, но потом понял, что более точно будет назвать его «моральным большинством». Поскольку возрождение морали, в том числе моральной легитимации правящей группы, ее деятельности, является главным запросом этого большинства.

Итак, происходило расщепление общественной повестки по большинству острых общественно-политических вопросов. Например, активное меньшинство требует демонтажа и орыночивания социального государства, в то время как моральное большинство, наоборот, его восстановления. По средствам массовой информации меньшинство требует отказа от политической цензуры, большинство – усиления цензуры, но при этом изменения ее с политической на моральную. То есть убрать с телеэкранов бесконечных проституток и бандитов, и телевидению заняться формированием системы ценностей.

Во внешней политике для активного меньшинства моделью являются западные институты. У морального большинства имеется огромное подозрение по отношению к Западу, к его активности – дескать, Запад стремится ликвидировать Россию как самостоятельного субъекта. По конкретным вопросам активное меньшинство считает, что главная цель – добиться безвизовых въездов в шенгенскую зону, и этому должна быть подчинена работа Министерства иностранных дел. В то время как у нас 85% граждан вообще никогда не получали заграничного паспорта, и для них наличие-отсутствие шенгенской визы никакого значения не имеет.

О ценностях. Для активного меньшинства – это свобода, для морального большинства – справедливость.

Дальше – гражданское общество. С точки зрения активного меньшинства, гражданское общество – это общество самоорганизованных граждан для защиты своих прав. С точки зрения морального большинства, гражданское общество – это активность граждан для общего дела, это как бы долг человека обществу. А для меньшинства гражданское общество существует, чтобы вырвать свои права у всего общества.

В отношении личности лидера. Активное меньшинство считает, что им должен быть контролируемый наемный менеджер. Моральное меньшинство полагает, что он должен быть отцом нации, формулирующим основные идеалы, ценности и цели.

В соответствии с этим – государственные институты. Активное меньшинство выступает за контроль снизу со стороны общества. Моральное большинство полагает, что реальным контролем является только жесткий контроль сверху и, возможно, сбоку, со стороны каких-то других субъектов.

Отношение к религии, с моей точки зрения, – это один из ключевых факторов в ближайшем будущем. Активное меньшинство настаивает на том, что религия должна быть выведена в сферу частной жизни и необходимо полное ее отделение от государства. Моральное большинство полагает, что религия должна повысить свою роль в общественной жизни и, более того, она является одной из форм легитимности. Если активное меньшинство рассматривает легитимность прежде всего как бюрократическую легитимность (по Веберу), то моральное большинство полагает, что духовная легитимность является абсолютно необходимой для власти.

По отношению к праву и суду. Активное меньшинство акцентирует внимание на необходимости справедливого суда под контролем общества. Но абсолютное большинство людей в суды никогда не ходит, для них ключевым является взаимодействие с милиционером. И вот они требуют, чтобы милиционер был под жестким контролем.

Отношение к Путину. Активному меньшинству он надоел, создает какие-то проблемы и преграды и потому должен уйти. Моральное большинство полагает, что не дело человека бунтовать против власти, поскольку она имеет некую сакральную легитимность. К тому же нынешний лидер пользуется огромной поддержкой.

Социальная локализация. Активное меньшинство ассоциируется со столицами, моральное большинство – с периферией, активное меньшинство – с частным сектором, моральное большинство – с бюджетниками. Поэтому у них принципиально разное отношение к государству: для активного меньшинства государство – это проблема, которая должна быть как-то ограничена. Для морального большинства государство – это надежда на лучшую жизнь. Отсюда происходит возрождение консервативных идей о русском государстве, освященном некоей большой идеей, как о спасителе России.

Внутри морального большинства назревает расхождение. Коллеги отмечают, что внутри морального большинства реально выделяются Россия-20 и Россия-19. Условно говоря, Болотная площадь – это символ России-21. Поклонная гора – это Россия-20. Эти люди приезжали с крупных промышленных предприятий, и для них Путин – это надежда на реиндустриализацию страны. Но есть еще и то, что называют «Россия Покрова Богородицы», то есть традиционная, доиндустриальная Россия. У нас огромные сектора экономики оказались заброшенными в доиндустриальную эпоху. И мы видим, что такое происходит во многих социальных институтах. Реально это расхождение еще впереди. Чем оно будет спровоцировано, что окажется толчком, – пока неясно.

Итак, моральное большинство – тоже не монолитно. Не говоря уже о том, что в нем выделяется третий элемент – Россия многонациональных республик, нерусская Россия, которая вместе с иммигрантами составляет сегодня уже практически 20%. А с точки зрения политической активности она более активна, чем русская, поскольку обладает такими организованными структурами, как диаспоры и региональные бюрократии.

Еще один момент, который я хотел подчеркнуть – в чем активное меньшинство и моральное большинство сходятся. Сейчас политическое руководство страны готово сделать всё, что хочет народ. Но когда оно идет к народу, оно видит, что народ говорит противоположные вещи: одни – одно, другие – другое. Большинство народа говорит одно, а меньшинство – другое, но это меньшинство значительно ресурсно обеспечено. Если вы посмотрите, кто сидит в социальных сетях, кто выступает по телевидению, радио, кто обладает ресурсами медийными, финансовыми, образовательными, то неизвестно еще, кто с точки зрения ресурсной более насыщен. Ответ получается противоречивым. Тем не менее есть несколько вопросов, по которым они сходятся. Мой прогноз заключается в том, что политическое руководство страны будет вынуждено идти по этим вопросам, для того чтобы соответствовать этим, в остальном кардинально отличающимся, позициям.

Первый вопрос – это мигранты. У большинства и меньшинства абсолютно разные мотивации, но и те и другие против мигрантов, за ограничение мигрантов. Именно поэтому мы видим в последние два года большую активизацию государственной власти именно в этом направлении. Для активного меньшинства мигранты – это балласт в деле вестернизации, для морального большинства мигранты – это прежде всего конкуренты и те люди, которые нарушают закон, нарушают справедливость. Они организованы в диаспоральные структуры, которые перетягивают всё на себя.

Второй вопрос – это образование. Для активного меньшинства, часть которого связана со сферой образования, важно повести образование в направлении вестернизации и увеличения своей социальной базы. Для морального большинства образование – это единственный способ для России стать самостоятельной, потому что необразованная Россия окажется в подчинении. Плюс это способ выйти на более позитивный карьерный тренд.

И третий вопрос – это коррупция. Коррупция сейчас поднимается вверх в рейтинге общественных проблем, потому что проблема ликвидации бедности, которая раньше была номером один, в основном решена. Все эти вопросы будут в мейнстриме. Ибо по любому другому вопросу власть немедленно противопоставит себя части общества.

Кто сегодня является народом? Это представители массовых профессий – шофер, бухгалтер, учитель и врач. Они понимают абсолютную нужность своей профессии и ее укорененность в социально-экономической потребности.

Символом другой части народа – активного меньшинства – является, конечно, журналист, который, собственно, и пытается присвоить себе голос общества.

Наш народ абсолютно фрустрирован. Он не хочет жить. Высочайший уровень алкоголизма, наркомании и преступности является выражением суицидальной реакции большинства на существующий общественный порядок, который с его точки зрения является не воплощением Бога, а воплощением дьявола, не воплощением справедливости, а воплощением несправедливости.

Типология направлений консервативной мысли в современной России

В российской политике консервативное направление – самое проблемное. Русский консерватор постоянно стоит перед проблемой самоидентификации. Какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»?

Ведь произвольно выбранная точка на шкале истории России нередко выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода. Прежде надо разобраться в главном парадоксе отечественной истории: почему прерывание национальной традиции само по себе превратилось в традицию и повторяется от эпохи к эпохе?

Правящий класс не раз и не два в истории России запускал сценарий прерывания традиции. Так было во время Смуты, церковной реформы (раскола), в начале XVIII века, в 1917 году, в 1991-м.

Всякий раз мы видим кардинальный пересмотр и ужесточение прежних условий договора власти и общества. Каждый новый исторический отрезок – как игра на понижение.

Коротко вековую политику российского правящего класса (как официальной власти, так и либеральной «оппозиции») можно определить как перманентную революцию сверху и искусственное прерывание национальной традиции. Вспомним историческую фразу А.С. Пушкина, сказанную при встрече одному из великих князей: «Все вы, Романовы, революционеры». И в пару к ней другую, произнесенную поэтом Максимилианом Волошиным в 1920-х годах, когда он дал Петру I такое поэтическое определение: «Земли Российской первый большевик».

Российская «революция сверху» не имела абсолютно ничего общего с так называемой «консервативной революцией» – напротив, явление это скорее противоположное. Такой идеологический и политический формат всегда делал проблемным отстаивание консервативной идеи в России. У нее никогда не было влиятельных защитников. Будучи не в состоянии противостоять революции сверху, консерваторы на каждом историческом витке оказывались в политическом офсайде.

К сожалению, постсоветский период лишь усугубил эту проблему. Это время очередного исторического разрыва. Отказ от советской идентичности, провозглашенный в конце 1980-х, произошел «в никуда». Общество не вернулось ни к какой другой линии развития, ни к какой системе ценностей. Пока общество не определится с отношением к собственной истории, консерватизм не займет подходящее ему место на социальной и политической карте.

«Что консервировать?» – вот главный консервативный вопрос. Но когда этот вопрос ставится, в консервативном лагере начинается разногласия.

Каков сегодняшний консервативный идеал? В ответ на этот вопрос мы чаще всего получаем набор вечных понятий: «семья», «религия», «нация», «бы-

лые достижения». Или совсем просто и бесхитростно: «стабильность», «патриотизм». Представления о традициях, достойных сохранения, у разных консерваторов разнятся. Вот примерная типология направлений консервативной мысли в России.

Антикварный консерватизм. Ориентирован на отдельные фрагменты исторической реальности, вырванные из общего исторического контекста. Например, монархисты с ностальгией думают о престолонаследии и убиенном Николае II. Вопрос о «качестве» российской монархии в те или иные периоды обычно не ставится. Хотя очевидно, что, например, имена Ивана III, Алексея Михайловича, Петра II, Петра III, Павла I, Александра I, Александра II, Александра III символизируют очень разные тенденции в российской монархической государственности и дело не только в исторической удаленности этих фигур. Иногда речь заходит о претензиях на российский престол кого-то из потомков Романовых, но с какими политическими целями, остается неясным. Такой подход напоминает тоску некоторых европейских консерваторов конца XIX – начала XX века по сословно-династической Европе. Антикварный консерватизм предполагает фрагментарный взгляд на историю. Нередко он нетерпим к консерваторам иного типа, то есть объективно работает на разъединение, а не интеграцию консервативных идей. К российской политической реальности он не имеет прямого отношения.

Ситуативный консерватизм. Другая крайность. Он привязан к сиюминутной политической ситуации. Как правило, это реакция на кулуарность и «элитарность» политических интересов, на непрозрачность политических решений, на борьбу олигархических групп и кланов в современной России. Все это исключает стратегическую линию и четкую идеологию в национальной политике.

Констатируя данную ситуацию, «ситуативный консерватор» использует консервативную идею просто как синоним необходимости директивных решений и усиления политического централизма. Сама по себе эта позиция понятна и объяснима, но к консервативной идеологии имеет опосредованное отношение. Необязательно быть консерватором, чтобы ее разделять. На примере украинского кризиса мы видим, что ту же позицию разделяет значительная часть российских левых.

Консерватизм и государственничество – естественное и здоровое сочетание. Но нередко все заканчивается призывом «Нам нужна консервативная политика, причем срочно. Вот политическая программа». По умолчанию считается, что с этой новой прекрасной программой можно победить на выборах и начать новую жизнь. На этом реальное участие в политике заканчивается. Даже в условиях ельцинской мультипартийности не было случая, чтобы консерваторы всерьез засветились на предвыборном этапе, не говоря уже о преодолении пресловутого пятипроцентного барьера.

Консервативный коммунизм, или «проект “СССР-2”». Самое парадоксальное явление в нашем ряду. С одной стороны, условные «консерваторы» советского типа наследуют доктрине исторического нигилизма – то есть традиции отказа от традиции. В этом парадоксальность их позиции. А с другой – парадокс заключается в том, что как раз они, в отличие от большинства других консерваторов, довольно точно знают, что хотят реконструировать. Им нужна реставрация исторически локального проекта советского социального этатистского государства. Это четко поставленная, но вряд ли выполняемая задача – хотя бы потому, что материальная база СССР разрушена и воссоздавать ее некому. Не гастарбайтеры же будут строить «новый СССР». Не говоря уже о проблемах с выстраиванием адекватной идеологии.

Евразийство. Трендовый консервативный проект. Включает в себя четкую антизападническую ориентацию. Но столь же последовательное неприятие вос-

точного вектора зависимости (не менее опасного, чем западного) отсутствует. Возникает перекося. Проект «Русская Евразия» можно обозначить как «мультикультурализм для державников».

Национал-консерватизм. Одна из разновидностей национализма. С евразийцами национал-консерваторы находятся в отношении прямой идейной и политической конкуренции. В последнее время русский национализм пребывал на распутье между так называемым имперством и открытым либерализмом западнического толка. Случай Навального – яркое тому подтверждение. Внутри национализма шло размежевание. Возможно, нацистский путч на Украине ослабит позиции либерал-националистов и скорректирует часть националистов в левом направлении. Иногда возникает впечатление, что деятельность некоторых национал-консерваторов несколько карнавальна и имеет целью маргинализацию самого национал-консервативного дискурса. Например, Иван Охлобыстин в своей «Доктрине 77» сначала успешно маргинализировал имперскую идею, а потом стал вышучивать и православие, рассказывая всему миру о своем celibate.

Церковные и околоцерковные консерваторы. Считают, что Русская Православная Церковь ответственна за сохранение всей национальной традиции, а не только внутрицерковной, поскольку эта функция в 1990-х не была выполнена государством и недостаточно выполняется им сейчас. Другой тезис церковных консерваторов: православие является не только главной («государствообразующей») российской конфессией, но и основой общественной этики, подобно протестантской этике в Европе и США.

Возможности церковного консерватизма ограничены, поскольку церковь по закону отделена от государства и не имеет права создавать политические организации, а священники не могут выбираться на государственные должности. Понимания светскости, аналогичного, например, американскому, позволяющему священнику быть в США заметной политической фигурой, в России пока не выработано.

Либерал-консерватизм. Разновидность либерализма, представители которого придерживаются державно-патриотической риторики, не отрицая при этом экономического либерального курса (сырьевая экономика, сворачивание социальных программ, вывоз капитала, зависимость от мировых финансовых центров). Консервативная фразеология вызывает у обывателя иллюзию, что ее носители защищают некие ценности и национальные приоритеты. Что в данном случае консервируется, очевидно. Консервируется российский либерализм. Не как идеология, но как модель развития.

Таковы основные модели консерватизма в России.

В этой типологии есть одна важная закономерность. Каждая из перечисленных групп либо не участвует в реальной политике, либо скрывает под вывеской консерватизма иное политическое содержание. Последнее особенно хорошо просматривается на примере либерал-консерваторов.

Либерал-консерватизм – обычное явление для стран Запада. И американский «неоконсерватизм», и европейский «неолиберализм» исследователи справедливо объединяли в рамках этого направления. Но для России как страны с периферийной экономикой это явление контрпродуктивно.

Вообще мировая политика и экономика являют собой пример «двойной парадигмы», в которой действует правило центра и периферии. Капиталы перетекают от периферии к центру, то есть из стран третьего мира в страны первого. В этих условиях западные либералы, отстаивая status quo, укрепляют экономику своих стран.

Россия сегодня объективно принадлежит к мировой периферии. Либеральные принципы в России также работают на сохранение этой модели, но для

России она означает не присвоение, а отдачу – вывоз сырья и капиталов, утрату внутреннего рынка, захваченного импортом.

Следовательно, западный либерал-консерватор по своей функции именно консерватор: он стабилизирует полезную для своего общества систему. Российский либерал-консерватор, исповедуя те же взгляды, социально деструктивен. Он – «гарант» вывоза капиталов из страны.

Учитывая эту особенность современного мира, необходимо проверить ряд положений, которые до эпохи ультракапитализма считались незыблемыми. Необходимо поставить вопрос о том, какая позиция на российском политическом поле является объективно консервативной, а какая, пусть даже опирающаяся на консервативные символы, претендовать на звание консервативной не может.

Сегодня это одна из главных фигур умолчания в российской политике. Разрушение российского политического мифа в этой его части – дело очень недалекого будущего. Но обыватель все еще уверен: консерватор – это тот, кто носит на груди табличку «Консерватор», набранную для пушечей наглядности готическим шрифтом.

К сожалению, в России набирает силу безудержное жонглирование политическими понятиями. Оценочных суждений много, а критериев политической принадлежности мало. Главный из них связан с ответом на вопрос: как соотносятся экономика и идеология?

В той разметке политического поля, которая сегодня присутствует в сознании рядового обывателя, реальные консерваторы не занимают положенного им места. Но в конечном счете – исторически – Россия неизбежно придет к необходимости консервативной политики. Потому что единственная его альтернатива – либерализм – в России, как в любой стране мировой «периферии», не выгоден большинству. Следовательно, он может быть только авторитарным. Или не быть вообще.

И это основная причина, по которой отечественная марка либерализма стремится приобрести консервативную окраску.

С.Ф. Черняховский. Теперь вопросы и выступления.

Б.И. Макаренко. Скажите, пожалуйста, почему на данный момент на наш консерватизм благожелательнее всего реагируют фигуры для западного консерватизма, мягко говоря, странные или маргинальные? Например, партия «Йоббик», Найджел Фарадж или адвокат Уильям Пеппер, который пытается доказать, что Сирхан Сирхан не убивал Роберта Кеннеди.

М.В. Ремизов. На самом деле наиболее крупная партия, которая стоит в этом ряду, – Национальный фронт Марин Ле Пен. Это Франция, которая стремительно демаргинализуется. Страна, олицетворяющая тот синтез, о котором я говорил: антиглобалистская, то есть направленная против неолиберализма транснациональных корпораций, она одновременно направлена против новых левых и фрейдомарксизма и против нового варварства, которое там представлено в лице исламизма, фундаментализма. Это уже некая новая сила, которая сейчас стала третьей партией. В интеллектуальном поле во второй половине XX века консерваторы пережили настоящий геноцид идей. Этот геноцид связан не столько с денацификацией, сколько с активной борьбой за гегемонию со стороны новых левых и неолибералов начиная с 1960–1970-х годов. В результате этого интеллектуального геноцида европейские консерваторы, в том числе весьма уважаемые, были маргинализованы. В Германии неприлично заниматься Гегелем, а неокантианские исследования хорошо финансируются. Гегелем же заниматься неприлично – это фашизм. Если вы занимаетесь не «Наукой логики», а «Философией права» – это уже как минимум подозрительно. Но опять привет Франции. Там идет стремительное развитие UMP (Союз за народное движение), в котором формируется правое крыло. Это «народная правая» и «сильная правая». Они по своим взглядам уже близки к Марин Ле Пен, за исключением экономики и некоторых экстремальных вещей типа выхода из еврозоны. Они к России и к Путину относятся совершенно по-другому, чем Франсуа Олланд или Франсуа Фийон. Некоторые об

этом говорят уже с трибуны. Я недавно был на конференции, там выступал Тьерри Мариани, лидер «народной правой» – одной из фракций в рамках UMP, то есть партии Саркози. Он очень жестко критиковал брюссельскую позицию по Украине и, таким образом, в контексте диалога поддержал российскую позицию. Подчеркиваю, это «системный» политик. Сам Саркози сейчас немножечко залег на дно, но в общении со своими конфидентами он фактически во многом солидаризуется с российской позицией, а не с Олландом, не с Вашингтоном и не Брюсселем. Эти люди вынуждены существовать под сильным прессингом: когда мы выходили с той конференции, против Мариани уже стоял пикет с украинскими флагами. Но эти люди существуют. И представлять дело таким образом, что это театр клоунов, несправедливо.

С.Ф. Черняховский. Спасибо большое. Два слова добавлю к этому вопросу. В классификации мы немножко потеряли национализм как четвертую из идеологий. Понимаю, что его по-разному можно присоединить туда, но как раз Национальный фронт не столько консервативен, сколько националистичен, что вполне стыкуется. Национализм в разные исторические периоды оказывался как правым, так и левым. Парижская коммуна была националистической и коммунистической. Но при этом надо иметь в виду и такую вещь: во Франции майские выборы в Европарламент выиграл Национальный фронт, став в своих лозунгах в большей степени социальной партией, чем социалисты. Он обошел их слева, потому и стал выигрывать.

М.В. Ремизов. Он обошел левых на консервативной повестке. Левые теряют французский рабочий класс на поддержке иммигрантов.

В.Е. Хомяков. Сначала к господину Щипкову вопрос по поводу классификации консерватизма по семи направлениям. Не кажется ли вам, что ситуативный консерватизм, который вы упомянули, и либеральный консерватизм в центристском исполнении последнего исторического периода, когда пытались сделать квазиконсервативную партию

центристов (я имею в виду ПРЭС, НДР и ныне здравствующую «Единую Россию»), что они являются, с одной стороны, ситуативным консерватизмом, поскольку боролись за симпатии нарастающего национально-консервативного большинства в России, а с другой – либерал-консерваторами по сути, поскольку отстаивают либеральные ценности?

А.В. Щипков. Конечно, пересечение очевидно. Я решил выделить, чтобы обратить на это внимание.

А.И. Болдырев. У меня вопрос к Щипкову. Среди современных типов консерватизма вы выделили «консервативный коммунизм 2.0». Если я правильно понимаю, кого вы имеете в виду, то едва ли это можно назвать консерватизмом в строгом смысле слова. Они претендуют на концепцию сверхмодерна. Кстати, они активно опираются на Бердяева, под именем которого мы сегодня собрались, в частности на работу «Истоки и смысл русского коммунизма». Это апгрейд советского.

А.В. Щипков. Если вы, Алексей Иванович, обратили внимание, я никого из перечисленных до конца не считаю консерватором. Что касается коммунистов и «СССР-2», я говорил только о том, что они точно знают, что хотят консервировать, хотят вернуть.

А.А. Леонов. У меня вопрос к Михаилу Витальевичу [Ремизову. – *Ред.*]. Идеология должна не только обеспечивать социальную стабильность, но и как минимум не мешать конкурентоспособности страны. Мы помним, как в нашей стране из-за того, что было единственное учение марксизма-ленинизма, был нанесен колоссальный урон по кибернетике как лженауке. У меня вопрос связан с вашим тезисом о дегуманизации как направлении разрушения современного общества. Не кажется ли вам, что консерватизм способен поставить заслон перспективному исследованию в области биотехнологии?

М.В. Ремизов. Консервативная позиция по вопросам биоэтики подразумевает именно блокировку определенных технологических разработок – не исследований. То, что связано с

возможностью манипулирования человеческим геномом, создания киборгов, манипуляциями с ребенком (ткани из абортивных материалов и т.д.). Но этот блок должен быть компенсирован другим направлением развития технологического прогресса. Консервативный подход к прогрессу – ставка не на трансформацию человека, а на освоение природы. И в этом смысле коалиция новых левых, неолибералов и “New Age” в гораздо большей степени подрывает основы прогресса, понимаемого как освоение человеком природы, освоение стихий. Эта коалиция поворачивает прогресс в направлении, показанном в фильме «Матрица». У истоков отказа от освоения природы стоял Римский клуб, существующий и по сей день. Что предлагает их программа помощи Африке? Они голодным детям привозят гаджет, планшет. Вот – идеальная метафора. Они прекрасно понимают, что делают. Это определенная философия прогресса. Соответственно, речь не о том, вы за прогресс или против прогресса, а о том, какой путь прогресса вы продвигаете. Ставка консерватизма как мягкой силы России – на прогресс, который заключается не в освоении гаджетов, а в освоении природы, Арктики, космоса, в освоении стихий, с робототехникой – чтобы компенсировать старение населения.

Н.В. Стариков. У меня вопрос к коллеге Щипкову. Вы сказали, что российские либералы исповедуют те же взгляды, что и либералы западные, что приводит к противоположному результату для государства. Консерватизм является антиподом либерализма. Означает ли это, что, усиление консервативных тенденций на Западе, нанесет ущерб государствам наших геополитических партнеров?

А.В. Щипков. Взаимодействие российского консерватизма и консерваторов Европы может строиться на одной общей платформе. Эта платформа единственная – христианство. Если на этой платформе, тогда мы найдем общий язык. Если на каких-то других платформах, то тогда, возможно, произойдет то, о чем вы говорили.

Л.В. Поляков. Во-первых, хочу поблагодарить инициаторов нашей сегодняшней встречи. Мы

не часто – наверное, никогда – в таком формате не собирались. Странная на первый взгляд площадка. Это не просто научный семинар, а такая инновационная форма разговора. Учитывая, что здесь собрались профессионалы с академическим бэкграундом, хочу поставить одну задачку или напомнить об одном аспекте, который в рассуждениях людей с учеными степенями должен быть учитываем обязательно. Вот у Александра Владимировича [Щипкова. – *Ред.*] прозвучали фразы о том, что эти все семь типов консерваторов – не настоящие. Я цитирую: «Есть объективно консервативная позиция, а есть реальные консерваторы». Когда возникают из тумана объективные консерваторы и реальные консерваторы, то первый вопрос – об эпистемологической оптике. Мы же наблюдаем объект, и у каждого свой инструмент наблюдения. Напомню, знаменитую статью Хантингтона «Консерватизм как политическая идеология» 1956 года. Он приводит три базовые позиции, с которых можно усматривать консерватизм. Консерватизм, который понимается как реакция на французскую революцию и где он впервые появляется, артикулируется Э. Бёрком. Это один подход. Похоже, в нашей ситуации мы его не разделяем. Второй – консерватизм как объективная мыслительная структура – если вы методолог в школе социологии знания Карла Мангейма. Третья, придуманная Хантингтоном, позиция, где отчасти звучит ситуативность, но вообще имеется в виду, что консерватизм отличается от двух идеационных идеологий – социализма и либерализма – тем, что он ситуативен, поскольку защищает традиционные институты. Я был бы благодарен каждому участнику дискуссии, если он себя идентифицирует и объяснит, почему эта триада не релевантна по отношению к разговору о консерватизме.

В.Е. Хомяков. Продолжу о том, о чем начал говорить, задавая вопрос. Понятия консерватизма как такового у нас не существует после многих десятилетий, не то чтобы забвения, а сознательной его дискредитации. Многие воспринимают консерватизм как отрицание перемен. Очень хорошее определение: «Он не препятствует движению вперед и вверх, но препятствует движению

назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию предшествующему образованию государств и культур». В этом смысл консерватизма истинного.

Что мы понимаем под традиционными ценностями, которые требуют защиты? Те самые советские консерваторы, которых вы упоминали, понимали под консервативными ценностями то, что им памятно по временам СССР. Да и в старой России под такими ценностями тоже понимали не совсем традиционные. Весь XIX век традиционной ценностью считалось крепостное право наряду с самодержавием. И это неправильно, поскольку это была новация. Полноценное крепостное право у нас было со времен Петра I, с первых западных реформ. Мы должны понять, о чем мы говорим, когда идет речь о консервативных ценностях. Каждый говорит о своем. Чтобы возникло единое понимание, мы должны обратиться к истокам становления русской цивилизации, временам Третьего Рима, к первой попытке сделать консерватизм государственной идеологией. То, что было придумано в царстве Московском, это был протоконсерватизм, не цивилизованный, научно не обоснованный. Тогдашние ценности – соборность, семья как малая церковь, общая мотивация к развитию как к коллективному спасению, а не как к накоплению материальных благ. Именно там следует искать истоки. Абсолютно правильным и современным звучит понимание сути России как государства-цивилизации, которое наконец-то воспринято нашей властью. Это опора на некие духовные установки и традиционные ценности, о чем тоже никогда не говорили за последнее десятилетие. У нас государственной идеологией был либеральный консерватизм ситуативного характера. Он имел целью привлечь к себе внимание национально-консервативного электората, которого всегда было большинство. В рамках консерватизма возможные разные подходы к государственному устройству. Тот же Ильин говорил, что демократия заслуживает признания, если она позволяет выделять к власти лучших, то есть формирует аристократию. А уж Ильин-то был консерватором и убежденным монархистом. Наконец, некое антизападничество, но не как ксенофобия ко всему непохожему на себя, а в

качестве иммунитета против разрушительных процессов...

Итак, любой консерватизм религиозен в изначальных ценностях. Кроме того, он всегда национален по духу – не бывает общего консерватизма. Кто-то сказал: «Консерватизм английский от русского отличается, а либерализм у всех одинаковый». Наконец, консерватизм всегда патриотичен по сути, нацелен не на разрушение, а на сохранение государственности. И в этом смысле тот консерватизм, который мы в будущем можем рассматривать в качестве основы для государственной идеологии, может быть православным, русским, государственным. Плюс к этому он должен быть современным, а не бородатым в косоворотке и лаптях. Он не должен быть конъюнктурным. Он не может оставаться замкнутым, а должен быть открытым для совместимых с ним наработок из двух других идеологий.

Н.В. Стариков. Хотел еще раз выразить восхищение теми первыми коллегами, которые вступили на не столь протоптанный путь разработки концепции нашего отечественного государственного консерватизма. Мне бы хотелось добавить свой вклад в первый доклад, который из-за его полноты остался не произнесенным полностью, о чем я очень сожалею.

Господь Бог наделил нас не только огромной территорией, природными богатствами, но и народом, состоящим из многих наций. Все эти нации чрезвычайно консервативны. Мы не найдем на территории Российской Федерации какой-либо нации, которая двинулась в сторону либерализма и дистанцируется от консерватизма больше, чем все остальные народы. (А такую народность, как «москвичи», мы не должны рассматривать в качестве народа. Она немножко продвинулась в сторону от наших консервативных ценностей.) Все остальные народы консервативны в одинаковой степени – нет большой разницы между представителями славянских национальностей, кавказских, народов Севера или тюркских народов, проживающих в России.

Имея столь единый в консервативных ценностях народ, мы можем стать оплотом консерватизма в мире. Все, что мы с вами делаем, мы должны

делать в одном направлении: как сделать так, чтобы Россия была сильной, а наши соперники были не столь сильны, как наша Родина-матушка. Мы должны думать, как занять нишу самой консервативной страны мира. В этом случае развитие ситуации, которую мы наблюдаем в Европе, в ближайшей перспективе может привести к тому, что в Россию начнется эмиграция, такая же, как была при матушке Екатерине. Потому что многие люди не смогут жить в той Европе, которая сегодня активно строится, – им там будет невозможно реализовывать себя, высказывать те взгляды и мысли, которые они имеют. Эти взгляды и есть консервативные. В этом смысле уместно вспомнить солдат наполеоновской армии, которые остались в России. Когда их потом пытались депортировать, они всячески тому препятствовали и в количестве примерно пятидесяти тысяч растворились на ее необъятной территории. Им не хотелось ехать в просвещенную Европу из консервативной России.

Сегодня консервативные партии во всем мире задавлены либеральным дискурсом, который транслируется из всех западных СМИ. Называя себя консервативными, эти партии соглашались с насаждаемым либерализмом. Тема однополых браков во Франции. Да, там были протесты. А в Великобритании – на что уж там консерваторы – и протестов никаких не было, в парламенте – полная тишина.

В заключение, Россия исповедует консервативные взгляды не только внутри общества, но и в своей внешней политике. Коллега Хомяков сейчас процитировал Бердяева о том, что консерватизм – это невозможность откатываться назад. Сегодня в международной политике консервативные ценности – это международное право, роль ООН, многополярный мир и права человека – всё то, что в сегодняшнем мире находится под угрозой.

М.Ю. Виноградов. Мне виделось полезным в ходе сегодняшнего разговора сделать акцент на двух направлениях. Главная задача – заузить термин «консерватизм», очистить его от отождествления с традиционализмом, реваншизмом.

Как мне представляется, консерватор – это человек, который делает акцент на самоценности настоящего или, как меня поправил Борис

Макаренко, самооценности достижений к настоящему времени. Для него ценны те вещи, которые позволяют не расплескаться: семья, самоорганизация, самодостаточность, институты, традиции. Поэтому важно было бы увидеть в позициях и реваншистов, и либералов те консервативные начала, потребность в которых очевидна. 9 Мая даже те, для кого оказалась неприемлемой эстетика этого праздника, в социальных сетях публиковали фото своих предков, родственников. И даже лозунг «Спасибо деду за Победу!». В том числе как запрос на признание образа деда. Эта та консервативная ценность – признание предков, – которая сегодня объединяет представителей самых разных взглядов.

Второе – границы понятия «консерватизм». Тема нашего заседания сегодня – «Мобилизационный потенциал консервативной идеи». Хотя сама по себе мобилизация может консерватизм и расплескать, она разрушает привычные сегодня ценности – ценности потребления, индивидуализации, семьи. Думаю, что российское общество сегодня не испытывает запроса на мобилизацию. Потребность разьяснять, за что вы любите Россию, на мой взгляд, вредная с точки зрения консервативной идея, потому что лояльность слову «Россия» важна тем, что она не проговаривается, а признается всеми. Как только вы начинаете требовать разговора о том, за что вы любите Россию...

Или вот еще тема – «Консервативные ценности как ресурс социально-экономического прорыва». Слово «прорыв» – достаточно радикальное и, на мой взгляд, не очень соотносится с консерватизмом. Мне кажется важным, говоря о консерватизме, установить границы. Например, в истории, при рассмотрении тех или иных исторических персонажей, уходить от оценок, а искать опыт, который сегодня может оказаться полезным. Или, говоря о религиозности России, стараться не переоценивать этот фактор, особенно в сравнении с такими странами, как Польша, Италия или та же Украина...

Я хотел уберечь от оценок традиционалистских, которые подчас ставят мудрость выше разума. Вот акцент на консерватизме как на признающем самооценности настоящего мне представляется очень важным. В противном случае, если утилитарно использовать это слово, объединяя все, что угодно, есть риск, что через несколько

лет по ценности слово «консерватизм» будет сопоставимо в лучшем случае с модернизацией.

М.В. Ремизов. Если посмотреть на ценности, которые являются консервативными, и на то, какое место по этим ценностям наша страна занимает, то мы увидим, что Россия – не самая консервативная страна. Россия не самая религиозная страна из христианских стран Европы – Южная Европа нам в этом плане даст фору. Почему тогда консервативное послание со стороны России уже имеет особый резонанс? За счет чего? Я думаю, здесь работают три фактора: 1) личный бренд Путина; 2) наличие полноценного суверенитета, что придает особый вес идеологическому самоопределению государства; 3) великая европейская христианская культура. Китайцев мы не интересуем как евразийцы, потому что для них евразийцы – это дикие степняки. Китайцев мы интересуем как великая европейская культура. Исходя из этого, консервативное послание в устах России будет иметь особый резонанс. Какие сигналы могут быть заложены в это послание?

1. Христианский гуманизм. С одной стороны, признание христианских основ современной цивилизации как таковой. Нет других оснований у культуры прав человека кроме «странной» идеи о том, что у всех людей есть бессмертная душа и в этом качестве они онтологически равны перед Богом. Если убрать это основание, культура прав человека трансформируется в языческий культ. Сюда я включил бы и защиту христиан. Мы об этом много не говорим в контексте сирийского кризиса, но в католических средах, в Италии, во Франции, очень большой резонанс имеет то, что Россия оказалась единственной великой державой, которая сирийскую ситуацию комментировала в том числе в контексте угрозы христианству. С другой стороны, гуманизм – потому что речь идет о противодействии разрушению структуры человеческой личности в том виде, как она задана христианской цивилизацией. Принимать эту структуру личности не означает быть верующим христианином. Точно так же как любить русскую литературу не означает быть православным, хотя у русской литературы есть восточно-христианские корни. То есть речь идет об определенном наборе культурных универсалий,

которые имеют корни в религиозной традиции, но способны действовать независимо. Но тем не менее отрывать эти корни нельзя.

2. Стиль международно-политического поведения России. Я понимаю опасения тех, кто говорит, что Россия обрушила свой потенциал мягкой силы решением по Крыму и позицией по Украине. До этого она выстраивала свою риторику как легитимистская держава, которая выступает за территориальную целостность, за статус-кво в международных отношениях и примат международного права. Здесь же она выступила как ревизионистская держава. И все же разрыва в российской политике нет. Ибо ее фундамент – политический реализм, то есть ответственность за недопущение хаоса, стратегическая ответственность в зонах геополитического соседства. Это то, чего остро не хватает Брюсселю и США. США неинтересна тема стратегической ответственности в Евразии, им интересна игра с хаосом – по крайней мере части американских элит. А Брюсселю – потому, что они политические кантонианцы. Они считают: делай, что должен, и будь что будет. Ты должен следовать своим ценностям, своим убеждениям, демократизировать везде и всюду, везде и всюду поддерживать хорошие партии против плохих. В этой философии вторичен вопрос – будут ли потом миллионы беженцев и пострадают ли от этой политики собственные компании. В основе же российского реализма лежит то, что Вебер назвал этикой ответственности (в отличие от кантонианской этики убеждений). Политик – это тот, кто действует с ответственностью за результат. Для него важна не моральная безупречность форм, а результат. Ответственность за результат является важным сигналом российского стиля в международной политике.

3. Национальный суверенитет и деглобализация. Мы воспринимаем суверенитет как фактор национального престижа, и Россия ассоциируется сегодня с отстаиванием принципов национального суверенитета как самоценности. Такой подход содержит

в себе потенциал стать лидером развития.

Что такое развитие? Это развитие общества как системы, усложнение при сохранении свойств системности. За счет чего у общества как у субъекта развития могут сохраняться свойства системности? За счет того, что субъектом эффективности в экономическом развитии выступает общество в целом, а не отдельные корпорации и индивиды. А успех общества в целом может быть гарантирован только национальным суверенитетом.

4. Перефокусировка технологического прогресса. В 1960-х годах люди думали, что в начале XXI века они заселят космос и всю работу будут выполнять роботы. В итоге всё стали производить китайцы. Вместо освоения космоса и покорения стихий мы получили много ненужного, например, в виде опций на мобильных телефонах и имеем шанс получить еще больше бессмысленных вещей. Если сегодня технологический прогресс является заложником маркетологов, а маркетологи являются манипуляторами человеческой природой, превращая человека в существо потребляющее, то технологический прогресс в консервативном понимании связан с неприятием виртуализации, с приоритетом реального сектора. Это есть прогресс, связанный с покорением стихий.

5. Приоритет созидательной экономики перед виртуальным сектором и солидарной экономики перед неограниченным обогащением сильнейших. Этому последнему критерию Россия сегодня не соответствует. И потенциал ее мягкой силы это очень ограничивает. Европейские консерваторы говорят: очень хорошо, что Путин придумал материнский капитал и вы не голосуете за Кончиту Вурст, но Россия сегодня ассоциируется с олигархией. И до тех пор, пока это так, потенциал ее мягкой силы, именно в консервативном звучании, будет ограничен.

С.Ф. Черняховский. Спасибо большое, коллеги. Программа первого заседания выполнена.

Институциональные условия производства идеологий в современной России: возможности и ограничения

Цель доклада – проанализировать институциональные условия производства идеологий в современной России с позиций теории идеологий. Его основные тезисы можно суммировать следующим образом.

1. Начавшийся еще в середине перестройки переход от монополии официальной идеологии к плюрализму идей и направлений происходит в специфическом политическом и интеллектуальном контексте, который во многих отношениях не способствует оформлению идеологий, если понимать под этим термином *более или менее связные системы убеждений, которые объясняют и оправдывают предпочтительные перспективы развития общества (то есть разного рода «измы»)*¹.

Завершение «холодной войны» совпало с концом «века идеологий»: повсюду в мире наблюдается размывание идеологических границ, фрагментация и гибридизация, умножение «неполных» (thin), «молекулярных» мини-идеологий, сфокусированных на конкретных проблемах и лишенных «глобальных» амбиций старых «измов». В этой связи встает вопрос о судьбе традиционных идеологий. Скептики утверждают, что с изменением условий, породивших фундаментальные идеологические водоразделы эпохи «модерна», большие «измы» утрачивают практическое значение. Оптимисты указывают на различные механизмы их адаптации к новым условиям производства смыслов. Так или иначе, основные идеологии, несомненно, образуют «иллюзорное целое, которое служит отправной точкой» (М. Фриден): не случайно новые идейные размежевания описываются старыми терминами «правый / левый», «либеральный», «консервативный», «радикальный» и др., даже если связь между актуальными политическими силами и историческими смыслами данных понятий весьма условна.

Однако в постсоветском контексте проблема усугубляется разрывом преемственности: в конце 1980 – начале 1990-х все «измы» конструировались «с чистого листа». Их изобретение было не только политической, но и интеллектуальной задачей, которая решалась за счет адаптации современного «западного» опыта и реконструкции отечественной традиции. К сожалению, постсоветская элита в начале 1990-х годов была плохо подготовлена к решению этой задачи: она не только была плохо знакома с наследием предшественников, но и, в отличие от дореволюционной интеллигенции, была весьма избирательно интегрирована в международное интеллектуальное пространство.

¹ Хотя многие исследователи находят такую интерпретацию данного понятия слишком узкой для описания современных идеологических практик, она, несомненно, релевантна для российского политического дискурса. В частности, по-видимому, именно в этом смысле следует интерпретировать формулировку ч. 2 ст. 13 Конституции («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»).

Немаловажно, что нормативные представления постсоветских идеологов и их аудитории в значительной мере определялись опытом функционирования официальной советской идеологии, предполагавшей многоканальную индоктринацию на основе весьма целостной и связной (не значит – непротиворечивой) системы представлений, над производством и внедрением которых трудилась целая система государственных и партийных институтов. Опыт жизни в утопии стимулирует неудовлетворенность набором конкурирующих неполных идеологий.

Вместе с тем сам масштаб постсоветских социальных трансформаций порождал запрос на идеологии-мировоззрения, учитывающие не только «технологические», но и социокультурные аспекты происходящих перемен (неадекватность конкурирующих идеологий ожиданиям общества выступала в качестве одной из существенных составляющих постсоветского синдрома «кризиса идентичности»). Таким образом, имел место зазор между потребностью в системных идеологиях и возможностью ее реализации.

Еще одной неизбежной проблемой трансформирующегося общества является неустойчивость социальной структуры. Не случайно аналитики связывают проблемы многих «измов» с отсутствием для них социальной базы.

Наконец, не менее важной проблемой является наличие институциональных стимулов идеологической деятельности и качество «человеческого капитала» элит (компетенция «производителей идеологий»).

Все эти обстоятельства создают ограничения для конструирования «измов» как относительно целостных политических мировоззрений. На наш взгляд, речь должна идти не столько о принципиальной невозможности формирования более или менее связных систем убеждений в постсоветском контексте, сколько о вполне объективных препятствиях, которые можно пытаться осознанно и целенаправленно преодолевать.

2. Возникает вопрос: чем определяется связность и системность «измов»? В теории идеологии можно обнаружить несколько вариантов ответов на этот вопрос:

– системность идеологий определяется интересами социальных групп (К. Маркс);

– системность идеологий имеет историко-ситуативную природу. «Сцепление» идей происходило потому, что в контексте проблем, возникавших в модернизировавшихся обществах, определенные типы решений тяготели друг к другу, складываясь в более или менее скоординированные мировоззрения, позволявшие ориентироваться в меняющейся социальной реальности (по К. Мангейму, «мыслят... не изолированные индивиды... мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию»);

– морфологическое объяснение – подход, развиваемый Майклом Фридемом, согласно которому системность идеологий определяется логикой сопряжения ключевых политических концептов, выражающих «конечные ценности». Политические идеи образуют «семейства смыслов», то есть являются элементами холистских структур и черпают смысл из их внутренних взаимосвязей. Если так, то люди, использующие политический язык, будут составлять различные сообщества, придерживающиеся определенных мыслительных практик. Однако это свойство политического языка одновременно является источником уязвимости идеологий: с одной стороны, их воспроизводство требует усвоения единого концептуального пакета, с другой – ни у кого нет монополии на ключевые концепты, которые могут быть заимствованы и реинтерпретированы конкурентами.

Очевидно, что все эти факторы, обеспечивающие связность идеологий, плохо работают в постсоветском контексте. Другими словами, у постсоветских идеологов мало стимулов к производству целостных систем убеждений.

Впрочем, это не означает, что продукты их творчества не имеют шансов на успех. Как справедливо писал Б.Г. Капустин (1996), политическая успешность идеологии не связана необходимым образом с ее способностью дать «общую перспективу» фрагментированной действительности – она может проистекать из адаптации к ситуации бессмысленности (например, эксплуатировать фрустрацию общества). Увязка «успешности» с «продуктивностью» зависит от *практики идеологической коммуникации*.

3. Идеологии существуют в режиме диалога, они формируются в конкуренции с соперничающими системами смыслов. Критическая составляющая играет существенную роль в оформлении идеологий: как хорошо знаютистики политической мысли, именно то, что приходится отстаивать, возражая оппонентам, как правило, приобретает более отчетливые, «хрестоматийные» черты, нежели то, что при всей своей важности не подвергается сомнению. Логика эволюции разных сегментов идейно-символического пространства постсоветской России является взаимозависимой.

На наш взгляд, перспективы современного российского консерватизма во многом определяются спецификой постсоветского либерализма и особенностями конфигурации националистических дискурсов. И в том, и в другом случае консерватизму не повезло.

Современный кризис российского либерализма – следствие не только его целенаправленной маргинализации в итоге политических реформ 2000-х годов, но и неудачного «изобретения». Либерализм в постсоветской России сложился как экономоцентрическая идеология [цивилизованного] капитализма, отличительными характеристиками которого стали антиэтатизм (как результат нетворческого усвоения «модных» версий современного европейского либерализма), антипатернализм (несмотря на наличие социал-либеральных политических проектов либерализм ассоциируется с «опорой на собственные силы» и воспринимается как идеология для «самодостаточного» меньшинства), антиимпериализм и умеренный гражданский национализм (что в контексте идеологических тенденций 2000-х в купе с антиэтатизмом стало основанием для обвинения либералов в отсутствии «патриотизма»), а также элитизм политического стиля. В 2000-х годах консерватизм складывается как антилиберальный проект; при этом он зеркально отражает конфигурацию идеологической повестки либералов, со всеми ее недостатками.

Одновременно консервативный проект стремится компенсировать политическую слабость русского / российского национализма, которая является следствием отсутствия определенности относительно предпочтительной модели макрополитического сообщества, а также стремления значительной части политического класса поддерживать состояние неопределенности за счет «отложенного выбора». В силу того, что до сравнительно недавнего времени этот сегмент отличался аморфностью, в качестве его общего знаменателя выступает антизападничество.

Диалогичность «измов» обуславливает их зависимость друг от друга. Можно сказать и иначе: качество конкурирующих идеологий влияет на результаты самой конкуренции. В свое время (1997) М.В. Ильин писал о потребности в общенациональном идейном койне¹, через которое осуществляется «перевод» идеологий и мировоззрений. Качество такого «койне» определяется уровнем развития конкурирующих идеологий. Незрелое политическое со-

¹ Койне – здесь – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков. *Примеч. ред.*

знание стремится редуцировать разногласия к первобытному языку «своих и чужих».

4. Изобретение в постсоветском контексте консерватизма – задача, очевидным образом более сложная, нежели изобретение либерализма и национализма. Не случайно, несмотря на наличие уже в 1990-х годах отдельных партийно-политических проектов, использовавших прилагательное «консервативный» в своих названиях, исследователи идеологий долгое время не могли договориться относительно того, какой именно комплекс идей следует рассматривать как основу постсоветского консервативного проекта:

- в 1990-х годах, следуя логике ситуационного понимания консерватизма, некоторые исследователи назначали на эту роль коммунистов;

- В.А. Гусев «Русский консерватизм: Основные направления и этапы развития» (2001): концепция «третьей волны консерватизма», связывавшая современный консерватизм с национал-патриотическими и антизападническими концепциями, развиваемыми журналами «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия»;

- Л.В. Поляков (2000) увидел «Манифест либерального консерватизма» в предвыборной статье В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий»;

- в 2000-х годах количество проектов, использовавших слово «консервативный» в самоназвании умножилось.

Однако это не упрощает проблему идентификации, актуальную для любого «изма». Учитывая, что любая идеологическая традиция плюралистична, определение «измов» – это всегда «идеологическое упражнение» по отбору того, что автору кажется наиболее существенными элементами данной традиции. В случае с консерватизмом это усугубляется его принципиально ситуационным (situational) характером¹. Как известно, Хантингтон полагал, что консерватизм принципиально отличается от других «измов» тем, что он представляет собой скорее определенное отношение к институтам, нежели веру в конкретный идеал. Это – позиционная идеология, подобно радикализму (и, добавим, популизму). Если так, то а) бессмысленно ставить вопрос о консервативной традиции: проявления консерватизма в разных контекстах – просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные обстоятельства; б) консерватизм невозможен в состоянии хаоса или в обществе, находящемся в состоянии быстрых революционных изменений. Не случайно в постсоветской России консервативный проект появляется позже других «измов», когда вырисовываются контуры социального порядка, который можно защищать.

Впрочем, сходный вывод об условиях, в которых становится возможен консервативный проект, можно сделать и на основе «автономного» определения, связывающего консерватизм с определенной системой идей, поскольку конкретное наполнение этих идей сопряжено с наличием ретроспективной утопии, определенного понимания прошлого. К сожалению, задача конструирования традиции, на которую можно опираться, до недавнего времени не являлась приоритетом символической политики: российская властвующая элита предпочитает использовать прошлое, не занимаясь систематическим конструированием связного метанарратива.

¹ Во всяком случае, согласно подходу, получившему хрестоматийное обоснование в статье С. Хантингтона «Консерватизм как идеология» (1957, American Political Science Review).

Российский консерватизм на страже будущего

Для меня наиболее существенным является вопрос о возможности консервативного мышления, консервативной идеологии работать в качестве некой силы, которая способна решать задачи сегодняшнего дня. Базовый вопрос о консерватизме распадается на три.

Во-первых, пришло ли время консерватизму в России – если да, то почему?

Второй вопрос, который здесь уже поднимался Александром Владимировичем [Щипковым – *Ред.*] и Михаилом Юрьевичем [Виноградовым. – *Ред.*], – о смысле, сути и специфике русской истории как постоянном самоотрицании. И связанный с ним вопрос: какую традицию мы можем консервировать?

Наконец, третий сюжет: может ли консерватизм выступать творческой силой национального развития? И связанный с ним вопрос о субъекте консерватизма: где те консерваторы, которые могут реально это делать? Или, быть может, они уже делают, но мы не готовы квалифицировать их как консерваторов?

Итак, о консервативном времени. Сначала нужно дать некую градацию постсоветского периода, чтобы вопрос звучал вполне контекстно. Чисто аналитически можно поделить новейшую историю на четыре эпохи:

– конец Советского Союза и становление нового российского государства, то есть это «перестройка» плюс два года до Конституции 1993 года, – это эпоха распада, в которой термин «консерватор» поминался исключительно в негативном смысле как тот, кто мешает реформаторам; соответственно, и сам консерватор в период хаоса и распада появиться не мог;

– 1990-е годы, или эпоха п(р)орыва; для этой эпохи характерен феномен функционального субститута: во-первых, левый консерватизм КПРФ, о котором очень убедительно писал Борис Гурьевич Капустин¹, и то, о чем писал я в статье «Пять парадоксов российского консерватизма» – по функционалу наши либералы (Гайдар, Чубайс и вся эта школа) выступали в роли неоконсерваторов типа Кристалла, впрочем, с одной поправкой: Кристалл и его единомышленники, заложившие идеологическую почву для тэтчеризма и рейганизма, соединяли достоинства современного предпринимательства (поставленные под вопрос той триадой, о которой говорил Михаил Ремизов) с моральными достоинствами христианской традиции. Я не замечал ни у Гайдара, ни у его окружения особой склонности ко второму компоненту, хотя в книге «Государство и эволюция» Гайдар, конечно, писал о собственном патриотизме и моральных ценностях, но тем не менее функционально в ту эпоху новейшей российской истории я обнаруживаю два таких субститута, заместителя консервативной идеологии;

¹ Капустин Б.Г. Левый консерватизм КПРФ и его роль в современной политике // Независимая газета. 1996. 5 марта.

– эпоха «нулевых» – «время собирания камней», когда была предпринята попытка сформировать консервативную внутреннюю позицию в рамках партийного пространства. Это не удалось по нескольким причинам: несмотря на позиционирование «Единой России» как консервативной партии, активисты этот термин не принимали ни в какую; сама система платформ и клубов растроила и даже расчленила партийные силы; наконец, немаловажно, что сам лидер в то время не идентифицировал себя как консерватор, так как позиция президента не допускала партийной привязки;

– нынешняя эпоха – третий срок; уверен – это время консерватизма. Консерваторы всегда просыпаются в ответ на вызов. Когда всё хорошо, консерватизму нет необходимости выходить со своими проектами. В отличие от либералов и социалистов, которые всегда предлагают некую идею и указывают на сегодняшнее состояние как на стадию на пути к ее реализации, консерваторы умеют наслаждаться тем, чего мы достигли сейчас. Когда нет вызова, ставящего под вопрос институциональную структуру наличного порядка, консерваторам делать нечего. Но поскольку третий срок начинался с очень серьезного кризиса зимы 2011/2012 года, это была домашняя вариация глобальной контркультуры. И «панк-молебен» в Храме Христа Спасителя – та точка, когда этот вызов был брошен предельно откровенно. Неполитический по своему антуражу, но политический как наносящий удар по несущей конструкции традиционной русской культуры.

Вторая причина – и здесь я перехожу ко второму вопросу – прошлое. Если консерватизм востребован как ответ на очень серьезный вызов, как культурная контрреволюция, то необходимо понять, что это за консерватизм, откуда он может взяться и что он должен делать. Это то, над чем мы бьемся уже не первый год. Сама алгоритмика нашей истории, заключающаяся в вечных отказах от самих себя и привнесении чужого опыта в качестве того, подо что мы должны подстраивать существующее, то есть постоянная догоняющая модернизация, – сама эта алгоритмика есть тупик. Если мы хотим создать консерватизм как некую легитимацию традиции, то будем консервировать вечную отсталость. Время консерватизма пришло в том смысле, что мы должны четко осознать: к сожалению, наша история такова, и подумать, не пришло ли время изменить исторический алгоритм. Мы переосмысливаем то, что делали всегда. Мы пытаемся наполнить содержательным смыслом термин «консервативная модернизация», возникший еще в конце нулевых и благополучно тогда исчезнувший, потому что никто не смог его актуализировать.

Кратко формулируя смысл исторического алгоритма, можно сделать следующее заключение. У импортеров западного, как правило, опыта есть преимущество, заключающееся в том, что они опираются на сильную и одновременно реформаторскую власть. У них есть ресурс для того, чтобы легитимировать любую инновацию, прежде всего ресурс силовой. Но там имеются минусы, худший из которых проявился дважды – в 1918 и 1991 годах. Власть, которая импортирует чужие ценности и продвигает их как образец для подражания для всех остальных, добивается своего на очень узком пространстве ближайшей элиты. Остальное население усваивает реформы на половину, на четверть и фактически отчуждается. Герцен когда-то отметил, что Россия состоит из двух народов, говорящих на разных языках, – Петербурга и всего остального. Поэтому что получается, когда государство получает серьезный вызов со стороны маленькой контрэлиты, – и в 1917-м, и в 1991-м? Оно не имеет защитников, потому что предстает в глазах большинства как чужеродная сила. Вот в чем трагический смысл такого типа исторического развития. И потому настолько всерьез была воспринята угроза «оранжевой революции»

и «белоленточного» движения – власть интуитивно понимала, что за ней нет широкой поддержки в культурном смысле, в смысле ценностной идентичности.

Перехожу к третьему вопросу и своей гипотезе. Третий срок стал возможен в той форме, в которой он состоялся, благодаря фактору, который здесь пока не упоминался, но тем не менее играет весьма значительную роль во всей метаполитической системе и социальных практиках. Я говорю про ОНФ. Это субъект, который берет на себя функцию реального носителя ценностей консервативной идеологии. Если мы рассматриваем ситуацию, в которой, по Мангейму, возникает потребность в объективной мыслительной структуре, то кто ее носитель и локомотив, кто субъект, который будет ее продвигать? ОНФ – это структура принципиально не политическая, хотя и включающая в себя политический аспект в виде третьей части фракции «Единой России» в Государственной Думе. Это надполитическая структура, не предполагающая партизацию консерватизма. Она дает лидеру возможность позиционировать себя открыто, последовательно в качестве прагматика с консервативным уклоном.

Ситуация сегодняшнего дня такова: если будет понято, что опора на историю в прежнем виде, на модернизацию как самоотчуждение власти и элиты от собственного народа будет преодолена, если будет сделана ставка на инновации, возникающие в результате собственного творчества, а не на импорт готовых образцов, в этом случае у консерватизма в России есть перспектива.

Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной России: проблема сохраняющего развития

Можно любить коньяк, можно любить боржоми, но для того чтобы их выпить, нужно иметь бокал. Если же бокал разбит, то ничего налить нельзя. Меня больше интересует не вопрос, какая идеология лучше, или кто оказался прав – Бердяев или Дзержинский. Бердяев дольше прожил, а Дзержинский лучше в обществе воспринимается. Но дело не в этом. Политическая идеология возникает и существует не для самоутешения власти. Политические идеологии существуют как выражение ожидания крупных социальных групп – социально-экономических классов и крупных социокультурных групп. Это не политическая доктрина, которая сегодняшней пост сохраняет, это прежде всего ценности и цель.

С инженерной точки зрения, вопрос прост: России что нужно? Главная задача идеологии – ориентация действия. Какого типа действие нужно России? Прорывного, или осторожного поступательного, или сдерживающего, оборонительного, или наступательного? Приняв сейчас в качестве гипотезы, чтобы не вдаваться в дискуссию, то, что России нужно прорывное действие, потому что она отстала даже от РСФСР 1990 года, – получаем вопрос, какая из идеологий может в большей степени обеспечить решение задач мобилизационного прорыва. Идентификация идеологий достаточно условна – есть классические идеологии XVIII – XIX веков, а есть формат XX века, где всё поменялось и консерваторами себя объявили люди, которые раньше говорили, что они наследники Адама Смита. Есть и неформы конца XX – начала XXI века. Верно говорилось о появлении неоконсерватизма как соединении экономических идеалов XVIII века с моральной ответственностью – неоконсерватизма Рейгана и Тэтчер. Но никто в мире не считал их либералами, соответственно и Чубайс с Гайдаром не есть либералы. Был ведь еще фридмановский консерватизм – без всякой ответственности, а как казалось рациональным самому Фридману, опираясь на конкуренцию и остальную архаическую атрибутику. Гайдар и Чубайс были не неоконсерваторами, а фридмановскими консерваторами. Но дело, в конце концов, не в том, кого как назвать, и не в том, кто как себя назовет. Коммунистами назовут себя от 6 до 18% населения при разной постановке вопроса, а за то, чтобы национализировать крупную промышленность, банки или электроэнергетику, будет 80–90%. И кто тогда коммунисты? Те, кто сказал, что мы коммунисты, или те, кто за то, чтобы всё национализировать?

Реплика. То же самое и националисты.

С.Ф. Черняховский. Когда мы говорим об идеологиях, надо посмотреть на идеальные типы, чтобы понять какого типа движение и с какими ценностями может утвердиться и победить. И какое движение может обеспечить решение стоящих перед нами прагматических политических задач.

Налицо полная деструкция либерализма. Не потому, что он плох. Великолепная идеология – Вольтер, Дидро, Франклин Рузвельт и так далее. Но, во-

первых, он дискредитирован предельно. Во-вторых, потому, что он не предполагает рецептов мобилизации. У него главный рецепт – каждому доделать то, что он хочет, и всё получится. Но никто не будет делать то, что принесет отдачу через 20–30 лет. А его подобный рузвельтовскому организующий характер хорош в периоды перепроизводства, когда всё работает, но надо организовать, чтобы оно работало разумно.

Если говорить о национализме и посмотреть на данные социологических опросов, то мы увидим, что постулаты национализма, даже в здоровом его виде, воспринимаются очень мало, потому что большая часть людей говорит: верните нам нашу империю. И вот этот актуализированный этнонационализм не может обеспечить существование полиэтнической, поликонфессиональной, поликультурной страны. Потому что это форма империи. Можно переводить формат националистической мобилизации в некий советский национализм, который скажет что в Тбилиси, Душанбе и Москве живет одна и та же нация, а какой цвет глаз – неважно. Теоретически это можно сделать, но сегодня крайне сложно. Национализм хорош тем, что на короткое время мобилизует человека, когда говорит: «Мой народ всех иноземцев выгонит и будет хорошо жить». Но он не задумывается над тем, что вообще-то тогда надо будет работать. А если работать, то ведь можно никого и не выгонять. Почему Гитлеру пришлось это соединять с подобием социализма – чтобы люди еще и работали, а не только били тех, кто им не нравится.

В отношении консерватизма. Консерватизм никогда, ни в какой своей вариации не представлялся как защита отжившего. Он предполагал поступательное развитие. Консерватизм никогда не приводил к рывкам. Другое дело, что в современном мире – и в мире целом, и в России – запрос на антиэнтропийный консерватизм, потому что когда мир идет вперед, движение ускоряется, консерватизм говорит: «Давайте не так быстро», – это одно. А когда прогресс обрушивается в регресс, консерватизм говорит: «Мы его остановим», – он выступает как баррикада, останавливая запущенный механизм разрушения, запущенный во многом деструктивным развитием либерализма, приведшим к собственной противоположности (когда священная свобода слова превратилась в свободу оскорблений, право на создание семьи превратилось в разрушение семьи, идея содружества, равноправия всех людей превратилась в диктат меньшинств). Как когда-то рушилась под нашествием варваров Римская империя и монастыри становились очагами, сохраняющими что-то от культуры, так и сейчас имеет место попытка что-то сохранить, только возможностей для сохранения побольше.

Но всегда актуален тезис: «Оборона есть смерть вооруженного восстания». Одной обороной нельзя остановить регресс, он останавливается развитием прогресса. Когда есть возможность поступательного развития, если ситуация не запущена настолько, что с ним опоздали, то лучше развитие без рывков.

Все сегодня уходило в этот вопрос: что сохранять консерватизму? Потому что один хочет сохранить советский период, другой – досоветский, третий – допетровский, и каждый говорит: я за сохранение самого главного, самого лучшего, – только самое лучшее каждый понимает по-своему. Кто-то скажет: мы за сохранение истинно русских ценностей. Но ведь возможна и такая трактовка, что истинно русская ценность – это постоянный раскол. Потому что в силу формирования сознания как ориентированного на высшую истину всё время происходит так: создали что-то, успокоились, истина достигнута, потом увидели, что отстали, и сказали: ну, давайте делать новый рывок вперед. А другая часть пассионариев отвечает: как же так, мы же совершенство построили – мы будем бороться. Вот эта триада: рывок, отставание и раскол – это тоже русская тради-

ция. А может быть, это истинно русская ценность. Что такое истинная ценность? Хорошо работать у своего барина или поджечь его дом и сбежать в казаки?

Можно очень по-разному отвечать на эти вопросы. А это значит, что мы всё время оказываемся перед неопределенностью, которая в каких-то моментах нам помогает, а в каких-то мешает. И возникает вопрос о необходимости все-таки искать путь мобилизации. А путь мобилизации в первую очередь нужно искать в ценностях и симпатиях, которым подвержено общество. В 2012 году фонд «Общественное мнение» задал россиянам вопрос: «Если бы вы жили в 1917 году, вы бы участвовали или не участвовали в гражданской войне? И если да, то на чьей стороне?». 26% ответивших – участвовали бы на стороне красных, 6% – не участвовали бы, но поддерживали бы красных, 5% – участвовали бы на стороне белых, 3% – не участвовали бы, но поддерживали бы белых, 20% – не участвовали бы и никого не поддерживали бы, 39% – затруднились ответить¹.

Я поставил бы вопрос несколько иначе: о запросе на сохраняющее развитие, о запросе на то, как совершить рывок, не разрушая той базы, которая создана. Две катастрофы XX века были связаны с тем, что в начале прошлого века элита отстала с осуществлением необходимых изменений и потребовалась революционная энергия (революция – в первую очередь созидание, в отличие от революционаризма), чтобы двинуться вперед. Ленин решал те же проблемы, что и Столыпин. А в конце XX века элита увлеклась бездумной революционностью, изменениями ради изменений, и тут уже не хватило консерватизма. Сначала его было слишком много, а потом не хватило. Поэтому самая актуальная задача сегодня – выявить мобилизационный потенциал всех идеологий, которые могут быть взяты на вооружение, определить, какая из них способна подвигнуть людей идти и строить заводы даже тогда, когда им будут плохо платить. Чтобы решать эту задачу объективно, необходимо дистанцироваться от собственных симпатий к той или иной политической идеологии.

¹ В рамках того же исследования был задан и другой вопрос: «После Октябрьской революции 1917 года началась гражданская война. Скажите, пожалуйста, на чьей стороне были ваши предки?». Ответы распределились так: на стороне красных – 39%, на стороне белых – 3%, среди моих предков были и те, кто поддерживал красных, и те, кто поддерживал белых, – 6%, ни на той, ни на другой стороне – 12%, затруднились ответить – 40%. Статистическая погрешность не превышала 3,6% (Для 47% россиян 7 ноября не является значимым днем. Россияне оценивают роль Октябрьской революции в судьбе страны и их семей // Фонд «Общественное мнение». 2012. 7 ноября. URL: <http://fom.ru/Proshloe/10685>). *Примеч. ред.*

А.В. Щипков. Коллеги, есть вопросы к выступившим докладчикам?

А.И. Болдырев. Вопрос господину Полякову. Каков критерий субъектности, почему ОНФ – субъект? Что дает основание с таким оптимизмом утверждать наличие у него мобилизационного прорывного консерватизма? И вопрос последнему докладчику. Все-таки это Бердяевские чтения, сто сорок лет Бердяеву. Он своей биографией олицетворяет связь времен. Начинал он как радикал, а закончил религиозным мыслителем, не ортодоксальным, но таким, которого обильно цитируют и наш патриарх, и Владимир Владимирович Путин. Не кажется ли вам, что есть нечто общее, непрерывное, некая историческая линия, которая позволит остановить плавающую идентичность? Если идентичность будет продолжать плавать в этом бурном море, ни о каком консерватизме речь идти не может.

Л.В. Поляков. Чуть-чуть конкретнее об этом теоретическом опознавании консервативного движения. Мне кажется, что Общероссийский народный фронт является субъектом, носителем современного консерватизма, консерватизма, который приходит как ответ на вызовы, причем на вызовы двойного смысла – как ответ на ситуативный вызов от конкретных сил и вызов истории. Думаю, что у ОНФ есть несколько позиций, по которым он может претендовать на этот статус и тем самым уже доказывает свою субъектность. Перечислю их. Как я уже говорил, на предыдущем этапе не удалось вписать консервативную политическую идеологию в партийный контекст. Опыт «Единой России», наличие соответствующих положений в партийной программе, заверения в том, что мы – консерваторы, – всё это позволяет заявить, что слова словами, а практика свидетельствует о том, что в ни одной избирательной кампании единороссы не позиционировали себя как консерваторы. По Мангейму, консерватизм в поисках площадки должен куда-то двигаться. ОНФ является такой площадкой – декларативно внеполитической.

Консерватизм ОНФ представляет собой попытку позиционировать консерватизм как псевдополитическую, а на самом деле более широкую, общекультурную идеологию. Заход с этой стороны позволяет интегрировать консерватизм в повседневность в качестве того, что легитимирует действия власти. Повторяю – не политическим путем. Пока это удастся. Получается очень органичная связка. Когда сам лидер заявляет, что он консерватор, и все остальные участники продвигают свои консервативные позиции, акцентируя четыре ценности: справедливость, семья, совесть и родина. Поэтому претензия вполне обоснована. Сергей [Черняховский. – *Ред.*] правильно говорит о прорыве, но он имеет в виду экономико-технологический прорыв, даже технико-экономический. А я говорю о том, что консервативный прорыв должен состояться в смысле выхода за пределы порочного круга вечно повторяющейся истории неконсервативной модернизации. Когда мы все время ищем образец вне себя, долго его пристраиваем, а потом оказывается, что государство падает, потому что его некому защищать. И мы опять начинаем искать новый проект. В этом смысле у ОНФ есть шанс – это не апология, не прославление ОНФ: дескать, вот они консерваторы, наконец-то пришли. И последнее уточнение. Сегодняшний консерватор – тот, кто понимает основную проблему России. И не так, как понимают ее либералы и левые. У них всегда одно и то же: либо на Запад, либо тоже на Запад, но через теорию. Либо к Смигу, либо к Марксу. Консерватор сегодня это тот, кто осмеливается сказать «нет, это не так». Но при этом я не вижу, что консерватизм дает ответ на вопрос, как именно решать проблему. В этом смысле, как мне представляется, Михаил Виноградов правильно видит проблему. Надо искать общие точки в прошлом, в истории, то, что нас всех объединяет, а не то, что разъединяет. Вы видели концепцию единого учебника истории? Там названы двадцать трудных вопросов. Консерватор должен найти ответ на все эти вопросы, в том числе для первого класса школы. Левые и либералы имеют ответы на все эти вопросы.

С.Ф. Черняховский. В отношении Бердяева и того, что его цитируют... Имеют право... То, что процитировал Владимир Владимирович, он сказал в каком контексте? Это был упрек тем консерваторам, которые защищали прошлое, не желая обеспечивать движение вперед. Я сейчас не хочу за недостатком времени пересказывать те абсолютно разумные докладные записки, которые зимой 1917 года писали Николаю II консерваторы о том, что мы накануне краха, и если он за ум не возьмется, то всё взорвется в ближайшие месяцы. Вот консерваторы тогда переусердствовали, мешая движению вперед. В отношении идентичности... Абсолютно правильно. Лучший способ уйти от плавающей идентичности – это сменить ее на утонувшую, перестать плавать и утонуть. Но для того чтобы сохранить ту или иную идентичность в современном мире, надо иметь возможность не зависеть от экономических партнеров, надо иметь самодостаточную экономику, надо иметь оружие, которое защитит тебя от любого удара. И это надо вне зависимости от того, что для тебя важно, церковь или мавзолей. Почему я говорю о технической, технико-экономической стороне вопроса, потому что, к сожалению, ракетно-ядерный удар ни портретом Сталина, ни крестным знаменем не остановишь.

В теории согласия есть такой принцип: не обязательно детерминировать себя с прошлым. Безусловно, и классически белые, монархически-консервативные, и классически красные никогда не сойдутся в оценке Николая или Ленина, Свердлова или Столыпина, но они сойдутся между собой в том, что Россия должна совершить технологический прорыв, что она должна иметь сильную армию, авиацию и флот, что надо уйти от бредовых рыночных идей. Они сойдутся в том, что Россия должна гарантировать национальный суверенитет. Может быть, в России должен править православный царь, может быть, пролетарский диктатор. Но этот вопрос должна решать сама Россия. Так что реальное поле восстановления идентичности – через цели. Хотя и через ценности тоже. Надо детерминировать себя будущим.

В силу ряда причин российское национальное самосознание сложилось как самосознание поиска смысла жизни. В этом есть много слабых моментов, но есть и огромная сила. С этой точки зрения идентичность заключается в том, что российская цивилизация всегда ориентировалась не на сиюминутное благо, а на некую высшую идеальность.

А.Ю. Зудин. Реплики будут фрагментарные. Любую проблему и любую задачу можно обсуждать с двух диаметрально противоположных точек зрения. Точка зрения первая – почему у нас не получится? Точка зрения вторая – а как нам это сделать? Это по поводу количества трудных вопросов в едином курсе истории. Как мне кажется, если поставить во главу угла необходимость сохранения единства российской истории, включая советский период, и добросовестно относиться к делу, эти проблемы могут быть решены. Другое дело, если исходить из прямо противоположного принципа, а именно: почему у нас не получится. Теперь по поводу обсуждения проблем, связанных с консерватизмом у нас и на Западе. Как совершенно справедливо напомнила нам госпожа Малинова, для идеологии – для любых идеологий, не только для консерватизма – очень важен принцип конкуренции. С тех пор как Михаил Бахтин открыл свой принцип диалогичности и его главную роль в жизни любой культурной системы, это, в общем, понятно. Поэтому у нас конкуренция важна также и для других идеологических систем, в частности и для того, что сейчас называют либерализмом, с разными приставками. Кроме того, тут прозвучало, что консерватизм всегда на что-то реагирует, а либерализм рождается каким-то другим способом. Любая идеология, насколько могут подсказать знания, почерпнутые из книжек, рождается в ответ на вызов или активизируется в ответ на вызов. Подъем правых идеологий в Соединенных Штатах во второй половине 1970-х годов и в конце 1970-х годов в Великобритании не был связан с тем, что какому-то количеству интеллектуалов пришли в голову какие-то светлые мысли, которые они через средства

массовой информации внедрили в общественное мнение. Все были восхищены глубиной и смелостью этих мыслей, и поэтому там произошли означенные политические события. Люди предлагали свои рецепты и новые идеи для решения острейших проблем, которые стояли перед этими странами. Сейчас мы можем сказать, что эти решения помогли подготовить эти страны к глобализации. Благодаря этим решениям эти страны опередили всю остальную часть мира в подготовке к глобализации. Более того, они ее во многом и спровоцировали. Таким образом, любая идеология рождается или активизируется в ответ на вызов. Не надо консерватизму приписывать то, что на самом деле является общим свойством. Распространенное представление о том, что существует чудесная триада замечательных идеологических систем – либерализма, консерватизма и социал-демократии – нуждается в корректировке. Такая триада реально существовала, наверное, в 1970–1980-х годах. А после краха советского коммунизма и очень больших изменений, которые обычно совокупно обозначаются как глобализация, начались совершенно другие идеологические процессы. Началось схлопывание и опустошение. Оля [О.Ю. Малинова. – *Ред.*] говорила о некоем конце идеологии. Дэниел Белл об этом сказал в конце 1970-х годов чисто теоретически. А к концу XX века это стало происходить практическим образом. Сейчас никакой триады нет, а есть злокачественное разрастание одной идеологии. Но любые идеологии могут быть продуктивны в широком смысле тогда, когда с кем-то конкурируют. Там у себя они уже мало с кем конкурируют и продуктивность свою теряют. Поэтому нам здесь вряд ли нужно заниматься нашим любимым делом – вытягивать шею в известном географическом направлении и искать там рецепты и смысл. Никаких рецептов и смысла мы там не найдем.

Как мне представляется, любая осмысленная работа с идеологией в нашей стране возможна только за счет наращивания рефлексии над собственным коллективным историческим опытом. Это единственная возможность, это единственное направление. Ну и, кроме того, не надо искать каких-то книжных,

заумных оснований. Коллега Федоров в своей презентации продемонстрировал, что такое основание у нас уже есть. Там с позитивной окраской на первом месте у него функционировал патриотизм, то есть хорошее, а наибольшее количество негативных значений собрал национализм. То есть у нас есть две коллективистские идеологии – одна хорошая, другая плохая. Одна может послужить основой для идеологического конструирования, и только эта основа может хранить жизнеспособные идеологии. Вторая, как часть людей догадывается, а тем людям, которые не догадываются, подсказывают СМИ и агитпроп, – для нас смертельна.

Коллега Черняховский справедливо заметил, что решение проблемы идеологии находится во внешнем поле. То есть в поле, которое является внешним по отношению к идеологии. Та система идей, которая сможет обеспечить наилучшим образом тот этап государственного строительства, который сейчас наиболее актуален, та и будет востребована, а как она будет называться – вопрос открытый. Впрочем, частичный ответ на этот вопрос уже дан: без консервативных ценностей никакая идеология будущего в нашей стране невозможна, но, повторю, как она будет называться и какие элементы в себе сочетать, ответ на этот вопрос остается открытым.

И самое последнее. При всей своей провинциальности, ограниченности, активисты «Единой России», которые отказывались признаваться в том, что они являются носителями консервативных ценностей, опирались на практический опыт. У консерватизма есть мобилизационный дефицит, но, как мне кажется, это не обязательно является проблемой. В конце концов, возможно создание идеологических конструкторов с участием консервативных ценностей, которые совершенно необязательно будут называться консервативными, то есть в названии которых обязательно будет присутствовать консерватизм. Есть историческая память, память языка, устойчивая система ассоциаций. Здесь консерватизм закрепился как нечто охранительное, нечто

защищающее, и с этим, как мне кажется, нельзя не считаться.

В.Е. Хомяков. Хотел бы оттолкнуться от предыдущего выступления, поскольку отношу себя к категории национал-патриотов по убеждению. Я хотел бы вам оппонировать. Возможно, вы недостаточно глубоко в этом движении ориентируетесь. Дело в том, что сегодня национализм является не злом, не добром, а вполне нормальной категорией. В качестве примера я всегда привожу Британскую энциклопедию, где черным по белому написано, что национализм – это верность своей нации и стране, интересы которой приоритетны по отношению к любым частным или групповым интересам. Думаю, если спросить, согласны ли вы, что любовь к своей стране и нации должна являться приоритетной по отношению к частным и групповым интересам, 80% ответят, что они это поддерживают, не зная, как это называется. Национализм был так же демонизирован, как и консерватизм. Изначально он подавался как русский шовинизм. В первое десятилетие советской власти русский народ был в крайней дискриминации, ибо на него навесили все реальные и мнимые грехи предыдущих эпох перед всеми народами. Национализм сегодня делится на две части. Это русско-имперская часть, воспринимающая будущее российской нации в качестве суперэтнической целостности, сложившейся вокруг стержневого русского народа. И есть не имперское, а этнонационалистическое понимание, которое противопоставляет российскую государственность русскому народу. Поэтому не надо всё сваливать, так сказать, в одну корзину. Хотя бы потому, что наш консерватизм принципиально отличается от консерватизма западного. Иногда можно слышать предложение о перенесении понимания консерватизма неоконами на нашу почву. Это смертельно опасно, это все равно, что отрезать человеку ногу и пришить железную, потому что она крепче. Любой консерватизм сугубо национален. Он ориентирован на сохранение традиционных ценностей данного народа, а

не каких-то абстрактных ценностей. На худой конец, это ценности цивилизации, на основе которых возник данный народ, в частности русской, христианской, восточно-христианской цивилизации. И другим он быть не может. Если пересаживать стандарты и подходы чужого национализма на нашу почву, получится то, что в гумилевской теории этногенеза называлось химерой, то есть продуктом контакта двух несовместимых этносов.

Я не согласен, что консерватизм невозможен в состоянии хаоса. Консервативная идея всегда являлась основой для консолидации сил, противостоящих хаосу, как внутри страны, так и импортируемых извне.

Про СССР. Бог с ним, с СССР, не буду трогать больные темы, чтобы не вбивать клин между красными и белыми, чего я всегда пытался избежать. Но, коллеги, за последние сто лет мы пережили три системные ломки всех общественных устоев. До 1917 года в стране проводился, в общем, либерально-демократический курс. С ним в причудливом симбиозе находился охранительный консерватизм в духе графа Уварова. В качестве консерваторов выступала тогдашняя системная оппозиция, предлагавшая кое-что поменять, чтобы не было революции. А либералы и социалисты выступали как несистемная оппозиция, за свержение власти. Что происходит в результате?

Охранители государственности оказываются несостоятельными, и либералы с социалистами свержают монархию, после чего социалисты защищают либералов.

Теперь 1991 год. Все дискуссии до этого шли внутри КПСС. Партийные либералы впитывают западные идеи и трансформируют их в некие революционные воззрения.

Команда Горбачева осуществляет революцию сверху. Там же внутри партии возникает охранительное, ортодоксально-коммунистическое течение, которое можно назвать ситуативно-консервативным. В результате возникает кризис, и против режима выступают единым фронтом и либералы, и коммунисты, которые воспринимают изменения как улучшения социализма. До 1989-го, до 1990 года все изменения

осуществлялись под флагом улучшения социализма, никак иначе.

Наконец, теперешняя ситуация. У нас опять налицо охранительный либерально-консервативный блок. Борьба 2011–2012 годов была борьбой либералов-радикалов против либералов-консерваторов за право возглавлять либеральный проект в России. И поэтому Путин абсолютно прав, что он единственный выход видит в том, чтобы отказаться от этого проекта как такового. Но если всё будет повторяться, и в рамках «Единой России» и окружающих сил будут то же самое ситуационное охранительство и квазиконсерватизм, мы придем к тому же. Любая успешная идеология успешна потому, что эффективно реагирует на вызов, апеллируя к неким архетипам национальной

ментальности, которые ущемлены в настоящий момент. В 1917 году большевики апеллировали к понятию справедливости, которое было в угнетенном состоянии. И сыграли на этом. В 1991 году демократы апеллировали к свободе. Были социальные гарантии, но не было свободы. И сегодня надо зацепить самую главную струну – это основы отечественной культуры и ментальности. Но наш консерватизм должен быть не в охранительном, не в ретроградном варианте, а предлагающим такие изменения, которые не разрушают основы, и не позволяющим их разрушить извне.

А.В. Щипков. Спасибо большое, коллеги. Наша программа на сегодня завершена.

АВДЕЕВ

Олег Константинович

кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАДОВСКИЙ

Дмитрий Владимирович

кандидат политических наук, председатель совета директоров Некоммерческого фонда – Института социально-экономических и политических исследований

БЕНЕДИКТОВ

Кирилл Станиславович

кандидат политических наук, руководитель отдела интеллектуальных исследований портала “Terra America”

БОЛДЫРЕВ

Алексей Иванович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БУНИН

Игорь Михайлович

доктор политических наук, президент Центра политических технологий

ВАНЧУГОВ

Василий Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ВИНОГРАДОВ

Михаил Юрьевич

президент фонда «Петербургская политика»

ВОЛГИН

Игорь Леонидович

поэт, литературовед, доктор филологических, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президент Международного общества Достоевского

ГАМАН-ГОЛУТВИНА

Оксана Викторовна

доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО, президент Российской ассоциации политической науки

ЗЛОБИН

Николай Васильевич

президент Центра глобальных интересов (Center on Global Interests)

ЗУДИН

Алексей Юрьевич

политолог, член Экспертного совета Некоммерческого фонда – Института социально-экономических и политических исследований

КАРЦОВ

Алексей Сергеевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОЗЫРЕВ

Алексей Павлович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

КУРКИН

Никита Александрович

историк, соредактор портала “Terra America”

ЛЕОНОВ

Александр Андреевич

политолог, аспирант кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

МАЛИНОВА

Ольга Юрьевна

доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО

МАКАРЕНКО

Борис Игоревич

председатель правления Фонда «Центр политических технологий», профессор кафедры сравнительной политологии факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ

МАРКОВ

Сергей Александрович

кандидат политических наук, член Общественной палаты РФ, проректор РЭУ им. Г.В. Плеханова по связям с государственными органами и общественными организациями

МАСЛИН

Михаил Александрович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

МАТВЕЙЧЕВ

Олег Анатольевич

кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ ВШЭ

МЕЖУЕВ

Борис Вадимович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ

им. М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора газеты «Известия», соредактор портала “Terra America”

МИНАКОВ

Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук, директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета

МИНЧЕНКО

Евгений Николаевич

президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг»

МИРОНОВ

Николай Михайлович

генеральный директор Института приоритетных региональных проектов

МИХАЙЛОВ

Родион Владимирович

кандидат политических наук, заместитель председателя Экспертного совета Некоммерческого фонда – Института социально-экономических и политических исследований

МУХИН

Алексей Алексеевич

генеральный директор Центра политической информации

МЧЕДЛОВА

Мария Мирановна

доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

НИКОНОВ

Вячеслав Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию, председатель правления фонда «Русский мир»

ПОЛЯКОВ**Леонид Владимирович**

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей политологии факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

ПОПОВ**Андрей Алексеевич**

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РЕМИЗОВ**Михаил Витальевич**

кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, член Экспертного совета при Правительстве РФ

РЕПНИКОВ**Александр Витальевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии, литературы Российского университета театрального искусства – ГИТИС, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории

СТАРИКОВ**Николай Викторович**

публицист, коммерческий директор представительства телекомпании «Первый канал» в Санкт-Петербурге, сопредседатель партии «Великое Отечество»

СОЛОВЬЕВ**Эдуард Геннадьевич**

кандидат политических наук, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

ФЕДОРОВ**Валерий Валерьевич**

кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ, заведующий базовой кафедрой ВЦИОМ факультета социологии НИУ ВШЭ

ФЕДОРОВА**Мария Михайловна**

доктор политических наук, заведующая сектором истории политической философии Института философии РАН

ХАТУНЦЕВ**Станислав Витальевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета

ХОМЯКОВ**Владимир Евгеньевич**

сопредседатель партии «Великое Отечество»

ЦИПКО**Александр Сергеевич**

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН, член Экспертного совета Некоммерческого фонда – Института социально-экономических и политических исследований

ЧЕРНЯХОВСКИЙ**Сергей Феликсович**

доктор политических наук, профессор кафедры культуры мира и демократии (ЮНЕСКО-РГГУ) факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

ЧЕЧЕВИШНИКОВ**Александр Леонидович**

кандидат исторических наук, главный редактор альманаха «Тетради по консерватизму», заместитель директора Института международных исследований МГИМО

ЩИПКОВ**Александр Владимирович**

кандидат философских наук, главный редактор интернет-портала «Религия и СМИ»

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 2 (1) 2014

Форум «Бердяевские чтения»
16 мая 2014 г.

Стенограмма

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepr.ru

Подписано в печать 08.08.2014. Формат 60х90^{1/8}. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1063

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 40б